

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Татьяна Носенко, Нина Семенченко

НАПРАСНАЯ ВРАЖДА

Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг.

Москва
ИВ РАН
2015

УДК 94(47) + 94(569.4)
ББК 63.3(2)632-64 + 63,3(5Изр)6-6
Н84

Рецензенты:

д.и.н., проф. Звягельская И.Д.,
д.э.н., проф. Исаев В.А.

Н84

Носенко Т.В., Семенченко Н.А.

Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. – М.: ИВ РАН, 2015. – 260 с. : ил.

ISBN 978-5-89282-597-9

Отношения с Израилем являются особой частью советской ближневосточной политики. В книге с привлечением опубликованных документов, архивных материалов и мемуарной литературы анализируются причины разрыва дипломатических отношений между двумя странами в 1967 г., характер советской и израильской политики в отношении друг друга на протяжении двух последовавших десятилетий. Процесс нормализации отношений между двумя странами начал развиваться только во второй половине 1980-х годов в условиях перестройки и гласности в СССР, с важными изменениями советского внешнеполитического курса.

Работа предназначена для специалистов-ближневосточников, студентов, изучающих историю международных отношений, а также для всех интересующихся историей внешней политики нашей страны.

УДК 332.146.2
ББК 65.9(5Изр)-551*65

© Т.В. Носенко, 2015
© Н.А. Семенченко, 2015
© Институт востоковедения
РАН, 2015

ISBN 978-5-89282-597-9

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. Советско-израильские отношения в период между 1948–1967 гг.	13
1.1. Создание Государства Израиль и позиция СССР	14
1.2. Конфронтация Восток-Запад и выбор Израиля.....	22
1.3. Формирование представлений об Израиле как агенте антисоветской деятельности	24
1.4. Роль антисемитизма в формировании советской политики в отношении Израиля	28
1.5. Поворот СССР в сторону арабов и отношения с Израилем... ..	30
1.6. Суэцкий кризис 1956 г. и советско-израильские отношения..	37
1.7. Поиски альтернативы в советско-израильских отношениях ..	43
1.8. Война 1967 г. и советско-израильские отношения.....	49
Глава 2. Советско-израильские отношения в 1967–1985 гг.....	72
2.1. Советско-израильские отношения между 1967 г. и 1973 г.	72
2.2. Октябрьская война 1973 г. и советско-израильские отношения	92
2.3. Женевская конференция и советско- израильские отношения	103
2.4. Советская ближневосточная политика во второй половине 1970-х гг. и отношения с Израилем	108
2.5. Ближневосточная политика СССР в начале 1980-х гг.	123
Глава 3. Общественно-политические контакты между СССР и Израилем в период отсутствия дипломатических отношений (1967–1987 гг.)	141
3.1. КПСС и израильские коммунисты	141
3.2. Израильские делегации.....	146
3.3. Советские делегации в Израиле.....	160
3.4. Израильские гости в СССР.....	165
Глава IV. Антисионизм – передовой рубеж идеологической борьбы... ..	171
Глава V. Советско-израильские отношения в период между 1985–1991 гг. Восстановление дипломатических отношений.....	184

5.1. Изменения в советской региональной политике	184
5.2. Развитие советской позиции по ближневосточному урегулированию	190
5.3. Израильский вопрос в контексте советско- американских отношений	195
5.4. Расширение связей с Израилем	199
5.5. Внутриполитическая либерализация в СССР и отношения с Израилем	205
5.6. Политическая ситуация в Израиле и отношения с СССР	208
5.7. Основные этапы нормализации отношений	212
Заключение	224
Приложение I. Антисионистский комитет советской общественности (АКСО)	227
Приложение II. Изучение языка иврит в СССР	230
Приложение III. История Отдела по изучению Израиля в Институте востоковедения РАН	233
Приложение IV. Радиовещание на Израиль как орудие идеологической борьбы	238
Список источников и литературы	248
Указатель имен и названий	254
Summary	259

Введение

Советская ближневосточная политика является предметом многочисленных исследований отечественных и зарубежных авторов. Но советско-израильские отношения рассматриваются в них, как правило, мимоходом, в контексте тех или иных поворотов глобальной и региональной политики. Известно также немало работ, посвященных борьбе Израиля за права советских евреев, в том числе за их право на эмиграцию. Однако трудно найти исследование, в котором был бы представлен комплексный, всесторонний обзор отношений между СССР и Израилем с момента его создания вплоть до драматического крушения советского государства.

Авторы предлагаемой работы не претендуют на исчерпывающее освещение данной темы, поэтому и определили ее жанр как очерки. Следует сразу сказать, что в значительной степени работа посвящена исследованию советской политики в отношении Израиля, анализу советской позиции по ближневосточному урегулированию на тех или иных этапах. В ней также отведено место особенностям внутренней политики СССР в отношении еврейского населения в той мере, в какой она отражалась на выработке внешнеполитического курса. Истории израильской политики в отношении СССР уделено меньше внимания. Это оправдано лишь постольку, поскольку эта последняя тема довольно подробно разработана израильскими и западными авторами. Что же касается советской стороны, то в накопленном исследовательском материале огромного объема много пробелов, противоречивых сведений и оценок, просто искажений, которые были продиктованы политическими и идеологическими соображениями. А главное, в них почти не звучит голос отечественных исследователей, личный опыт которых и знание действительности могут дополнить историческую картину. В настоящее время, когда мы отошли от советской эпохи на значительное расстояние, хоть и не на слишком большое по историческим меркам, возникает потребность заглянуть в прошлое уже с позиций сегодняшнего дня, оценить события, опираясь на свидетельства современников, открывшиеся архивные документы, новые монографические исследования.

Определенные трудности в работе были связаны с тем, что ряд архивных документов и материалов, позволяющих раскрыть механизмы принятия решений советским руководством, все же остаются

недоступными. Кроме того, в советской политической культуре не было принято писать мемуары, редкие личные свидетельства о времени бывают формальны и поверхностны. Использование монографических и других исследований советского периода осложняется тем, что заложенные в их основу крайне идеологизированные подходы, господство марксистско-ленинской методологии зачастую препятствовали объективному анализу процессов, происходивших на Ближнем Востоке, и причин изменения советского курса.

В задачу этой работы входило освещение специфики отношений двух стран с учетом особенностей международных отношений в целом в период между 1948–1991 гг. В эти годы разделённость мира на две противоборствующие системы непосредственным образом определяла и внешнюю политику двух сверхдержав – СССР и США, – и сказывалась на внешнеполитической ориентации практически всех стран мира. Ближний Восток представлял собой яркий пример того, как две сверхдержавы использовали региональные конфликты и противоречия в гонке за мировое лидерство. В работе о советско-израильских отношениях невозможно было обойтись поэтому без анализа советской политики в арабском мире, прежде всего в отношении стран, граничащих с Израилем, и в отношении Организации освобождения Палестины. Советское руководство считало развитие дружественных связей с арабами, прежде всего с националистическими режимами, одним из главных внешнеполитических приоритетов, и это оказывало важнейшее влияние на формирование советской политики в отношении Израиля.

Важной составной частью этой работы является анализ развития советской позиции по ближневосточному урегулированию. Как известно, после войны 1967 г. сложились предпосылки для международного сотрудничества в урегулировании арабо-израильского конфликта: были приняты документы ООН, которые до сих пор являются международно-правовой базой для урегулирования ближневосточного конфликта. В 1973 г. после октябрьской войны была проведена Женевская конференция по мирному урегулированию. Однако в дальнейшем в 1970-х – 1980-х годах советская дипломатия не смогла развить зарождавшиеся возможности международного взаимодействия. Причинами этого, как показано в работе, являлись жесткий разоблачительный пафос советской позиции по отношению к Израилю, необоснованное возложение на него полной ответственности за конфликтную ситуацию в регионе, игнорирование интере-

сов безопасности еврейского государства и, конечно, отсутствие дипломатических отношений с Израилем. Негативную роль играла и американская и египетская позиция в отношении участия Советского Союза в ближневосточном урегулировании. В результате любое участие СССР в процессе урегулирования становилось неприемлемым для Израиля. Только во второй половине 1980-х гг. советское руководство, исходя из принципа баланса интересов в своей внешнеполитической деятельности, стало более взвешенно подходить к решению ближневосточных проблем, взяло курс на нормализацию отношений с Израилем. Это сыграло большую роль в организации в 1991 г. Мадридской мирной конференции и привлечении Израиля к участию в ней.

Особый уровень исследования представляет собой советская внутренняя политика в отношении еврейского населения и ее влияние на советско-израильские отношения. В этой теме выделен прежде всего аспект, касавшийся требований о свободе выезда, предъявлявшихся Советскому Союзу израильской стороной. В работе делается попытка проследить, как борьба за свободу эмиграции советских евреев, рассматривавшаяся советским руководством как недопустимое вмешательство во внутренние дела государства, с ранних этапов способствовала формированию враждебности в отношениях двух государств. В Советском Союзе еще более эту враждебность усугубляли широкие международные кампании в защиту прав человека в СССР, поддерживавшиеся и в значительной степени провоцировавшиеся Израилем. Хотя в работе специально не затрагивается деятельность произраильского лобби в США, но в ряде разделов показано его негативное влияние на развитие советско-американских отношений. Это в свою очередь не могло не усиливать антиизраильский настрой в советском руководстве.

Книга построена по хронологическому принципу. В первой главе особое внимание уделено анализу узловых моментов в советской ближневосточной политике в период между 1948 г. и 1967 г., которые решающим образом сказывались на отношениях с Израилем. Это бурное развитие отношений с Египтом при президенте Г. Насере, позиция Советского Союза в период Суэцкого кризиса 1956 г., его роль в военных событиях в 1967 г., а также причины и подоплека разрыва дипломатических отношений с Израилем.

Центральная глава посвящена тому, как складывалось советско-израильское взаимодействие в период отсутствия дипломатических

отношений с конца 1960-х до середины 1980-х годов. Как это ни парадоксально, но разрыв дипломатических отношений с Израилем не повлек устранения израильского фактора не только из советской внешней, но и внутренней политики. Он неизбежно проявлялся в советском подходе к урегулированию ближневосточного конфликта, в вопросах, связанных с положением советских евреев. Точно также советский фактор оставался важной составляющей в выработке израильского внешнеполитического курса.

В отдельной главе показано, что в этот период развивались, хоть и не слишком интенсивно, связи по общественной линии, в основном при посредничестве и благодаря усилиям израильских коммунистов. В таком ракурсе эта тема освещается, пожалуй, впервые.

Наконец в последней главе рассматривается весь комплекс проблем, связанных с начавшимся во второй половине 1980-х годов процессом нормализации отношений между Советским Союзом и Израилем. Основываясь на большом документальном материале, авторы подчеркивают особую роль общественных, культурных, научных, гуманитарных связей в этом процессе, развитию которых был дан зеленый свет задолго до формального восстановления отношений. Дипломатия фактически шла следом за развитием человеческих контактов, и, возможно, это редкий случай в истории советской внешней политики, когда давление общественного мнения подталкивало государство к определенным политическим шагам.

Специальная глава посвящена борьбе СССР с сионистской идеологией. В ней авторы рассматривают причины неоправданно резкой критики, которой сионизм подвергался, особенно в 1970-х годах, как идеология антисоветской направленности. В приложение вынесены несколько небольших статей, иллюстрирующих те методы борьбы, которые советские власти использовали против сионистской пропаганды и практики, видя в них опасность для советского строя.

Как уже отмечалось, обратиться к теме советско-израильских отношений авторов заставила слабая разработанность ее в отечественной литературе. В советской историографии практически не уделялось внимания исследованию процесса формирования внешней политики СССР и факторов, оказывавших влияние на него. Только с начала 1990-х годов, с ослаблением идеологической цензуры, в том числе и в научной и публицистической сфере, стали появляться работы, критически оценивавшие советскую ближневосточную политику.

Автор одной из наиболее значительных работ¹ начала 1990-х годов, академик А.М. Васильев, директор Института Африки РАН, пожалуй, один из первых показал функционирование советских политических и бюрократических структур на фоне той общественно-политической обстановки, которая складывалась в странах Ближнего и Среднего Востока. Особая ценность этой работы в том, что в ней раскрывается значение личностного фактора, т. е. поведения и взглядов тех людей, которые непосредственно участвовали в формировании и осуществлении политики. Работа А. Васильева и сегодня является ценным вкладом в изучение советской ближневосточной политики.

К этому же периоду относится и статья известного ближневосточника В.И. Носенко «Характер и этапы советско-израильских отношений (1948–1990 гг.)»², в которой впервые в советской научной литературе рассматривались советско-израильские отношения как отдельное направление региональной политики СССР.

В последнее десятилетие значительно возрос поток работ, непосредственно посвященных советскому присутствию в ближневосточном регионе. В 2006 г. появилась книга патриарха отечественных ближневосточных исследований академика Е.М. Примакова, сочетающая в себе жанры научного анализа, публицистики и мемуаров³. Ценность этого издания трудно преувеличить: личные впечатления от встреч с советскими, арабскими, израильскими руководителями перемежаются в нем с документами, часть из которых впервые открываются для широкого читателя. Для данного исследования особый интерес представляет та часть работы Е.М. Примакова, в которой он впервые рассказывает о своем участии в секретных контактах с израильским руководством в 1970-е годы.

Одна из самых интересных работ по советской ближневосточной политике, написанных за последнее время, – монография Р.Д. Даурова «Долгая шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке»⁴. В ней автор попытался проанализировать советский политический, дипломатический, а также научный подходы к такому ключевому событию региональной системы международных отношений, как июньская война 1967 г. Автор полагает, что советская внешняя политика была порождена реалиями эпохи и особенностями мирового порядка середины 1960-х годов. Эта точка зрения не всегда позволяет ему критически оценить и «вклад» СССР в раздел мира на два соперничающих блока. Тем не менее, эта работа дает весьма широкое представление о путях формирования советской внешней политики.

В монографиях⁵ И.Д. Звягельской, известного российского специалиста по Ближнему Востоку, по истории Израиля содержится обширный материал по истории ближневосточного конфликта. Автор подробно рассматривает основные этапы и планы его урегулирования, в том числе и развитие советской и израильской позиций по этому вопросу. Фундаментальная работа известного российского автора Т.А. Карасовой по истории блока Ликуд⁶ позволяет разобраться в сложных переплетениях израильской внутренней политики, включая и периоды обострения арабо-израильского конфликта, понять истоки и мотивировки израильской позиции в вопросах урегулирования. Ряд интересных материалов, освещающих историю взаимоотношений СССР/России и Израиля, содержатся в сборнике, выпущенном отделом Израиля Института востоковедения РАН по итогам международной конференции, посвященной двадцатилетию восстановления дипломатических отношений между двумя странами⁷.

В ряду монографий по советско/российско-израильским отношениям, написанных на русском языке, свое место заняла книга «Россия и Израиль: трудный путь навстречу»⁸. Ее авторы – израильский политолог и историк А. Эпштейн и молодой российский исследователь С. Кожеуров посвятили значительный раздел книги обширному историографическому обзору отечественного израилеведения, включая советский период.

В израильской историографии исследования по теме советско-израильских отношений, советской политики на Ближнем Востоке относятся в основном к периоду существования СССР. В 1970 г. израильский дипломат А. Даган опубликовал книгу «Москва и Иерусалим»⁹, в которой он представил свой взгляд на двадцатилетие развития отношений между двумя странами, основываясь на большом объеме советских и израильских документов. Известный израильский историк Я. Рои посвятил свою вышедшую в 1974 г. работу исследованию советской политики на Ближнем Востоке в 1945–1973 годах¹⁰. Профессиональный израильский дипломат Й. Говрин, работавший в посольстве Израиля в Москве в середине 1960-х гг., наиболее полно осветил советско-израильские отношения в период между 1953 г. и 1967 г.¹¹. О сорокалетней истории отношений между СССР и Израилем написал в своей книге израильский журналист и публицист М. Зак¹². Всестороннее и глубокое исследование советской политики на Ближнем Востоке до 1990 г. содержится в монографии израильского специалиста, профессора Иеруса-

лимского университета Г. Голан, входившей в то время в круг весьма осведомленных советологов¹³.

Неоценимым источником для любого исторического исследования является мемуарная литература. В этой работе использовались мемуары советских, израильских, американских, арабских государственных деятелей, воспоминания советских послов в арабских странах и в Израиле. Особенно значительный источник информации о советской внешней политике представляют собой мемуары советского посла в Вашингтоне А.Ф. Добрынина¹⁴. В этом ряду следует особо упомянуть сборник воспоминаний участников советских военных операций на Ближнем Востоке в начале 1970-х годов – живое свидетельство практического воплощения советской внешней политики¹⁵.

В работе использован большой объем документального материала, в частности, из сборника «Советско-израильские отношения 1941–1953 гг.»¹⁶, вышедшего в нашей стране в 2000 г., и из двухтомника документов по ближневосточному конфликту из Архива внешней политики РФ (1947–1967 гг.)¹⁷, опубликованного в 2003 г. Ценный материал содержится в сборнике документов «Еврейская эмиграция в свете новых документов», изданном в 1998 г. в Тель-Авиве Б. Морозовым¹⁸. В своих исследованиях авторы опирались на документы из Архива внешней политики РФ, Государственного архива РФ, Российского государственного архива новейшей истории, Государственного архива Израиля.

Авторы выражают благодарность своим коллегам из Института востоковедения РАН, принимавшим участие в обсуждении этой работы. Мы надеемся, что эта книга будет полезна не только тем, кто занимается академическими исследованиями Ближнего Востока или еще только изучает историю международных отношений и внешней политики нашей страны. Может быть, она будет интересна и профессионалам, чьей сферой деятельности является внешняя политика.

Мы не тешим себя надеждой, что представленная в этой книге история преподаст современникам какой-либо урок. Хорошо известно, что история ничему не учит. Но история, по крайней мере, может заставить задуматься о непродуктивности модели конфронтационных отношений, о бесперспективности нагнетания враждебности, особенно в отношениях со странами и народами, которые в силу исторических связей с Россией могут рассматриваться как естественные партнеры.

- ¹ *Васильев А.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Наука, 1993.
- ² *Носенко В.И.* Характер и этапы советско-израильских отношений (1948–1990 гг.) // СССР и третий мир: новый взгляд на внешнеполитические проблемы. М.: ИМЭМО АН СССР, 1991. С. 65–104.
- ³ *Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века) М.: Российская газета, 2006. Второе дополненное издание 2012.
- ⁴ *Дауров Р.Д.* Долгая шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке. М.: Институт востоковедения РАН, 2009.
- ⁵ *Звягельская И.* История Государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012; *Звягельская И.* Ближневосточный клинч. Россия в конфликтах на Ближнем Востоке. М.: Аспект Пресс, 2014.
- ⁶ *Карасова Т.А.* Политическая история Израйля. Блок Ликуд: прошлое и настоящее. М.: Наталис; Ин-т востоковедения РАН, 2009.
- ⁷ Российско-израильские отношения. История и современность. Отв. ред. Карасова Т.А. М., 2012.
- ⁸ *Эшштейн А., Кожеуров С.* Россия и Израиль: трудный путь навстречу. Гешарим Иерусалим, Мосты культуры, Москва, 2011.
- ⁹ *Dagan A.* Moscow and Jerusalem. Twenty Years of Relations between Israel and the Soviet Union. L.; N.Y.; Toronto: Abelard-Schuman, 1970.
- ¹⁰ *Ro'ı Y.* From Encroachment to Involvement. A Documentary Study of Soviet Policy in the Middle East. 1945–1973. N.Y; Toronto: John Wiley and Sons; Jerusalem: Israel University Press, 1974. P. 117.
- ¹¹ *Говрин Й.* Израильско-советские отношения 1953–1967. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994.
- ¹² *Зак М.* Арбаим шнот ду-снях им Москва (Сорок лет диалога с Москвой) (иврит). Тель Авив: Сифриат Маарив, 1988.
- ¹³ *Golan G.* Soviet Policies in the Middle East. From World War II to Gorbachev. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1990.
- ¹⁴ *Добрынин А. Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996.
- ¹⁵ Ближний Восток. Командировка на войну. Советские военные в Египте. М.: ИВ РАН; ИСАА, 2009.
- ¹⁶ Советско-израильские отношения. Сборник документов. 1941–1953. Т. 1–2. М.: Международные отношения, 2000.
- ¹⁷ Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1 – 1947–1956 гг., Т. 2 – 1957–1967 гг. Отв. ред. Наумкин В.В. М.: Международный фонд «Демократия», 2003.
- ¹⁸ *Морозов Б.* Еврейская эмиграция в свете новых документов. Тель Авив, 1998.

ГЛАВА I

Советско-израильские отношения в период между 1948–1967 гг.

Разрыв Советским Союзом дипломатических отношений с Израилем в июне 1967 г. – довольно необычная акция в практике советской дипломатии. Эта радикальная мера не была вызвана какими-то непреодолимыми осложнениями в двусторонних отношениях, и уж тем более Израиль не мог представлять угрозы непосредственно для безопасности советского государства. Прекращение отношений с Израилем стало своего рода наказанием за поведение еврейского государства в конфликте с его арабскими соседями. Этот шаг был со стороны Кремля откровенной санкцией, предпринятой для воздействия на израильское руководство в связи с той угрозой, которую, с советской точки зрения, его действия представляли для дружественных СССР стран.

Использование такого инструмента, как разрыв дипотношений, в качестве меры воздействия на государство, региональная политика которого порицалась советским руководством, – крайне редкий пример такого рода в истории внешней политики советского государства. Два других случая приостановки дипломатических отношения со странами Ближнего Востока касаются Саудовской Аравии и Ирака. Существовавшие с 1924 г. дипломатические отношения с Аравийским Королевством были приостановлены в 1938 г. в связи с отзывом из Джидды советского полпреда К. Хакимова, затем репрессированного сталинским режимом. Король Ибн Сауд не пожелал принимать другого посла, и вплоть до 1990 г. две страны не имели дипломатических представительств.

В январе 1955 г. министерство иностранных дел Ирака заявило о перерыве в дипломатических отношениях с СССР. Это решение в череде других недружественных актов правительства Нури Саида по отношению к Советскому Союзу было принято на фоне разворачивавшихся американских акций по противодействию коммунистическому проникновению в регион, в частности, создания военно-политического блока Багдадский пакт, одним из членов-основателей

которого был Ирак. После смены режима в Багдаде в 1958 г. дипломатические отношения с СССР были восстановлены.

Длительное отсутствие дипломатических отношений у СССР с зарубежными странами мотивировалось либо неприятием существовавших в них политических режимов, как в случаях с Испанией, Португалией и ЮАР, либо идеологическими расхождениями с правящим коммунистическим режимом, например с Албанией.

Разрыв отношений с Израилем следует рассматривать в контексте всей советской ближневосточной политики в 1950–1960-х годах и с учетом тех представлений о внешнеполитических интересах государства, которые были свойственны советскому руководству. Анализ факторов, воздействовавших на формирование советской политики на Ближнем Востоке в этот период, дает ключ к пониманию причин, по которым Израиль более чем на два десятилетия оказался причисленным к заклятым врагам советского государства.

1.1. Создание Государства Израиль и позиция СССР

Советско-израильские отношения начинались на мажорной ноте: хорошо известен тот факт, что поддержка СССР сыграла большую роль в принятии в ноябре 1947 г. резолюцию 181/II ГА ООН о разделе Палестины на еврейское и арабское государства. Вплоть до мая 1947 г., как об этом свидетельствуют документы, главным содержанием советской позиции, разработанной министерством иностранных дел, являлась ликвидация британского присутствия в Палестине и создание там при содействии ООН единого независимого государства, обеспечивающего равные демократические и национальные права народам, его населяющим. Однако 14 мая 1947 г. постоянный представитель СССР при ООН А.А. Громько неожиданно для многих заявил: «Если бы оказалось, что этот вариант является неосуществимым ввиду испортившихся отношений между евреями и арабами..., тогда было бы необходимо рассмотреть второй вариант..., предусматривающий раздел Палестины на два самостоятельных независимых государства: еврейское и арабское»¹. Советский представитель также подчеркнул справедливость стремления еврейского народа к созданию своего государства после тех бедствий и страданий, которые он потерпел со стороны гитлеровцев и их союзников в военные годы в Европе.

Эта позиция лежала и в основе голосования советской делегации на второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1947 г. в пользу принятия исторической резолюции 181 (II) о разделе Палестины на еврейское и арабское государства. А.А. Громько в своей речи тогда заявил, что такое решение «соответствует принципу национального самоопределения народов»².

Решение ГА ООН о создании в Палестине еврейского государства оказалось, таким образом, тесно связанным с именем А.А. Громько. Его фигура олицетворяла для граждан только что созданного молодого государства поддержку со стороны могущественной советской державы, признавшей справедливость их требований. В первые годы существования Израиля его руководство не раз обращалось к советской стороне с предложением организовать приезд Громько, утверждая, что его имя знает каждый школьник в Израиле³. До сих пор в Израиле бытует представление о том, что собственные предпочтения высокопоставленного советского дипломата якобы способствовали сдвигам в позиции СССР в пользу образования еврейского государства в Палестине.

Однако вряд ли можно говорить о каких-то личных заслугах А.А. Громько в этом вопросе. В советской системе руководства внешней политикой, где каждое решение, в том числе и по палестинскому вопросу, визировалось непосредственно И. Сталиным, он был всего лишь исполнителем, хоть и высокого ранга, указаний Москвы. В мемуарах Громько, написанных уже в конце его жизни, послевоенный эпизод с его участием в дипломатической борьбе в ООН за будущее Палестины упоминается лишь вскользь. При этом бывший советский министр иностранных дел в своих рассуждениях относительно арабо-израильского конфликта совершенно определенно сделал крен в пользу арабов, тогда как Израиль он осуждал за экспансионистские замашки⁴. Поэтому нет оснований для того, чтобы приписывать Громько какие-то особые симпатии к Государству Израиль.

Выработка советской позиции по Палестине происходила в условиях развивавшегося противостояния с Западом или, по советской терминологии, со странами империалистического лагеря, прежде всего с США и Великобританией. В 1940-х годах Москва стала проявлять интерес к интернационализации палестинской проблемы, чтобы зарезервировать за собой роль в ее решении. В марте 1947 г. советник МИД СССР Б.Е. Штейн в секретной записке на имя за-

местителя министра иностранных дел А.Я. Вышинского указывал: «Передача Великобританией вопроса о Палестине на обсуждение Объединенных Наций представляет для СССР впервые возможность не только высказать свою точку зрения по вопросу о Палестине, но и принять эффективное участие в судьбе Палестины»⁵.

В то же время сдержанность советской дипломатии в вопросе о характере будущего устройства Палестины диктовалась стремлением поддерживать сбалансированные отношения и с арабской, и с еврейской сторонами. Из советских посольств в арабских столицах раздавались тогда серьезные предупреждения о том, что «поддержка евреев может оттолкнуть от нас арабский мир в целом, поможет англосаксам сговориться с реакционной верхушкой Арабской лиги за счет народно-демократических интересов арабских стран и за счет внешнеполитических интересов СССР»⁶. Несмотря на пробританскую ориентацию почти всех арабских режимов в этот период в Москве не могли не принимать во внимание долгосрочной цели поддержки националистических сил в арабском мире, разворачивавших борьбу против колониальной зависимости и контроля Запада над арабскими странами.

Краткосрочный же интерес Советского Союза на Ближнем Востоке состоял в том, чтобы нанести наибольший ущерб позициям Великобритании, подорвать ее традиционное влияние в этом важнейшем регионе. Антибританский настрой руководителей еврейского ишува не мог не импонировать руководству в Москве, членам советской делегации в ООН. Так, в конце апреля 1947 г. в Нью-Йорке был распространен Меморандум Еврейского агентства для Палестины⁷, в котором политика Великобритании называлась «беззаконной», превратившей «Палестину в полицейское государство». В середине 1947 г. советские дипломаты в Вашингтоне всячески подчеркивали, что советское правительство надеется, что еврейский ишув строит «миролюбивое, демократическое и прогрессивное общество в Палестине, которое может воспрепятствовать распространению антисоветских настроений, которые так легко возникают в реакционных правящих кругах в арабских странах»⁸.

Свою роль в формировании советской позиции сыграла и чрезвычайно активная лоббистская деятельность американских еврейских организаций. Правда, представитель Американской еврейской конференции Д. Уол отмечал, что никакое лоббирование не заставило бы советскую делегацию занять позицию в пользу поддержки чаяний

еврейского народа, если бы не «совпадение интересов и подходов». Он указывал, что если «между арабскими и советской делегациями существовали серьезнейшие противоречия», то «гораздо больше совпадений имеется в позиции советской делегации и устремлениях агентства (Еврейское агентство для Палестины – *Т.Н.*)»⁹.

Упование на то, что именно еврейское государство сможет способствовать продвижению геополитических и идеологических интересов СССР на Ближнем Востоке, предопределило советскую позицию по Палестине. Некоторые авторы полагают, что Сталин мог рассматривать даже возможность превращения еврейского государства в «страну народной демократии» в случае, если бы результаты выборов позволили создать коалиционное правительство из коммунистов МАКИ, левой партии МАПАМ и социал-демократической партии МАПАЙ»¹⁰. Уже в конце октября 1947 г. И. Сталин дал свое согласие на одобрение советской делегацией в ООН рекомендаций и доклада большинства Специального комитета о разделе Палестины на два самостоятельных государства¹¹. При этом в Москве понимали, что нельзя отталкивать и арабов. Советская пропаганда всячески подчеркивала, что раздел Палестины соответствует национальным интересам обоих народов. Война, развязанная арабскими странами в 1948 г. против только что созданного Государства Израиль, в советской интерпретации считалась спровоцированной Великобританией в целях обеспечения повода для сохранения своего присутствия.

Советский Союз был первым государством, признавшим Израиль де юре 18 мая 1948 г.¹². Советская дипломатия оказывала энергичную поддержку еврейскому государству в преодолении многомесячного противодействия группы стран во главе с Великобританией его вступлению в ООН, и в мае 1949 г. Израиль стал пятьдесят девятым членом этой международной организации.

Советский Союз был причастен и к поставкам оружия ишуву¹³, а затем и Израилю. В основном это было немецкое трофейное оружие, которое, по согласованию с советским руководством, вывозилось через Чехословакию и Югославию, по-видимому, уже с конца 1947 г., когда американское эмбарго на продажу оружия на Ближний Восток поставило еврейских лидеров перед необходимостью искать альтернативных поставщиков. По крайней мере, в беседе с М. Шертоком¹⁴ 5 февраля 1948 г. А.А. Громько явно был уже осведомлен о ситуации с переброской оружия в Палестину¹⁵. Однако на любые просьбы израильского правительства о прямых поставках советского оружия

Москва отвечала отказом, мотивируя свою позицию нежеланием нарушать решение Совета Безопасности о запрете членам ООН снабжать оружием армии воюющих в Палестине стран.

Поддержкой Израиля в практическом плане стало и согласие СССР дать «зеленый свет» на выезд около 200 тыс. евреев из стран Восточной Европы. Причем израильтянам было разрешено принимать участие в подготовке будущих переселенцев, вплоть до обучения военному делу.

«Медовый месяц» в отношениях СССР и Израиля был короток. Многие исследователи сходятся во мнении, что причины ужесточения советской политики в отношении Израиля следует искать не во внешнеполитической области, а во внутренней политике Советского Союза¹⁶. Начатая в СССР в 1946 г. шовинистическая кампания «против низкопоклонства перед Западом» постепенно приобретала антисемитский характер. В критике евреев-интеллигентов средства массовой пропаганды начали использовать такие термины, как «безродные космополиты», «антипатриоты». В начале 1950-х годов антисемитская политика приняла свои крайние формы в виде «дела врачей», ставшего финальной кровавой страницей сталинских репрессий. Только смерть диктатора остановила эту очередную кампанию по поиску «врагов народа».

На этом фоне энтузиазм, с которым многие советские евреи встретили образование Государства Израиль, не мог не вызывать раздражения у советского руководства. Возрождение еврейского национализма рассматривалось как опасный прецедент в многонациональной стране Советов. Еврейское государство становилось центром притяжения для почти трех миллионов советских евреев, в большинстве своем хорошо образованной, высокопрофессиональной части советского общества. Эмигрантские настроения в еврейской среде разрушали миф о безграничной преданности советских людей социалистической родине, о единстве советского народа, сплоченного общими идеями интернационализма и марксистско-ленинским мировоззрением.

Уже в сентябре 1948 г. неприятной неожиданностью для советских властей стал небывало восторженный прием советскими евреями первого израильского посла Г. Меир в московской синагоге. Демонстрация приверженности иному государству, иным, не советским, не социалистическим ценностям была недопустима в общественно-политической системе, созданной сталинским режимом.

Затем израильское посольство развернуло среди советских евреев агитационную деятельность за эмиграцию в Израиль, которая рассматривалась в Советском Союзе как противозаконная, не совместимая со статусом дипломатического представительства.

Смена настроений в отношении Израиля замечательно прослеживается в выступлениях И. Эренбурга, который, по выражению известного советского писателя и публициста А. Ваксберга, исключительно чутко реагировал на любые повороты и даже мельчайшие изгибы сталинской и послесталинской политики¹⁷. Выступая на вечере памяти С. Михоэlsa в мае 1948 г., сразу после создания Государства Израиль, Эренбург говорил: «Сейчас, когда мы вспоминаем творчество большого советского трагика С. Михоэlsa, где-то далеко рвутся бомбы и снаряды: то евреи молодого государства защищают свои города и села от английских наемников»¹⁸. Но всего несколько месяцев спустя, в сентябре этого года в статье в «Правде», которую многие исследователи считают поворотным пунктом в политике в отношении Израиля, советский писатель явно под давлением «сверху» писал: «Граждане социалистического общества смотрят на людей любой буржуазной страны, в том числе и на людей государства Израиль, как на путников, еще не выбравшихся из темного леса. Гражданина социалистического общества никогда не сможет прельстить судьба людей, влачащих ярмо капиталистической эксплуатации»¹⁹. Это был ответ израильскому руководству, рассчитывавшему убедить советское правительство открыть двери для выезда евреев из СССР в Израиль. Это было предупреждение соотечественникам еврейской национальности, чтобы они не забывали, каковы истинные ценности советского человека. С этих пор проблема выезда советских евреев становится одной из наиболее болезненных тем в советско-израильских отношениях, источником все усиливающейся враждебности советского руководства к Израилю, действия которого рассматривались как попытка вмешательства во внутренние дела советского государства.

Однако появившиеся негативные нюансы в советско-израильских отношениях в конце 1940-х – начале 1950-х годов еще практически никак не сказывались на региональной политике Советского Союза, на его позиции по ближневосточному конфликту. Конфликт в Палестине оценивался в этот период исключительно как результат политики определенных монополистических кругов Англии и США. Не без оснований в Советском Союзе считали, что две дер-

жавы используют конфликт для обеспечения за собой выгодных военно-стратегических и экономических позиций в ущерб интересам арабского и еврейского народов. Внешнеполитическая деятельность СССР на ближневосточном направлении в эти годы была подчинена в первую очередь задаче противодействия политике бывших колониальных держав и уже разворачивавшемуся американскому наступлению на арабский мир, с которым США стали связывать свои важнейшие стратегические интересы.

Летом 1948 г. СССР категорически выступил против плана Бернадотта²⁰, который, с советской точки зрения, «урезал» государство Израиль в его суверенных правах. Советская позиция объективно соответствовала интересам Израиля, но мотивировалась она не столько стремлением укрепить только что созданное еврейское государство, сколько задачей поставить преграду «закулисным махинациям Англии и США», которые, как считали в советском МИДе, «видимо договорились между собой по вопросу о дальнейшей судьбе Палестины» в обход решений ГА ООН²¹. Противники плана Бернадотта видели в нем инспирированный Великобританией ход в целях передачи арабской части Палестины Трансиордании, которая непосредственно контролировалась английским правительством. Подобным же образом последовательная поддержка СССР прямых переговоров между Израилем и арабскими странами обосновывалась прежде всего желанием урезать слишком активную посредническую роль западных стран, но не стремлением добиться от арабов таким образом косвенного признания суверенных прав еврейского народа.

В позиции СССР по многим вопросам арабо-израильского противостояния в этот период прослеживается главная цель – обособиться от решений, исходивших от западных стран. Такой взгляд на ближневосточное урегулирование в значительной степени был инспирирован действиями западной дипломатии, направленными на отсечение советского участия во всех органах ООН по Палестине²². Советский Союз с самого начала неизменно противопоставлял свою позицию всеобъемлющего урегулирования арабо-израильского конфликта на основе решений и международно-правовых норм, принимаемых ООН, западным подходам. Но, не обладая на региональном уровне теми рычагами давления, которые были в руках колониальных держав, советские дипломаты предполагали восполнить этот пробел участием во всех формах международной деятельности по Палестине. Однако логика «холодной войны» заставляла Запад

всячески сдерживать советское проникновение в регион, в том числе через органы ООН. Оказавшись в изоляции, в значительной степени спровоцированной западными странами, советская дипломатия не столько стремилась к поискам конструктивных развязок арабо-израильских противоречий, сколько критически, а в ряде случаев и с нескрываемой обструкцией противостояла любым предложениям, разработанным без ее участия.

Так, например, в вопросе о палестинских беженцах Советский Союз категорически осудил предпринимаемые американцами шаги, с тем чтобы, с одной стороны, побудить арабов принять определенную часть беженцев, а, с другой стороны, заставить Израиль согласиться на возвращение части беженцев в пределы еврейского государства. Давление Государственного департамента и его материальные посулы обеим сторонам, с советской точки зрения, шли вразрез с решением ООН о создании на части территории Палестины независимого арабского государства, в рамках которого и должна была решаться проблема беженцев²³.

Показательна также трансформация советской позиции по Иерусалиму. Первоначально поддержав идею интернационализации Иерусалима в рамках решения Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г., Советский Союз в 1948–1949 годах фактически оказался отстраненным от разработки статута Святого города. Доработанный Советом по Опеке в апреле 1950 г. Статут Иерусалима был охарактеризован советским представителем при ООН Я. Маликом как создающий условия колониального режима для населения города²⁴. 17 апреля 1950 г. Малик передал Генеральному секретарю ООН Трюгве Ли Заявление советского правительства, в котором оно, ссылаясь на то, что решение ГА об интернационализации Иерусалима не удовлетворяет ни арабское, ни еврейское население как города Иерусалима, так и Палестины в целом, отказывалось от его дальнейшей поддержки²⁵. В Израиле советский демарш был воспринят как «праздничный подарок накануне дня независимости», хотя более трезвые голоса и здесь указывали, что «отход СССР от прежнего решения не связан с учетом интересов государства Израиль»²⁶. Действительно, советские мотивировки по статусу Иерусалима были далеки от признания его сакрального значения для еврейского народа, его роли для еврейского самосознания.

1. 2. Конфронтация Восток-Запад и выбор Израиля

В начале 1950-х годов произошло серьезное осложнение советско-израильских отношений. Пражский процесс (ноябрь 1952 г.) и «дело врачей» в Москве (январь 1953 г.) стали свидетельством усиления антисемитских, антиссионистских тенденций в политике сталинского режима и его восточноевропейских сателлитов. В Израиле эти события вызвали волну резкой критики коммунистических режимов Советского Союза и стран Восточной Европы. Причем даже руководители государства нарушили политическую сдержанность, характерную для начального этапа советско-израильских отношений. Премьер-министр Д. Бен-Гурион в письме членам правительства в январе 1953 г. высказал свое резкое неприятие большевистского режима: «Это никакое не социалистическое государство, а загон для рабов. Это строй, основанный на убийствах, лжи и подавлении человеческого духа, отрицании свободы рабочих и крестьян»²⁷. В ответ на антисоветскую кампанию советская дипмиссия в Тель-Авиве рекомендовала в политотчете за 1951 г. прекратить всякую политическую поддержку Израиля в вопросах, рассматриваемых в ООН и ее органах; прекратить иммиграцию в Израиль евреев из стран народной демократии, возобновить антиизраильские публикации в печати²⁸. Образ врага усиленными темпами ковался в обеих странах.

В Израиле экстремистские силы воспользовались нагнетанием враждебной атмосферы в отношении СССР и перешли к насильственным действиям: 9 февраля 1953 г. на территории советской дипломатической миссии в Тель-Авиве была взорвана бомба. Эта акция, расцененная советским правительством как террористический акт, повлекла за собой разрыв дипломатических отношений с Израилем.

Однако уже в июле 1953 г. дипломатические отношения между СССР и Израилем были восстановлены, а в 1954 г. статус дипломатических представительств обеих стран был повышен до посольств. В качестве условия восстановления дипломатических отношений советское правительство потребовало, чтобы Израиль взял на себя обязательство не участвовать в каких-либо союзах или соглашениях, преследующих агрессивные цели против Советского Союза²⁹.

Происходившие в Советском Союзе внутривластные сдвиги после смерти И. Сталина ускорили процесс налаживания отношений, в нормальном развитии которых были заинтересованы обе

стороны. Но действительного сближения между Советским Союзом и Израилем не последовало. Отдел стран Ближнего и Среднего Востока советского МИДа отмечал в марте 1955 г. развивающуюся тенденцию к ухудшению советско-израильских отношений, связывая ее со стремлением израильского правительства к заключению военного союза с западными державами³⁰. После событий 1953 г. недоверие Советского Союза к Израилю как потенциально враждебному региональному игроку постоянно возрастало. Первоначальные иллюзии относительно возможности обращения возникшего государства в оплот советского проникновения на Ближний Восток разбились об очевидную реальность: Израиль неукоснительно двигался в сторону Запада. На языке советской пропаганды это означало, что он становился пешкой в ближневосточных играх англо-американского империализма. Еще в конце 1949 г. в журнале «Вопросы экономики» была опубликована статья известного советского востоковеда В.Б. Луцкого, в которой он клеймил правящие круги Израиля за то, что они распахнули двери страны иностранному, особенно американскому капиталу и выражают готовность присоединиться к агрессивному Средиземноморскому блоку, сколачиваемому англо-американскими империалистами³¹. Хотя трудно себе представить, каким образом мог бы выжить в ту пору Израиль, не опираясь на помощь извне (советское государство и не хотело, и не было в состоянии предоставить ему эту помощь), но советская пропагандистская машина уже на ранних этапах ставила под сомнение «лояльность» еврейского государства.

Этому способствовало и то, что израильское руководство довольно рано расставило точки над *i* в вопросе своей внешнеполитической ориентации. Одной из первых акций солидарности Израиля с Соединенными Штатами на международной арене стала поддержка им в 1950 г. в ООН американской резолюции по вопросу о войне в Корее³². Помимо дипломатической солидарности Израиль направил на корейский фронт своих военных медиков. Во внешнеполитической доктрине, которую премьер-министр Д. Бен-Гурион изложил на заседании Политсовета МАПАЙ в марте 1953 г., он впервые назвал Израиль оплотом Запада в данной части мира³³. Начиная с 1951 г., Д. Бен-Гурион неоднократно предпринимал шаги, с тем чтобы добиться заключения военного союза с Великобританией и США, предлагая им использовать израильскую военную инфраструктуру в обмен на гарантии неприкосновенности границ Израиля.

В 1955 г., когда США предприняли шаги по созданию военного союза стран Ближнего и Среднего Востока (впоследствии Багдадский пакт), Израиль, не имея перспектив быть включенным в такое объединение, но опасаясь изменения баланса сил в пользу арабов, обратился к американцам с предложением о заключении двустороннего военного договора. В выступлении в Кнессете 1 июня 1955 г. премьер-министр М. Шарет «признал, что израильское правительство ведет переговоры с одной из западных держав о заключении договора о взаимной обороне и безопасности»³⁴. В дальнейшем израильский премьер, разъясняя свою позицию в беседе с советским послом, указывал, что Израиль добивается такого договора, который обеспечивал бы его безопасность, но не нарушал бы его суверенитета. При этом он подтвердил, что Израиль готов принять на себя обязательства по оказанию помощи американской стороне в случае неспровоцированного нападения Советского Союза на Соединенные Штаты³⁵.

В Советском Союзе попытки Израиля добиться заключения военного союза с США были расценены как еще одно доказательство несамостоятельности еврейского государства, политика которого подчинена интересам наращивания военного присутствия западных держав на Ближнем Востоке. В опубликованной в связи с этим резкой статье в «Известиях», являвшейся одной из центральных правительственных газет, Израиль предупреждался об опасности присоединения к прозападным союзам и о несовместимости его действий с взятыми на себя в 1953 г. обязательствами³⁶.

1.3. Формирование представлений об Израиле как агенте антисоветской деятельности

Постоянным поводом для раздражения советской стороны служил вопрос о выезде советских евреев, при каждом удобном случае поднимавшийся израильянами. Это была особенно болезненная тема для советского государства, ограничивавшего любые контакты своих граждан с внешним миром. В те времена каждая поездка за границу, будь то служебная командировка или просто туристический вояж, особенно в западные страны, рассматривалась как вылазка во враждебный стан. Для выезда за рубеж требовалась специальная ха-

ра характеристика, заверявшаяся подписями руководителя организации, а также партийным и профсоюзным начальством. Характеристики выезжавших в служебные командировки утверждались на заседаниях парткома организации независимо от того, состоял ли человек в рядах КПСС или нет. Это был своеобразный фильтр, гарантировавший системе благонадежность тех, кто попадал в зарубежные страны. С выезжавшими в длительные командировки проводился специальный инструктаж в ЦК КПСС. Их строго предупреждали о нежелательности контактов с местным населением, о необходимости проявлять бдительность и не поддаваться на провокации. Партийное руководство не было уверено, что советский человек, у которого большая часть жизни уходила на добывание дефицитных товаров и продуктов, устоит перед соблазнами даже не очень богатых стран народной демократии³⁷, не говоря уж об изобилии буржуазных обществ. Зарубежная поездка была превращена для советского человека в подарочный бонус за лояльное поведение и безупречную идеологическую стойкость.

Свобода эмиграции для какой-то части населения никак не вписывалась в эту запретительную схему. Более того, послабления для евреев могли вообще вызвать цепную реакцию в обществе и нанести урон всей годами складывавшейся системе контроля за передвижением граждан. Поэтому регулярные кампании в поддержку советских евреев, разворачивавшиеся в США и в Западной Европе при непосредственном участии Израиля, рассматривались в СССР как подрывная антисоветская деятельность. В связи с этим советские дипломаты в Тель-Авиве постоянно отмечали неприемлемо высокий антисоветский накал израильской прессы. Некоторые беседы между представителями двух стран превращались в обмен взаимными претензиями по поводу публикуемых в газетах материалов, которые разжигали враждебные страсти в отношении друг друга.

Большой вред отношениям двух стран наносили резкие выпады израильского руководства против советской политики в еврейском вопросе, не останавливавшегося перед преувеличениями и прямыми искажениями реального положения дел. Так, например, в одном из своих выступлений в 1957 г. Бен-Гурион утверждал, что, несмотря на то, что Советский Союз давит на евреев, и молодежь, воспитанная этим строем, «не знает ни одного слова на иврите и не имеет связи с еврейским миром, тем не менее, почти все молодое поколение

советских евреев полно желанием иммигрировать в Израиль»³⁸. Если учесть, что с 1945 г. по 1980 г. количество евреев-эмигрантов из Советского Союза составило 253 тыс. человек, а число отказов – 6% от общего количества просьб о выезде³⁹, то подобные заявления, выглядят большой натяжкой. Даже если принять во внимание все обстоятельства жизни в советском обществе – страх потерять работу, навредить членам своей семьи, отсутствие информации и т. д. – все равно вряд ли приходится говорить о тотальной настроенности советских евреев на эмиграцию в Израиль. Тем не менее, подобные заявления израильских лидеров вызывали ответную реакцию с советской стороны. Посол Абрамов в своих рекомендациях в Москву в преддверии Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 г. писал: «Программу пребывания израильской делегации в Москве составить с таким расчетом, чтобы возможности пропагандистских выступлений ее участников перед советской молодежью... были сведены к минимуму»⁴⁰.

Израильские представители в Москве пытались использовать все возможные случаи, в том числе и религиозные службы в синагогах для распространения среди советских евреев под видом культурных материалов пропагандистской литературы. Широкую нелегальную деятельность в больших городах на территории Советского Союза развернул «Натив». Бюро по связям («Лишкат хакешер» или «Натив») было основано в 1952 г. в целях выполнения задач ведения разведывательной деятельности и сионистской пропаганды в Советском Союзе для увеличения эмиграционного потока евреев на Землю Обетованную. Практически не было ни одной израильской делегации, прибывавшей с визитом в Советский Союз, в которую не включались бы сотрудники «Натив» или те, кто работал для него⁴¹.

Автор одной из наиболее полных работ, посвященных советско-израильским отношениям этого периода, профессиональный израильский дипломат Й. Говрин отмечал, что по сути дела израильтяне требовали от советских властей, чтобы те относились к израильским представителям исключительным образом, так, как они не относились ни к одному иностранному представителю в Советском Союзе. «Вызывает сомнение, – заключал он, – что выдвижение условий, противоречащих советским нормам, могло способствовать усилению симпатии к израильской верхушке со стороны Советского Союза»⁴².

Израильтяне участвовали и в провокационной деятельности, осуществлявшейся русской зарубежной эмиграцией. В начале 1956 г. в Одессу попали напечатанные на русском языке листовки с призывами к советским гражданам создавать подпольные группы для свержения советского режима. Они переправлялись в ящиках с цитрусовыми, которые СССР импортировал из Израиля. Советский Союз предупредил израильских партнеров, что в случае повторения подобных акций будут сделаны соответствующие выводы относительно закупок израильских фруктов⁴³.

Все эти факты способствовали тому, что уже на очень ранних этапах, в 1950-х гг. Израиль был зачислен в разряд самых враждебных СССР государств. Израильтяне удивлялись, почему с Ливаном, который принял «доктрину Эйзенхауэра», Советский Союз поддерживает хорошие отношения, а с Израилем – нет, почему в Пакистан, который является участником Багдадского пакта, направляется советская парламентская делегация, а все запросы Израиля по обмену такими делегациями остаются без внимания.

Не раз израильские руководители в беседах с советским послом выражали готовность направить в Москву ответственную делегацию для того, чтобы начать переговоры о нормализации отношений между двумя странами. Однако на протяжении первых двадцати лет существования еврейского государства вплоть до 1967 г. между СССР и Израилем не состоялось ни одного обмена значимыми государственными визитами. МИД, ориентируясь, видимо, на предпочтения «инстанции»⁴⁴ и «вышестоящих товарищей», неизменно рекомендовал отклонить все израильские предложения о нормализации сотрудничества, усматривая в них происки, направленные на подрыв советских позиций в арабском мире. Но одной из глубинных мотиваций отрицательного отношения к Израилю, как представляется, являлась исходившая от него безудержная, а иногда и злобная критика советского строя, которая произрастала на почве ограничений выезда советских евреев. Израиль, как и весь западный мир, видели в этом нарушение основных прав и свобод человека. В СССР рассматривали израильские требования в отношении евреев-советских граждан как вмешательство во внутренние дела государства, имевшее далеко идущие политические и идеологические цели.

1.4. Роль антисемитизма в формировании советской политики в отношении Израиля

При исследовании советской политики в отношении Израиля неизбежно встает вопрос о степени влияния антисемитизма на ее формирование. В 1950-х – 1960-х годах, как и в последующий период после разрыва дипотношений израильская пресса была переполнена обвинения в антисемитизме в адрес Советского Союза. Для этого имелись веские основания. В Советском Союзе фактически существовали негласные ограничения на представленность евреев в высших государственных и партийных органах, в руководстве армии и в зарубежных представительствах. Нормировался прием евреев в наиболее престижные высшие учебные заведения, на работу в ряд учреждений, особенно ориентированных на внешнюю деятельность. С 1960-х годов широкое распространение получили публикации с антисемитским оттенком, якобы имевшие не антиеврейскую, а антирелигиозную направленность. Они также изобиловали критическими выпадами в адрес сионизма и прозападной политики Израиля, представляя в искаженном виде и задачи сионистского движения, и историю и суть арабо-израильского конфликта.

Советское руководство, исходя из своих представлений о национальной политике и пропагандируя победу в войне над гитлеровской Германией как реальное достижение советского строя, всего советского народа, не считало нужным заострять внимание на трагедии еврейского народа, подвергшегося массовому уничтожению от рук нацистских палачей. Ни в школьных учебниках, ни в литературе и искусстве упоминаний о Холокосте фактически не было. Только в начале 1960-х годов, в период хрущевской «оттепели» тема Катастрофы европейского еврейства стала проникать с большими трудностями на страницы советских публикаций⁴⁵. Поэт Е. Евтушенко, прорвавший завесу молчания над этим страшным историческим фактом своим стихотворением «Бабий Яр», опубликованным в 1961 г., подвергся резкому осуждению высшего советского руководства. На одном из собраний литераторов Хрущев кричал по этому поводу, что «у нас не существует «еврейского вопроса, а те, кто выдумывают его, поют с чужого голоса».

Хотя в соответствии с официальной доктриной считалось, что национальная проблема в СССР давно решена, но на бытовом уров-

не, в сознании обычных граждан предрассудки в отношении евреев сохранялись. На государственном уровне их лояльность всегда ставилась под сомнение, и об этом красноречиво свидетельствуют высказывания сотрудника ГРУ, приведенные в книге А. Васильева⁴⁶. Разведчиков-евреев не допускали, например, к работе на ближневосточном направлении.

Довольно трудно, однако выявить степень воздействия антисемитских настроений на процесс принятия внешнеполитических решений на имеющемся в нашем распоряжении документальном материале. Российская исследовательница Е. Усова, в частности, анализируя опубликованные советские дипломатические документы конца 1940-х – начала 1950-х годов, касающиеся отношений с Израилем, указывает, что признаков антисемитизма в них не просматривается⁴⁷.

Исследование документов из фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), который фактически является архивом бывшего ЦК КПСС, позволяет взглянуть на этот вопрос несколько с иной стороны. Из них видно, что партийные органы уделяли очень большое внимание разоблачению сионизма, и это было одно из важнейших направлений идеологической борьбы за утверждение идей марксизма-ленинизма. Идеологическая среда, которая создавалась бурным потоком публикаций, направленных против сионизма и Израиля, не могла не воспитывать соответствующего отношения и к «еврейскому вопросу». И хотя сионизм определялся как реакционная буржуазная идеология, своим острием направленная и против еврейских трудящихся, но последствиями этого пропагандистского наступления становилось закрепление в массовом сознании представлений о враждебности еврейства в целом советскому строю и советским людям.

Особенно ценились, видимо, разоблачения сионизма самими советскими евреями. В 1969 г. Моисей Иехоханан (так в тексте документа), представивший себя как еврей, но не сионист, направил в ЦК партии объемное письмо, в котором утверждал, что из всех буржуазных лжеучений сионизм – самое ядовитое и самое вредное. Цель сионистов – достижение мирового господства, – писал корреспондент высшей партийной инстанции. Письмо, попавшее к М.А. Суслову, являвшемуся членом Политбюро, было расписано им для ознакомления секретарям ЦК КПСС, а также высшим партийным чиновни-

кам, заведующим отделами ЦК⁴⁸. Похоже, что партийные руководители верили пропаганде, которую сами распространяли.

Советский коммунист был воспитан в духе разоблачения заговоров, которые плетут многочисленные враги, и это мировоззрение отражалось на отношении к сионизму, Израилю и евреям вообще. Налагаясь на историческую традицию российского антисемитизма, оно порождало идеологические концепции, совершенно искажавшие суть событий, происходивших на Ближнем Востоке, приписывавшие Израилю не свойственное ему влияние мирового масштаба. Эти взгляды, тиражировавшиеся в прессе, в научной и публицистической литературе, формировали взгляды советских людей и не могли не сказываться в процессе принятия внешнеполитических решений.

1.5. Поворот СССР в сторону арабов и отношения с Израилем

С 1953 г. после смерти «вождя народов» доминировавшее в советской внешней политике сталинское представление о неизбежности военного столкновения с капиталистическим лагерем постепенно менялось на более умеренную оценку международной ситуации. В лексике партийных документов и средств массовой пропаганды появился термин «мирное сосуществование», что отражало потребность в снижении напряженности международной обстановки, в предотвращении военной угрозы в условиях, когда два противостоящих друг другу блока – социалистический и капиталистический – обладали ядерным оружием.

Демонстрировавшийся молодыми странами «третьего мира» и национально-освободительными движениями антиимпериалистический потенциал заставлял Москву по-новому смотреть на их роль в противостоянии с Западом. Развивающийся мир обеспечивал поле относительно мирной конкуренции СССР и его союзников с западными державами в военной, экономической, идеологической сферах. Манипулирование локальными конфликтами в собственных интересах позволяло обеим сторонам ограничивать свое соперничество региональным уровнем, не доводя его до глобального столкновения.

Советское руководство придавало особое значение формировавшейся в постколониальный период политике неприсоединения,

провозглашавшей неучастие в блоках своим основным принципом. В отчетном докладе ЦК КПСС двадцатому съезду партии (февраль 1956 г.) говорилось, что ведущие политические круги стран, избирающих эту политику, справедливо считают, что участие в закрытых империалистических военных союзах только усилит опасность их вовлечения в военные игры агрессивных сил и в разрушительный водоворот гонки вооружений. Руководство КПСС подчеркивало, что сформировалась обширная «зона мира», в которую входят как социалистические, так и несоциалистические миролюбивые государства Европы и Азии⁴⁹. Хотя в этих странах господствовали буржуазно-националистические, а зачастую и военные режимы, еще несколько лет назад, в сталинскую эпоху предававшиеся анафеме за измену делу национально-освободительной борьбы, теперь подчеркивалась ценность их антиимпериалистической позиции. Это было новой чертой советского внешнеполитического мышления.

Формирующаяся советская политика в отношении «третьего мира» включала в себя и новый подход к странам и конфликтам на Ближнем Востоке. Поддержка национальных преобразований здесь теперь не обязательно обуславливалась руководящей ролью компартий или их социалистическим характером. Главным критерием для сотрудничества СССР с тем или иным режимом становилась степень его антизападной, антиимпериалистической ориентации. То есть прежний курс на «выдавливание» Запада из его традиционных сфер влияния приобретал в рамках политики мирного сосуществования, активным проводником которой стал Н.С. Хрущев⁵⁰, форму борьбы за влияние на арабские режимы, за дружественные связи с ними.

Соперничество с капиталистическим миром требовало обеспечения более привлекательной альтернативы для арабов, в частности, более активной проарабской позиции в ближневосточном конфликте. В январе 1954 г. Советский Союз впервые в связи с ближневосточными проблемами применил свое право вето в СБ ООН при голосовании по американскому проекту резолюции по распределению вод р. Иордан («план Джонстона»). Этот план был отвергнут арабскими странами, не желавшими развивать какое-либо сотрудничество с Израилем, тем более что оно вело бы к укреплению его экономических позиций. Советский Союз в первый раз поддержал арабов, обосновав свою позицию тем, что необходимо устранить коренные

причины противоречий между сторонами, прежде чем решать частные вопросы⁵¹.

В марте 1954 г. советская делегация наложила вето в СБ ООН на проект резолюции по свободе судоходства по Суэцкому каналу, связывая его с возможностью подрыва египетских планов национализации канала. Хотя советская позиция и причиняла ущерб Израилю, но в разъяснениях по голосованию не было нападок на Израиль.

К середине 1950-х годов опорой советского влияния на Ближнем Востоке становился Египет во главе с президентом Г.А. Насером. Главную роль в изменении первоначального скептического отношения Москвы к пришедшим к власти в 1952 г. «Свободным офицерам» сыграли два фактора. Во-первых, антибританская направленность политики нового режима, его категорическая нацеленность на ликвидацию английского присутствия в Египте в какой бы то ни было форме. Во-вторых, отказ Насера, являвшегося одним из основателей Движения неприсоединения, участвовать в Багдадском пакте, антисоветском военно-политическом блоке – детище США и Англии. В сближении с насеровским режимом преимуществом СССР перед западными соперниками было отсутствие колониального прошлого в регионе, что давало возможность и советской и египетской пропаганде говорить о бескорыстности предоставляемой помощи. Взяв курс на расширение связей с Советским Союзом, египетские власти руководствовались собственными прагматическими интересами, но для Москвы открывалась возможность эксплуатировать ухудшение отношений между Египтом и США и Великобританией для реализации своих непреходящих задач подрыва западного присутствия и влияния в регионе.

Советским руководителям очень импонировал харизматичный египетский лидер с его твердыми устремлениями к национальной независимости и реформистскими планами в духе народно-демократических революций⁵². Есть все основания полагать, что особую симпатию к Насеру испытывал Н.С. Хрущев, наградивший его звездой Героя Советского Союза во время своего легендарного визита в Египет в мае 1964 г. С Насером как ни с одним другим арабским лидером Хрущев обращался очень бережно. Опубликованные письма Первого секретаря ЦК КПСС к египетскому президенту отличаются отеческим, терпеливым тоном старшего товарища, разъясняющего более молодому коллеге его заблуждения⁵³. Насеру в отличие от других лидеров прощались и антисоветские выпады, и жестокие

преследования коммунистов в Египте. Открывшаяся историческая возможность закрепиться в большом арабском мире благодаря дружбе с Египтом, видимо, была для Хрущева важнее всех других соображений.

Заключенное в сентябре 1955 г. египетско-чехословацкое соглашение о поставках в арабскую страну оружия на 250 млн. дол., а затем существенная экономическая и техническая помощь, оказанная СССР Египту, и прежде всего в строительстве высотной Асуанской плотины стали важными вехами в советской ближневосточной политике. Эти шаги превращали СССР в значимого игрока на ближневосточной арене вопреки американо-британским усилиям поставить заслон «коммунистическому проникновению» в регион.

Разворот в сторону арабов сказывался на советско-израильских отношениях. В постановлении коллегии МИД СССР «О советско-израильских отношениях» (март 1955 г.) прямо указывалось, что «дальнейшее развитие отношений между СССР и Израилем должно строиться с учетом интересов СССР и в арабских странах»⁵⁴. При этом предлагалось воздерживаться от заключения с Израилем общих торговых и иных соглашений, которые могли бы быть использованы «для осложнения наших отношений с арабскими странами». На фоне усилившихся антисоветских выступлений в Израиле после «чехословацкого соглашения» о поставках оружия Египту лейтмотивом в политике в отношении Израиля стало преднамеренное торможение развития двусторонних связей, особенно ввиду того, что они могут вызвать неблагоприятную для Советского Союза реакцию в арабских странах. Документы советского внешнеполитического ведомства свидетельствуют о нежелании советской стороны налаживать обмен парламентскими и культурными делегациями, откликаться на просьбу Израиля о направлении советских специалистов для оказания ему технической помощи. Особенно болезненно был воспринят израильянами отказ советского министра иностранных дел Д.Т. Шепилова⁵⁵ посетить Израиль во время его ближневосточного турне в июне 1956 г., в ходе которого он побывал в Египте, Сирии и Ливане.

Обретение новых друзей требовало и пересмотра позиции Советского Союза в арабо-израильском конфликте. Если в войне 1948–1949 гг. СССР спасал Израиль от агрессии со стороны арабов, то теперь роли поменялись: в агрессивных намерениях обвинялся Израиль, в то время как помощь Египту аргументировалась его эле-

ментарным правом получать оружие, необходимое для обороны. В то же время, Израиль теперь рассматривался как региональная опора империалистических держав. А их политика создания военных союзов, как указывал министр иностранных дел В.М. Молотов в беседе со своим израильским коллегой М. Шаретом в октябре 1955 г., и являлась главным источником опасности для ситуации в регионе⁵⁶. Теперь интересы безопасности Израиля не входили в число приоритетов советской ближневосточной политики. Египет, «борющийся за свободу и независимость народов», рассматривался отныне как более уязвимая сторона конфликта.

В этот период появляются и новые нюансы в советском подходе к арабо-израильскому конфликту, свидетельствующие о намерениях использовать его более интенсивно в целях противостояния с Западом. В записке от 10 марта 1955 г. заведующий отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР Г.Т. Зайцев дает рекомендации использовать существующие противоречия «между Израилем и арабскими странами, а также между Израилем, арабскими странами и империалистическими державами в целях противодействия сколачиванию агрессивных блоков на Ближнем и Среднем Востоке и для ослабления позиций США и Англии в этом районе»⁵⁷. Эта установка на долгие годы сформировала и позицию по ближневосточному конфликту, суть которой состояла в том, чтобы препятствовать его урегулированию на условиях Запада.

Из опубликованных документов МИД, из мемуарной литературы советских дипломатов может создаться впечатление, что, внешнеполитическое ведомство рассматривало ближневосточный конфликт исключительно как проявление классового противоборства, перенесенное на международный уровень. Так, советский посол в Египте В. Виноградов в одной из своих бесед с Насером в феврале 1970 г. дал следующее определение: «Это конфликт между прогрессивным арабским национализмом, арабским народом, борющимся за свою национальную независимость, и международным империализмом, верным служителем которого в данной ситуации является нынешнее правительство Израиля. Поэтому, естественно, мы на стороне правого арабского дела, а за спиной Израиля – США»⁵⁸. Если очистить эту формулировку от идеологических наслоений, то в условиях глобального советско-американского противостояния нельзя не признать за ней определенную справедливость. Действительно, за арабским национализмом, утверждавшим свои позиции в борьбе с Израилем,

стоял Советский Союз, строивший свою опорную систему связей на Ближнем Востоке. Американцы со своей стороны, укрепляя обороноспособность Израиля, не в последнюю очередь рассчитывали, что его руками удастся ослабить, а, может быть, и ликвидировать арабские просоветские режимы и силы. Данная формулировка применительно к внешнеполитическому фронту, где субъектами отношений являются государства, отражала существовавшую расстановку сил, тем более что палестинское движение еще не имело самостоятельного значения в противоборстве с Израилем. Однако это не означает, что в Москве не понимали внутренней сути конфликта.

В 1965 г., отвечая на вопросы израильских коммунистов, секретари ЦК КПСС М.А. Суслов и Б.Н. Пономарев, например, определили арабо-израильский конфликт как конфликт между соседними странами о воде, территориях, беженцах и т. д. Советские идеологи высшего ранга указывали, что «Израиль – национально-буржуазное государство, существующее на законных основаниях, оно не образовалось в результате колониального захвата и его право на существование не вызывает сомнений». Они также категорически высказались против того, что уничтожение Израиля может быть решением палестинской проблемы⁵⁹. Теоретические партийные установки признавали законность прав еврейского народа на создание собственного государства. В то же время в дипломатической практике, которая руководствовалась установками из того же источника, безоговорочно поддерживавшими справедливость арабского дела и осуждавшими агрессивность Израиля, право еврейского государства на защиту своей безопасности фактически игнорировалось.

Расхожим местом в советской позиции по ближневосточному конфликту стало утверждение, что арабская угроза является выдумкой Израиля для осуществления собственных агрессивных планов. В работах даже самых осведомленных советских авторов не упоминалось о тех потерях, которые нес Израиль в первые годы своего существования в результате арабских подрывных действий на его территории⁶⁰. Конечно, были случаи, когда арабы проникали на израильскую территорию исключительно по личным мотивам (например, пытавшиеся вернуться в свои дома беженцы), а то и из криминальных побуждений (воры, грабители). Но правда и в том, что так называемые арабские «инфильтранты» убивали мирных жителей, минировали мосты и дороги, обстреливали автомашины. Советский посол в Израиле считал, что сообщения в израильской печати

о фактах арабской диверсионной деятельности являются не более чем предлогом к продолжению «политики возмездия», т. е. агрессии в отношении арабских стран⁶¹. В донесениях советских дипломатов подчеркивалось, что инциденты на линиях перемирия Израиля с соседними арабскими странами происходят вследствие израильских провокаций. Картина конфликта, таким образом, представляла в искаженном виде, а советская позиция становилась все менее объективной, приобретала сугубо проарабскую ориентацию.

Характерна в этом отношении советская оценка израильского рейда в Газу в феврале 1955 г. Он был осуществлен израильтянами в ответ на военные вылазки палестинских партизан (федаинов) на территорию Израиля, проводившиеся при поддержке египтян. Жертвами таких операций становились мирные жители приграничных районов, израильским населенным пунктам наносился материальный ущерб. И в современных условиях, как и тогда, спорным остается вопрос о том, правомерно ли для израильтян наносить ответные карательные удары, сила которых значительно превосходила урон, наносимый арабской стороной. Очевидно, однако, что молодое еврейское государство имело право на самооборону в условиях крайне враждебного арабского окружения.

Советская дипломатия возложила всю ответственность за инцидент в Газе на израильскую сторону, сделав вывод, что он «спровоцирован Израилем с полного одобрения правительства США и является средством давления на арабские страны с целью заключения мира между Израилем и арабскими странами и вовлечения арабских стран в турецко-иракский военный блок»⁶². Такая зашоренность во внешнеполитических оценках не только не давала возможности составить реальное представление о конфликте, но и порой приводила к серьезным просчетам в ближневосточной политике.

Так, например, в конце 1950-х гг. израильское руководство не раз просило Советский Союз проявить инициативу для организации встречи между Насером и Бен-Гурионом для переговоров по урегулированию арабо-израильских отношений⁶³. То есть был реальный шанс выступить в качестве посредника, переломить ситуацию, при которой эту роль выполняли только представители западных стран, приобрести важные рычаги давления в отношениях с Израилем. Это в свою очередь могло бы обеспечить СССР гораздо более высокий статус в регионе. Но такая перспектива, видимо, даже не просчитывалась в Москве из-за постоянной оглядки на арабов, которые, кста-

ти, несмотря на тесные отношения с Москвой, всегда оставляли для себя «проходы» и на Запад.

1.6. Суэцкий кризис 1956 г. и советско-израильские отношения.

Участие Израиля вместе с Англией и Францией в операции на Синае и Суэцком канале против насеровского Египта в октябре-ноябре 1956 г. было расценено Советским Союзом как безоговорочное доказательство того, что он является марионеткой в руках империалистических держав. В высказываниях советского руководства в тот период неоднократно повторялась мысль о том, что Израиль с его полуторамилионным населением вряд ли стал бы угрожать Египту и всему арабскому миру, если бы не рассчитывал на поддержку извне. На сессии Верховного Совета СССР в декабре 1955 г. Н.С. Хрущев, являвшийся тогда первым секретарем ЦК КПСС, впервые выступил с резким осуждением Государства Израиль за недружелюбную политику по отношению к своим соседям, проводимую им при поддержке «всем известных империалистических держав»⁶⁴.

Синайская кампания получила название Тройственной агрессии в советском пропагандистском, публицистическом обиходе, что подчеркивало ее мотивированность исключительно захватническими целями. В советской публицистике и научно-исследовательских трудах утверждалось, что, присоединившись к англо-французской интервенции против Египта, Израиль преследовал, во-первых, задачи территориальной экспансии, а, во-вторых, был заинтересован в свержении режима Насера, что совпадало с целями империалистической политики на Ближнем Востоке. При этом советские авторы доказывали, что Египет не давал Израилю поводов для войны и числил его на последнем месте среди своих врагов. Напротив, израильская правящая верхушка изначально питала враждебность к Насеру как руководителю прогрессивного, революционного толка⁶⁵.

Конечно, дело было не в революционности Насера. Египетско-израильские отношения после войны 1948–1949 гг. так и не удалось ввести в русло если не мирного, то хотя бы примиренного сосуществования. Хотя после прихода Насера к власти в первой половине 1950-х годов предпринимались робкие попытки нащупать почву для

египетско-израильских контактов, но они завершились безрезультатно. Закрытие Египтом Суэцкого канала для прохода израильских судов, неудавшаяся операция «Сусанна», организованная израильскими спецслужбами в Египте летом 1954 г.⁶⁶, наращивание египетской поддержки палестинских инфильтрантов из Газы – вот лишь короткий перечень провокационных действий в отношении друг друга, которые, как показывает практика, рано или поздно заканчиваются военной вспышкой.

Кроме того, риторика Насера, которую он черпал в доктрине арабского национализма, вообще отрицала за Израилем право на существование. В знаменитой речи 26 июля 1956 г., в которой провозглашалась национализация Суэцкого канала, он утверждал, что целью Британии и Америки являлась ликвидация арабской «национальности». «Поэтому была полностью уничтожена Палестина, а евреи будут поселены там вместо ее жителей... Цель этого акта – уничтожение всей арабской национальности»⁶⁷. Из этого следовало, что в целях самообороны арабы должны бороться против Израиля, предназначенного империалистическими и колониальными державами для нанесения смертельного удара по всему арабскому миру. Для израильтян это означало одно: арабы не желают мириться с существованием еврейского государства и намерены вести войну до его окончательного уничтожения.

Союз с Англией и Францией в этих условиях был для Израиля вынужденной мерой. В эпоху антиколониальной борьбы он наносил удар по имиджу Израиля среди стран третьего мира, превращал его в глазах мирового сообщества в пособника агрессии колониальных держав. Однако, как признавали израильские военачальники, в их планы в отличие от англо-французских целей не входила смена режима Насера⁶⁸. Закрепление на Синайском полуострове могло бы обеспечить Израилю снижение ряда угроз со стороны Египта, однако, как впоследствии признавал Бен-Гурион, надежды на достижение этой цели были иллюзией⁶⁹. Израиль доказал, что является сильным военным государством на региональном уровне, но в политическом плане он больше потерял, чем выиграл. В международном сообществе в тот период была распространена точка зрения, что какими бы законными ни были израильские требования, методы, используемые для их достижения, неприемлемы. Например, Р. Боуи, бывший в 1956 г. заместителем госсекретаря США, писал: «Несмотря на нару-

шение прав Израиля, трудно было примирить его обращение к силе с положениями Устава ООН»⁷⁰.

Советская сторона фактически игнорировала интересы безопасности Израиля в его борьбе за выживание в условиях враждебного арабского окружения. С Египта и других арабских стран снималась ответственность за нагнетание напряженности в отношениях с Израилем. Советская печать обходила молчанием непрерывное раздувание враждебности и непримиримости к еврейскому государству в арабских средствах массовой информации, в выступлениях официальных лиц и общественных деятелей. Дипломатам, работавшим в Израиле, вменялось в обязанность всячески подчеркивать, что Израиль должен учитывать интересы арабского мира и должен прекратить вести себя вызывающе в отношении арабских стран. Но нигде в советских дипломатических документах не отражены хоть какие-то официальные попытки сдерживать арабское неприятие Израиля. Невозможно отыскать и обращенного к арабам призыва прекратить провокации против него. Действия насеровского режима не подлежали критической оценке даже тогда, когда, как в случае с закрытием Тиранского пролива, по всем законам международного права они являлись для Израиля прямым поводом для начала военных действий (*casus belli*).

Между тем, советское руководство было хорошо осведомлено о настроениях в арабском мире в отношении Израиля: в дипломатических депешах тех лет содержится информация о том, что арабы – от министров в правительствах до представителей компартий – открыто заявляли, что Израиль должен быть ликвидирован, сколько бы лет для этого ни понадобилось. В Советском Союзе, тем не менее, подобные заявления рассматривались как проявления безответственного экстремизма, не отражающие мнения арабского большинства. Советский министр иностранных дел В.М. Молотоов в беседе с израильским коллегой М. Шаретом в октябре 1955 г. утверждал, что арабы боятся Израиля, и у них нет возможностей напасть на него⁷¹.

В упрощенной схеме ближневосточного конфликта региональные игроки разделялись на «своих» и «чужих». В результате при принятии важных политических решений антиизраильские, а порой и просто антисемитские аспекты арабского националистического дискурса фактически не подвергались критической оценке. Достаточно того, что своим острием он был направлен против сохранения господства колониальных и империалистических держав в регионе.

Насер успешно эксплуатировал эту ситуацию, поставив советский антиимпериализм на службу своим региональным гегемонистским устремлениям. Советское согласие на обеспечение Египта современным вооружением посредством «чехословацкой сделки» было во многом обусловлено верой в антиимпериалистический, антиколониальный потенциал пришедших к власти египетских националистов.

Массированное перевооружение Египта советским оружием, о котором стало известно в сентябре 1955 г., было воспринято в Израиле как прямая угроза безопасности, как явное свидетельство подготовки Каира к решительной схватке с «сионистским врагом». «Чехословацкая оружейная сделка» серьезно изменяла баланс сил в регионе. Наряду с уже установленной Египтом блокадой Тиранского пролива, его участием в планировании и осуществлении акций палестинских партизан она не оставляла у израильтян сомнений в намерениях Египта добиваться окончательной победы и стереть Израиль с лица земли. М. Даян, бывший тогда начальником штаба израильской армии, писал в своих мемуарах: «По сегодняшним меркам это оружие, его типы и количество не кажутся такими уж ошеломительными. Но в то время это представляло собой невероятное ускорение темпов перевооружения Ближнего Востока. Только по количеству баланс вооружений был существенно смещен в ущерб Израилю; в качественном отношении это смещение было еще более ярко выраженным»⁷².

Для Израиля с начала его существования проблема пополнения своих арсеналов современной военной техникой стояла особенно остро. В 1950-х годах американская администрация во главе с Эйзенхауэром не была настроена вооружать Израиль в ущерб своим отношениям с арабскими странами. В этот период наиболее тесное сотрудничество в военной области у Израиля развивалось с Францией. К тому же французское правительство, ведшее в этот период войну в Алжире против сил национального освобождения, было заинтересовано в использовании египетско-израильского противостояния в борьбе против алжирских повстанцев. Египетский режим оказывал им помощь, в том числе переправляя оружие. Впоследствии М. Даян признавал, что Франция снабжала Израиль оружием с очевидным прицелом, что в дальнейшем оно будет использовано против Египта. Складывавшаяся зависимость Израиля от военных поставок из Франции сыграла немаловажную роль в его втягивании в планы по

восстановлению позиций бывших колониальных держав в зоне Суэцкого канала.

Впрочем Израиль не исключал для себя возможности военного сотрудничества и с Советским Союзом. В частности, об этом свидетельствуют комментарии М. Шарета по поводу его уже упоминавшейся беседы с Молотовым, в которых он выражает сожаление, что советская сторона «не предложила нам даже в самой завуалированной форме какое-либо вооружение»⁷³. Позже, в 1958 г. Д. Бен-Гурион напрямую запрашивал советского посла о возможности получения от Советского Союза тяжелого вооружения (самолетов-истребителей, бомбардировщиков, танков, подводных лодок). Однако советское руководство, обеспечивая оружием арабские страны, считало, что «получение Израилем дополнительного количества оружия может только повести к дальнейшему обострению положения в этом регионе». В записке в ЦК КПСС по этому вопросу первый заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов писал: «Обращение Бен-Гуриона, по-видимому, рассчитано на то, чтобы поссорить Советский Союз с арабскими странами, а в случае отказа Советского Союза производить поставки оружия Израилю оправдать перед общественным мнением увеличение поставок вооружений Израилю западными державами»⁷⁴. Эта непомерная боязнь потерять расположение арабских стран вызывала недоумение у израильцев, которые в беседах с советскими дипломатами не раз задавали им вопрос, почему же отношения с Израилем не мешают США и другим западным странам развивать разнообразные связи и с арабским миром. Однако в условиях «холодной войны» трудно было ожидать от Советского Союза более сбалансированного подхода к поставкам вооружения в ближневосточный регион.

Суэцкий кризис еще более усугубил нараставшую в предыдущие годы тенденцию негативного восприятия Израиля в советском руководстве. В ноте от 5 ноября 1956 г., направленной израильскому премьер-министру от имени председателя Совета министров СССР Н.А. Булганина с требованием прекращения военных действий и вывода войск с египетской территории, содержалось недвусмысленное предупреждение, что действия Израиля ставят «под вопрос само существование Израиля как государства»⁷⁵. По словам М. Даяна, Бен-Гурион был взбешен презрительно-пренебрежительным тоном этого послания, которое израильское руководство восприняло как прямую угрозу существованию Израиля⁷⁶.

В этой же ноте Израиль уведомлялся об отзыве советского посла из Тель-Авива. Посол Абрамов А.Н. вернулся в Израиль весной следующего 1957 г.

Нельзя не отметить, что занятая Советским Союзом позиция по событиям в зоне Суэцкого канала, поддержка, оказанная Египту в ООН и за ее пределами, способствовали мобилизации общественного мнения во всем мире против англо-франко-израильской агрессии. Известный египетский журналист, соратник Насера М. Хейкал писал, что «события, последовавшие за сделкой по оружию, кульминацией которых стало англо-франко-израильское нападение на Суэц в 1956 г., очень сблизили Хрущева и Насера»⁷⁷. Правда, египтяне рассчитывали на более смелую и своевременную советскую помощь – ведь так называемые «ракетные ноты» с угрозами в адрес Англии и Франции, а также уже упоминавшаяся нота Израилю были разосланы только 5 ноября 1956 г., более чем через неделю после начала интервенции. Сами эти угрозы являлись в значительной степени блефом: еще не было достаточно отработанных технических возможностей для их осуществления, да к тому же военная конфронтация с Западом не входила в планы советского руководства. Некоторые авторы утверждают, что именно это запаздывание и сдержанность в оказании практической помощи породили те ростки недоверия, которые на дельнейших этапах советско-арабского взаимодействия разрастались до существенных разногласий⁷⁸.

Участие Израиля в Синайской кампании дало повод Советскому Союзу в полной мере реализовать курс на сворачивание отношений с ним, который был намечен уже в начале 1955 г. В ноябре 1956 г. были аннулированы торговые соглашения о поставках нефти в Израиль и закупках у него цитрусовых и других фруктов, что являлось серьезным ударом по израильской экономике. Несмотря на все старания Израиля возобновить нормальные торговые отношения советское руководство до 1967 г. так и не санкционировало заключение каких-либо новых экономических договоров. Исключением стала только сделка о продаже Израилю части российской недвижимости, приобретенной в Палестине еще в период до 1917 г.

В октябре 1964 г. за несколько дней до смещения Н.С. Хрущева министр иностранных дел Израиля Г. Меир и советский посол в Израиле М. Бодров подписали соглашение, которое вошло в историю под названием «апельсиновой сделки». Советский Союз продал Израилю фактически за бесценок, всего за 4,5 млн. долларов, 22 объекта

недвижимости, расположенных на его территории. В прессе появились тогда сообщения, что большую часть этой суммы израильтяне оплатили поставками цитрусовых, хотя на самом деле Израиль расплачивался разнообразными товарами широкого потребления. Мотивы столь неразумного разбрасывания имущества, доставшегося России с большим трудом в XIX в., до конца непонятны. По-видимому, свою роль в этом решении сыграл антиклерикальный настрой советского руководства, самого Хрущева. Некоторые исследователи считают, что сохранение Русской Палестины никак не вписывалось в хрущевский проект «окончательной победы над религиозными предрассудками»⁷⁹. Есть предположения, что Хрущев, делавший ставку в советской ближневосточной политике на поддержку арабских радикальных режимов, намеревался таким образом продемонстрировать арабам отсутствие у него интереса к отношениям с Израилем. Как бы там ни было, «апельсиновую сделку» невозможно расценить иначе, как еще один пример нерадивого, некомпетентного, просто безответственного обращения советских властей с историческим наследием России.

1.7. Поиски альтернативы в советско-израильских отношениях

К середине 1960-х годов серьезные изменения произошли в руководстве Израиля. Лидер нации, один из отцов-основателей еврейского государства Д. Бен-Гурион, многие годы занимавший должность премьер-министра, летом 1963 г. окончательно ушел в отставку. В Советском Союзе Д. Бен-Гуриона считали враждебным политическим деятелем, превратившим Израиль своим внешнеполитическим курсом в придаток империализма на Ближнем Востоке. Сторонников его политики нередко именовали «кликой Бен-Гуриона». Приход к власти более умеренной группировки в правящей лейбористской сионистской партии МАПАЙ во главе с Л. Эшколом был воспринят как возможность для улучшения советско-израильских отношений. Советское посольство сообщало в Москву в конце 1964 г., что «Эшкол глубоко убежден в жизненной необходимости для Израиля нормализовать отношения с Советским Союзом, т. к. он считает, что это единственный путь для страны выйти из того по-

литического тупика, в котором она оказалась к настоящему времени в результате безрассудной, агрессивной политики его предшественника»⁸⁰. По информации посольства, еще дальше шел в своих заявлениях министр труда И. Алон, утверждавший, что, «опираясь на поддержку трудящихся, среди которых имеются большие симпатии к Советскому Союзу, правительство готово будет отвернуться от США и западных держав и установить самые дружественные отношения с социалистическими странами»⁸¹.

Судя по имеющимся сегодня документам, нормализация отношений с Советским Союзом рассматривалась в Израиле как важная внешнеполитическая задача. В беседах с советскими руководителями и дипломатами многие израильские политические деятели и чиновники высокого ранга призывали развивать нормальные связи между двумя государствами, доказывая, что это не может повредить отношениям СССР с арабскими странами. Аргументом здесь служил пример западных стран, которые, имея разносторонние отношения с Израилем, одновременно улучшали и свои отношения с арабскими странами. Настойчивое стремление израильских политиков заручиться поддержкой СССР было вызвано разнообразными причинами: левые силы рассчитывали использовать просоветские настроения, сохранявшиеся в израильском обществе в том числе и благодаря вкладу Советского Союза в победу над фашизмом во Второй мировой войне, в политической борьбе, разворачивавшейся в Израиле; правительство Л. Эшкола, трезво оценивая возросшую роль СССР в региональных делах, склонялось к тому, что его необходимо более активно привлекать к участию в урегулировании положения на Ближнем Востоке.

Кроме того, молодое еврейское государство испытывало много трудностей в экономической сфере. Нормализация торговых отношений с таким могущественным партнером, как СССР, могла бы способствовать решению ряда проблем. Был расчет и на то, что связи с СССР и социалистическими странами помогут нейтрализовать негативные стороны имиджа Израиля в глазах его афро-азиатских партнеров, экономические отношения с которыми развивались особенно бурно в этот период.

Израильская сторона очень рассчитывала на изменение климата в отношениях с Советским Союзом. Израильские дипломаты в Москве тщательно отслеживали любые, самые незначительные изменения тональности в пользу Израиля в советских научных и ин-

формационных публикациях. В сентябре 1965 г. в Москву приехал новый израильский посол К. Кац. Его благосклонный прием советским руководством, публикация его краткой биографии с фотографией в еженедельнике «Новое время» были расценены израильским посольством как исключительное явление в двусторонних отношениях⁸². Израильские представители обратили внимание и на то, что после десятков лет игнорирования проблемы антисемитизма в 1965 г. появились публикации, осуждающие это явление как чуждое советскому обществу. Вероятно, эти мелкие штрихи и говорили о том, что Москва открывает некий кредит доверия новому израильскому руководству, но вряд ли это могло рассматриваться как знак готовности СССР проводить более умеренную политику в отношении Израиля.

После Суэцкого кризиса 1956 г. СССР практически свернул торгово-экономическое и культурное сотрудничество с Израилем. По данным советского посольства, в 1962 г. торговля с Израилем сводилась к закупкам советской литературы на сумму около 60 тыс. дол., а также советских фильмов на 7 тыс. дол. Тоненький ручеек туристов из Израиля в СССР составил в этом же году всего 700 человек. В начале 1960-х годов в Израиль приезжало всего два-три советских артиста или музыканта⁸³.

Посол М.Ф. Бодров, оценивая эти в общем-то скудные связи, тем не менее характеризовал их как разнообразные и довольно оживленные и предлагал признать уровень отношений с Израилем достаточным и сохранить его на ближайшие годы. Объясняя свою позицию, он указывал: «Добиваясь более широких связей с нашей страной, правящие круги Израиля рассчитывают, прежде всего, вбить клин в отношения Советского Союза с арабскими государствами, подорвать у них доверие к нам и, в конечном счете, поссорить их с Советским Союзом», а это в свою очередь откроет путь для проникновения США в арабские страны. Кроме того, советский дипломат был уверен, что расширение культурных, научных связей и туризма будет использовано Израилем для усиления разведывательной и подрывной деятельности против Советского Союза и ведения сионистской пропаганды среди еврейского населения⁸⁴.

Эта вполне стереотипная точка зрения превалировала в советских руководящих кругах. Израиль рассматривался исключительно как пособник «в осуществлении планов империалистических держав на Ближнем Востоке» независимо от того, какое правительство

приходило к власти. В его стремлении улучшить отношения с СССР видели лишь инспирированную Соединенными Штатами хитрую уловку нанести ущерб советским интересам в регионе.

Однако опубликованные сегодня документы свидетельствуют о том, что даже в таком консервативном ведомстве, как советское министерство иностранных дел, где особенно в те времена не приветствовалось отклонение от общепринятого образа мышления, находились люди, проявлявшие смелость в отстаивании собственной точки зрения. В конце 1964 г. посла М.Ф. Бодрова в Израиле сменил посол Д.С. Чувахин. В первой же записке посла министру иностранных дел А.А. Громыко, написанной через месяц после его приезда в Израиль в декабре 1964 г., заметно изменение тона рекомендаций, которые направляются в Москву. Чувахин исходил из иных посылов, чем его предшественник. Он считал, что в Израиле есть силы, которые искренне добиваются улучшения советско-израильских отношений, и встречные шаги СССР значительно усилили бы позиции прогрессивных сил, к которым он относил и наиболее умеренные круги в правительстве Л. Эшкола, и израильских коммунистов. Его рекомендации состояли в том, что необходимо пересмотреть в сторону расширения план культурных обменов с Израилем; пойти на расширение научных связей; возобновить выгодные для советской стороны торговые сделки; более объективно освещать в советской печати и по радио события, связанные как с внутренней, так и с внешней политикой Израиля⁸⁵.

После полутора лет пребывания в стране Чувахин утверждает в своем мнении, что «если заморозить наши связи с Израилем на их нынешнем уровне еще на ряд лет, то это отрицательно скажется на наших государственных интересах в этом регионе»⁸⁶. В Записке на имя министра иностранных дел СССР от 21 марта 1966 г. логика его рассуждений такова: необходимо использовать внутривнутриполитическую борьбу в стране, с тем, чтобы оказать поддержку умеренным настроениям в правящих кругах и их борьбе за изменение официальной внешней политики. Это поможет приблизить Израиль к лагерю нейтралитета. Особенно важно, что Чувахин осмеливается ставить вопрос перед руководством о необходимости скорректировать всю политическую работу с арабскими странами: с его точки зрения, следовало сделать акцент на разъяснении им бесперспективности решения арабо-израильского конфликта силой оружия, подчеркивать

отличие политики Л. Эшкола от экстремистской, агрессивной линии Д. Бен-Гуриона.

Существенным моментом является и его рекомендация указывать на легитимность Израиля, признание Советским Союзом и другими социалистическими странами его права на существование. Такая линия, по мнению посла, могла бы оказать влияние на сковывание крайнего национализма в арабском национально-освободительном движении и «установок на то, что арабо-израильский конфликт может быть решен лишь путем уничтожения Израиля»⁸⁷.

Посол Чувахин позволял себе высказывать и ряд соображений по поводу арабо-израильского конфликта, которые не во всем совпадали с официальными указаниями, приходившими из центра. Так, в октябре 1966 г. на границе с Сирией произошел очередной инцидент, спровоцированный нападением арабских феодалов на Израиль. Поскольку Советский Союз считал ответные акции возмездия Израиля проявлением его агрессивной, захватнической политики, из Москвы в посольство поступила телеграмма с требованием заявить протест против деятельности израильского правительства в отношении соседних стран⁸⁸. Выполняя указания МИД, посол все же вновь ставит вопрос о непродуктивности возложения вины за рост напряженности на сирийско-израильской границе исключительно на одну сторону. Он предлагает сдерживать воинственность сирийского правительства, которая может быть на руку только израильским экстремистам, оказать влияние на сирийское руководство с тем, чтобы оно отказалось от восхваления диверсий против Израиля в печати⁸⁹.

Конечно, нельзя преувеличивать «революционность» позиций Д.С. Чувахина. Он советский посол и действовал в русле заданной советской политики, определившей место Израиля «в империалистическом лагере, противостоящем Советскому Союзу и другим социалистическим странам, «неприсоединившемуся миру». В то же время, он осознавал, что односторонняя поддержка арабов на Ближнем Востоке шла вразрез с советскими интересами. Ведь Советский Союз далеко не исчерпал всех возможностей оказывать влияние на внешнеполитический курс Израиля, которые обеспечивались расстановкой сил внутри страны. Его анализ положения в регионе, четко определивший пагубность индифферентного отношения Советского Союза к установкам арабских лидеров на войну и на физическое уничтожение Израиля, к антиизраильской, антисемитской пропаганде, нараставшей в арабских странах, оказался справедливым. Об-

становка нагнетания напряженности и военной угрозы способствовала росту шовинистических страстей в израильском обществе. Это в свою очередь укрепляло те круги, которые были настроены на решение конфликта с арабами исключительно силовыми средствами, что в конечном итоге и привело к войне в июне 1967 г.

Вспоминая о событиях тех лет в начале 1990-х годов, посол Д.С. Чувахин, уже будучи человеком преклонных лет, говорил: «...тогда мы старались проводить на Ближнем Востоке политику, которая нравилась бы только арабам. Выступает, например, советский посол перед руководящими деятелями Всемирного еврейского конгресса в Тель-Авиве с докладом о внешней политике Советского Союза, а некоторые арабские страны высказывают по этому поводу свое недоумение, запрашивают у Москвы объяснений. И руководство МИД тут же проявляет беспокойство, направляет «строгий запрос» в посольство, вместо того чтобы дать понять арабам беспочвенность их претензий...»⁹⁰.

Речь здесь идет о крайне негативной реакции в иракской печати на упомянутое Чувахиным выступление. По этому поводу заведующий отделом стран Ближнего Востока МИД СССР А.Д. Щиборин, отчитывая посла, указывал ему на «необходимость проявлять особую осторожность и большую гибкость в выступлениях по вопросам обстановки на Ближнем Востоке и нашей политики в этом районе, а также... более разборчиво выбирать аудитории, перед которыми он выступает»⁹¹.

Несмотря на подобные «провинности» Д.С. Чувахин не был снят с должности и не был отправлен в отставку. По-видимому, его позиция могла находить понимание на среднем руководящем уровне в советском внешнеполитическом ведомстве, а, возможно, и на более высоком уровне руководства страны, хотя документальных подтверждений этому пока нет. В качестве аргумента можно только сослаться на то, что Д.С. Чувахин был опытным человеком, состоявшим на дипломатической службе с 1938 г. и вряд ли стал бы рисковать, если бы не рассчитывал на поддержку.

Все же в советском руководстве возобладало мнение, что перспективы сближения с Израилем определяются прежде всего его внешней политикой. Внутренняя политика играла второстепенную роль в этом процессе. Улучшение отношений с Израилем ставилось в зависимость от его поворота от прозападной ориентации к политике разрядки между двумя блоками. Под этим подразумевалась пол-

ная поддержка советских предложений на международной арене и отказ от применения силы в отношении арабских стран. Для Израиля выполнение этих требований было равносильно добровольной самоликвидации. К тому же заинтересованность Израиля в свободной эмиграции советских евреев и давление, которое он пытался оказывать на Советский Союз в связи с этим, являлось, как уже было сказано выше, одной из причин постоянного обострения отношений между двумя странами. В результате, несмотря на ряд факторов, благоприятствовавших развитию двусторонних отношений в середине 1960-х гг., Москва так и не воспользовалась этим шансом.

1.8. Война 1967 г. и советско-израильские отношения

Антиизраильский крен в советской ближневосточной политике приобрел ярко выраженный характер во второй половине 1960-х гг. Немаловажную роль в негативном восприятии Израиля советским руководством играла широкая антисоветская кампания на Западе, особенно в США в защиту советских евреев, вызванная советскими запретительными мерами на выезд евреев. Как отмечал в своих мемуарах советский дипломат А. Добрынин, возглавлявший советское посольство в Вашингтоне с 1962 г. по 1986 г., следствием этой деятельности было «ответное ожесточение в правящих кругах СССР» и решимость «не уступать сионистам». Он указывал, что именно с середины 1960-х гг. в СССР стали активно проявляться антисионистские настроения⁹². Они отражались не только в пропагандистской литературе, подготовка которой курировалась непосредственно ЦК КПСС, но и оказывали влияние на выработку ближневосточного курса. В советско-сирийском коммюнике в апреле 1966 г., например, указывалось на решимость сторон бороться против сионизма, «используемого империалистическими силами для усиления напряженности на Ближнем и Среднем Востоке»⁹³.

В советском политологическом нарративе за Израилем закрепились роль агента империалистической политики. В условиях «холодной войны», когда Ближний Восток все более превращался в поле борьбы двух сверхдержав, делавших ставку на подконтрольные им в той или иной степени режимы, Израиль с начала 1960-х гг. занял важное место в американской ближневосточной стратегии. Президент Дж. Кеннеди подчеркивал, что на Ближнем Востоке Соединен-

ные Штаты имеют особые отношения с Израилем, которые можно сравнить «только с отношениями с Великобританией по широкому кругу мировых вопросов»⁹⁴. В 1963 г. Израиль впервые получил крупную партию американских вооружений – противоздушные системы «Хок». За этой сделкой последовали большие поставки других вооружений, осуществлявшиеся через Западную Германию, чтобы предотвратить ущерб американским интересам в арабских странах.

С одной стороны, американская военная помощь Израилю была ответом на массированное вооружение арабских стран, осуществлявшееся СССР – с 1956 г. по середину 1960-х гг. Советский Союз предоставил арабам военной помощи на сумму в 2 млрд. дол., 43% которой приходилось на Египет⁹⁵. С другой стороны, укрепление связей с Израилем диктовалось задачами американской региональной политики. Президент Л. Джонсон, принимая в июне 1964 г. Л. Эшкола, который был первым израильским премьер-министром, официально посетившим Белый дом, говорил: «Соединенные Штаты твердо поддерживают Израиль во всех вопросах, которые связаны с его жизненно важными интересами безопасности, точно так же, как мы оказываем поддержку Юго-Восточной Азии»⁹⁶. Эта параллель была не случайна, т. к. ведшаяся американцами война во Вьетнаме, в которой за спиной северовьетнамских прокоммунистических сил стоял Советский Союз, также являлась отражением глобального противоборства двух систем. Израиль, таким образом, становился для американцев одним из опорных пунктов в большой региональной игре по противодействию распространению коммунизма.

Отожествление сионизма и израильского внешнеполитического курса с задачами и целями империализма стало основополагающим элементом в советских оценках ситуации на Ближнем Востоке. С середины 1966 г. в советской прессе усилилась антиизраильская пропагандистская кампания. Израиль называли одним из трех империалистических фронтов на Ближнем Востоке, к которым также относили Исламский пакт, определявшийся как объединение монархических и реакционных режимов, и внутреннюю реакцию в Сирии и Египте⁹⁷. Советский представитель в ООН Н.Т. Федоренко громил Израиль в 1966 г. за то, что его «действия являются очевидным отражением усиления империалистической политики западных держав и их реакционных пособников на Ближнем Востоке»⁹⁸. В заявлении советского правительства от 9 ноября 1966 г., переданном через по-

сла Израиля в СССР К. Каца, указывалось: «Советское правительство уже неоднократно обращало внимание израильского правительства на опасность обострения положения на Ближнем Востоке, к которому приводит политика империалистических держав, которые уже давно стремятся использовать Израиль в своих планах борьбы против независимых арабских государств»⁹⁹.

Череда обострений советско-израильских отношений в 1966 г. была обусловлена обеспокоенностью Москвы положением своего нового союзника в лице левобаасистского режима Нур ад-Дина Ата-си в Сирии, установившегося после переворота в феврале 1966 г. К власти в этой важной в стратегическом отношении стране пришли силы, которые не упускали возможности заявить советским покровителям о своей приверженности идеям марксизма и научного социализма¹⁰⁰ и продемонстрировать свою убежденность в том, что «социалистическое переустройство является наилучшим путем для преодоления этапа отсталости, освобождения трудящихся, осуществления полного расцвета производительных сил и раскрытия творческой энергии народных масс»¹⁰¹. По аналогии с дружественной политикой в Египте Советский Союз взял на себя обязательства по оказанию содействия сирийцам в строительстве плотины и гидроэлектростанции на р.Евфрат. В Сирию потекла советская помощь, которая только в 1966 г. составила 428 млн. дол.¹⁰².

В Москве явно рассчитывали, что идеологически близкий, «прогрессивный» режим в Сирии станет опорой советского продвижения в ближневосточном регионе. Этот, как пишет А. Васильев, романтический взгляд на сирийских баасистов затмевал собою особенности борьбы за власть в арабском мире, где за социалистической фразеологией часто скрывались личные амбиции и корыстные интересы новых борцов за народное счастье¹⁰³.

Для укрепления довольно зыбких позиций левобаасистского режима внутри страны, да и на арабской арене были пущены в ход известные средства – установка на сплочение народа перед лицом внешней угрозы, исходившей от империализма и его главного регионального орудия – Израиля. Министр иностранных дел Сирии в беседах с советским послом подчеркивал, что «Сирия даст самый решительный отпор агрессии со стороны Израиля, рассматривая ее как американскую агрессию»¹⁰⁴, что партия БААС руководствуется «теорией народно-освободительной войны против Израиля, предусматривающей широкую организацию трудящихся масс и их подго-

товку к ведению такой войны в будущем вместе со всем арабским народом»¹⁰⁵. В рамках этой стратегии Дамаск усилил поддержку палестинских партизанских группировок, которые действовали с территории Сирии, а также засылались в Иорданию и Ливан для проведения антиизраильских акций. В течение 1966 г. Израиль зарегистрировал девяносто три пограничных инцидента – минирование территории, обстрелы, саботаж¹⁰⁶. Были жертвы и среди мирного населения. Обострению отношений способствовало и неурегулированность сирийско-израильского конфликта по использованию вод р. Иордан.

На протяжении всего 1966 г. напряженность в сирийско-израильских отношениях нарастала. В Израиле резко усилились позиции тех сил, прежде всего генералитета, которые предлагали использовать приграничные инциденты для нанесения удара по Сирии. И. Рабин, занимавший должность начальника Генерального штаба, в своих высказываниях не раз возлагал ответственность за антиизраильские акты агрессии не только на их непосредственных исполнителей, но и на сирийский режим, поддерживающий терроризм¹⁰⁷. Израильские военные настоятельно предлагали политическому руководству начать большую войну против Сирии. На одном из совещаний в январе 1967 г., посвященном положению в приграничных зонах, начальник оперативного отдела Генштаба полковник Р.Зеэви говорил, например: «В демилитаризованных зонах существует проблема контроля, отвода ресурсов реки Иордан, и, наиболее серьезная из всех, проблема террористических атак против Израиля. Война с Сирией решила бы все эти три проблемы»¹⁰⁸. Только сдержанная позиция премьер-министра Л. Эшкола, опасавшегося, что Израилю придется воевать против широкого фронта объединившихся арабских стран, противостояла воинственному настрою армейского командования.

Таким образом, не был лишен оснований советский взгляд на то, что носителями агрессивных настроений в Израиле, требовавшими применения силы в отношении арабов, были военные круги, именовавшиеся в выступлениях советских руководителей и в советской прессе реакционными, экстремистскими силами. На дипломатическом уровне, по-видимому, предпринимались попытки играть на противоречиях между умеренным крылом израильского руководства и радикальной армейской верхушкой. А.А. Громыко в беседе со своим израильским коллегой А. Эбаном, состоявшейся 30 сентября 1966 г. в Нью Йорке в период сессии Генассамблеи ООН, впервые за

много лет признал, что Советский Союз не исключает возможности параллельных дружественных отношений и с Израилем, и с арабскими странами. Он также вспомнил и о той роли, которую Советский Союз сыграл в создании Государства Израиль, что многие годы было запретной для советской дипломатии темой¹⁰⁹. Эти мелкие дипломатические поправки, видимо, были рассчитаны на то, чтобы доказать израильскому руководству перспективность отношений с СССР и заставить задуматься о последствиях избранного проамериканского курса.

Израильско-сирийский конфликт рассматривался в советской официальной позиции исключительно в контексте наступления империализма на считавшийся прогрессивным сирийский режим. Как указывалось в ноте израильскому правительству от 9 ноября 1966 г., обострение напряженности на сирийско-израильской границе «совпадает с усилившейся активностью внешних империалистических сил, которые пытаются вмешиваться во внутренние дела сирийского государства, организуют заговоры против него, не стесняясь открыто заявлять о том, что их не устраивает нынешний режим в Сирии и что их интересам соответствовал бы приход к власти в этой стране кругов, связанных с западными нефтяными монополиями и известными империалистическими державами»¹¹⁰. Советская печать еще в более резкой форме увязывала израильскую политику с происками империализма против молодых независимых арабских государств. В Израиле это воспринималось как оскорбление. Возмущенный Л. Эшкол, например, говорил: «Израиль – освободитель, освободивший свой народ от длившегося поколениями изгнания и геттоизации; Израиль – жертва погромов во всем мире, который теперь, спустя тысячелетия возвращается на свою родину; Израиль, который первый избавился от иностранной державы, когда понял, что эта держава не может реализовать его надежд – и мы движимы империализмом?»¹¹¹.

Однако в советских обвинениях была и некоторая доля правды. Израильский автор Т. Сегев, основываясь на архивных материалах, повествует о том, что британский посол в Израиле М. Хэдоу, имевший связи в различных кругах израильского общества, активно призывал израильтян в этот период нанести удар по Сирии. Расчет строился на том, что война приведет к падению радикального сирийского режима, который не устраивал британские нефтяные монополии¹¹².

Конечно, в условиях «холодной войны» в арабо-израильском конфликте, как и в других региональных конфликтах, стороны неизбежно ощущали на себе давление внешних держав, пытавшихся манипулировать ими в своих интересах. Западноевропейские страны и США, с одной стороны, и СССР, с другой выстраивали свою региональную политику в соответствии с правилами «игры с нулевой суммой», когда выигрыш одной стороны неизбежно влечет за собой проигрыш другой. В этой игре без сомнения были задействованы и спецслужбы с обеих сторон. Однако повторяющееся во многих советских дипломатических документах этого периода утверждение о том, что инциденты на территории Израиля «специально организованы известными спецслужбами с целью провокаций», представляются преувеличением и намеренным искажением действительности. Документы свидетельствуют, что советское руководство было осведомлено о реальном положении дел. Так, в беседе с советским послом в Иордании в мае 1966 г. король Хусейн обвинял сирийское правительство в поощрении деятельности подрывной организации «Фатх», которая базируется в Сирии и направляет свои отряды в Израиль через Иорданию и Ливан¹¹³. Однако в раз заданную парадигму империалистического заговора против Сирии эти факты не укладывались.

В первые десятилетия существования Израиля угроза со стороны арабских стран была вполне реальной и намеренно подогревавшаяся правящими режимами. Документальные свидетельства говорят о том, что враждебность израильтян в отношении Сирии была связана, прежде всего, с поощрением и прямой поддержкой сирийским руководством провокационной, террористической деятельности против Израиля. При обсуждении вопроса о Сирии цель свержения режима или завоевания новых территорий напрямую не ставилась даже наиболее агрессивно настроенными израильскими генералами. Хотя, конечно, эти стратегические выигрыши соответствовали интересам еврейского государства. Но все же главным для него было покарать подстрекателей террористов и продемонстрировать израильскую военную мощь, т. к., по словам командующего Центральным округом У.Наркиса, «арабскую ментальность отличает то, что, получив удар, они отступают и успокаиваются на некоторое время»¹¹⁴.

В опровержение советских заявлений о прямой связи израильских военных планов с империалистической политикой можно привести и трагический эпизод с вторжением израильской армии на

Западный берег р. Иордан 13 ноября 1966 г. для проведения карательной операции в арабской деревне Самуа. Эта территория являлась тогда частью Иордании. Израильская операция, планировавшаяся как быстрый «хирургический» удар по базе арабских боевиков, превратилась в полномасштабное сражение с жертвами среди мирного населения и разрушениями гражданских построек. В Иордании последовали массовые выступления против Хашемитской монархии – одного из самых надежных американских союзников на Ближнем Востоке. Действия Израиля вызвали не только его единодушное осуждение в Совете Безопасности ООН, но и возмущенную реакцию в американской администрации. Высокопоставленные американские чиновники отчитывали А. Эбана за то, что Израиль подрывает «всю американскую доктрину баланса сил, которая зиждется на сохранении статус кво в Иордании и ее изоляции от влияния Египта, Сирии или палестинцев»¹¹⁵. Однако посол Чувахин сообщал в Москву, что Израиль согласовал свои действия с западными союзниками, и одной из целей его операции была помощь режиму в Аммане в борьбе с левыми силами¹¹⁶. По-видимому, это один из тех случаев, когда советский посол вынужден выдавать желаемое за действительное, не решаясь нарушать сложившиеся установки и мифы.

В израильских и западных исторических работах немало места уделяется вопросу о том, что политика Советского Союза сыграла роль катализатора в военной вспышке в 1967 г. Из года в год в первые июньские дни, в годовщину «шестидневной войны» израильская пресса непременно напоминает читателям, что в первой половине мая 1967 г. Советский Союз передал Египту ложную информацию о сосредоточении сил израильской армии для нанесения удара по Сирии, а затем убедил египтян предпринять ряд провокационных действий. Якобы именно вследствие этих советских предупреждений президент Насер направил свои армейские подразделения на Синай¹¹⁷, что и положило начало майскому кризису, переросшему затем в полномасштабную войну. На Советский Союз, таким образом, возлагается прямая ответственность за провоцирование арабов против Израиля.

Действительно, в мемуарной литературе и во всех исследованиях, посвященных войне 1967 г., довольно подробно описан факт пе-

редачи Москвой секретной информации египтянам о концентрации израильских войск на границе с Сирией и готовящемся нападении Израиля. Е.М. Примаков, один из наиболее осведомленных в этой области отечественных авторов, подтверждает, что «резидентура советской внешней разведки обладала фактическим материалом о подготовке израильских сил к атаке»¹¹⁸. Есть ссылки на советские источники, подтверждающие факт передачи таких сведений, и в работе М. Орена¹¹⁹. Однако мы не располагаем ни документом, который раскрывал бы содержание этой информации, ни какими-либо официальными разъяснениями целей, с которыми она была передана. Это породило множество интерпретаций советского шага вплоть до того, что источником дезинформации были сами израильтяне, стремившиеся к войне в целях территориального расширения¹²⁰.

Наиболее утвердившаяся в западной и израильской историографии версия состоит в том, что поскольку сведения о сосредоточении войск на границе с Сирией опровергались не только Израилем, но и представителями ООН и даже египтянами, то советская информация считается намеренно сфабрикованной фальшивкой, имевшей целью подтолкнуть Насера к войне. Ее связь с действиями египетского руководства по эскалации напряженности на Синае, казалось бы, подтверждается хронологией событий. М. Даян в своих мемуарах указывает, что «12 мая 1967 г. офицер разведки из советского посольства передал египтянам разведанные, подтверждающие сирийский доклад о концентрации войск Израиля на сирийской границе»¹²¹. А. Садат в своей автобиографической книге писал, что 13 мая перед вылетом из Москвы по завершении его визита в СССР провожавшие его заместитель министра иностранных дел В. Семенов и председатель Верховного Совета СССР В. Подгорный сообщили ему о том, что «десять израильских бригад сосредоточены на сирийской границе»¹²². 14 мая египетским руководством было принято решение о вводе войск на Синай. 16 мая Насер обратился к командованию сил ООН на Синае с требованием об их эвакуации.

Очевидно, сведения, переданные Садату, сыграли свою роль как сигнал Насеру о советской поддержке его решительных действий, однако вряд ли можно придавать советской информации гипертрофированное значение как единственному фактору, способствовавшему раздуванию войны. На протяжении 1966–1967 гг. предупреждения о концентрации израильских войск на границе с Сирией неоднократно фигурировали в советских дипломатических документах и офи-

циальных заявлениях. Так, в заявлении советского правительства от 25 мая 1966 г. говорилось, что «эта концентрация приобретает опасный характер в связи с тем, что она осуществляется одновременно с ведущейся в Израиле враждебной кампанией против Сирии»¹²³.

У египтян были и свои источники подобной информации. Так, например, советский посол Д. Пожидаев сообщал 16 мая из Каира, что, по словам военного министра Ш. Бадрана, «египтяне узнали от сирийской стороны, что Израиль сконцентрировал на границах с Сирией 12 бригад»¹²⁴. Сирийцы были заинтересованы в эскалации египетской угрозы Израилю для отвлечения внимания израильтян от происходившего на сирийском участке.

Официальный Израиль категорически отрицал распространяющуюся информацию о концентрации своих военных сил на границе с Сирией. Израильтяне, включая представителей израильской компартии, настоятельно предлагали советскому послу Чувахину самому проехать вдоль израильско–сирийской границы и проверить ситуацию там. Однако в советском посольстве эти предложения отклонялись самым решительным образом.

Какова бы ни была роль внешних сил, но самое главное заключалось в том, что и в Египте, и в Израиле нагнеталась атмосфера, делавшая военное столкновение неизбежным. Складывавшаяся в арабском мире ситуация заставляла Насера искать новые средства для утверждения своих позиций в качестве его лидера, проявлять большую податливость в ответ на требования радикальных сил действовать более решительно против Израиля. В Израиле усилившаяся деятельность фedaинов на приграничных с арабскими странами территориях, а также безудержная антиизраильская пропаганда и в Сирии, и в Египте вызывали ответную воинственную реакцию, граничившую с истерией. Маленькая нация – численность населения Израиля составляла тогда около 2,5 млн. человек, – со свежими воспоминаниями о массовом уничтожении евреев в Европе в годы Второй мировой войны оказалась лицом к лицу с враждебным, не скрывавшим своей ненависти многомиллионным арабским миром, за спиной которого маячил могущественный Советский Союз. Даже такой сдержанный политик, как Л. Эшкол, заявлял, что у Израиля нет другого выхода, как принять соответствующие меры против банды саботажников и их подстрекателей и что он сам выберет время, место и средства для того, чтобы противостоять агрессору¹²⁵. В Сирии такие заявления расценивались как подготовка заговора «импе-

риалистическими и сионистскими агрессорами». И арабы, и израильтяне двигались к столкновению семимильными шагами. Один из ведущих египетских журналистов М. Хейкал писал в центральной газете «Аль-Ахрам»: «В свете непреодолимых психологических факторов нужды безопасности, самого выживания заставляют с неизбежностью принять вызов войны»¹²⁶.

Была ли Москва заинтересована в том, чтобы столкнуть арабов и израильтян? Хотело ли советское руководство войны на Ближнем Востоке? На этот счет существуют разные точки зрения. Е.М. Примаков утверждает, например, что все советское руководство было категорически против войны¹²⁷. Однако многие западные и израильские авторы полагают, что среди советских руководителей присутствовало два подхода. Политики и дипломаты придерживались умеренной линии. Председатель Совета министров А. Косыгин, ведший переговоры с высокопоставленными египтянами в мае 1967 г., подчеркивал, что лучше сесть за стол переговоров, чем ввязываться в боевые действия. В то же время военные, и прежде всего министр обороны А. Гречко, как считают израильские авторы, своими высказываниями о высокой боевой готовности египетской армии и неосторожными намеками о готовности СССР прийти на помощь Египту в любой ситуации косвенно подталкивали Насера и его окружение к военному нападению на Израиль¹²⁸.

В советском руководстве, по-видимому, не было единства и относительно степени вовлеченности советских вооруженных сил в военные действия на стороне арабов. Например, израильская исследовательница Г. Голан, принадлежавшая к весьма информированному клану советологов, выдвигала версию о том, что смещение Н. Егорычева с поста первого секретаря МК КПСС и В. Семичастного с должности председателя КГБ, а также вывод А. Шелепина из Секретариата ЦК в мае-июле 1967 г., были связаны с тем, что они настаивали на более активном вмешательстве Советского Союза на стороне арабов в военные действия на Ближнем Востоке¹²⁹. Один из участников событий в 1967 г., офицер советского флота А.В. Розин в своих воспоминаниях говорит о том, что среди сторонников Гречко, занимавшего антиизраильскую позицию, были руководитель КГБ Ю. Андропов и первый секретарь МК КПСС Н. Егорычев. В то же время, Косыгин категорически возражал против прямого вмешательства в этот конфликт. «Он упорно утверждал, что мы не имеем никакого права вмешиваться и ни в коем случае не должны этого делать»¹³⁰.

Отсутствие доступа к документам высших партийных и правительственных инстанций тех лет не позволяет вывести эту тему из сферы догадок и предположений, проследить на более достоверном материале процесс принятия политических решений. Вероятно, у высших советских руководителей и были разногласия относительно степени вмешательства в ближневосточный конфликт. Реальные действия и опубликованные документы МИД СССР говорят лишь об одном: советская политика носила крайне односторонний, антиизраильский характер. Создается впечатление, что советское руководство было загипнотизировано собственной миссией по спасению арабских народов от притязаний «империалистов и их приспешников». Даже когда Насер потребовал вывода международных сил ООН с Синайского полуострова и выдвинул туда египетские войска, а затем объявил о блокаде Тиранского пролива, советская дипломатия полностью поддержала логику арабской стороны, утверждая оборонительный характер этих действий и справедливость реализации суверенных прав арабов на эти территории, хотя с точки зрения международного права этот вопрос оставался спорным. По-видимому, сказывалась и недооценка Израиля в готовности отстаивать свои интересы военными средствами, непонимание значимости для молодого государства южного морского пути, закрытие которого было достаточным поводом для начала военных действий.

В то же время в Москве вряд ли хотели полномасштабной войны на Ближнем Востоке. Советский Союз не давал никаких заверений, что выступит на стороне арабов, хотя и египтяне и сирийцы пытались добиться этого. К прямому военному вмешательству на стороне Израиля не были готовы и американцы. Две сверхдержавы явно не желали доводить дело до непосредственного столкновения на Ближнем Востоке.

Свидетельства о советских шагах, направленных на сдерживание арабской стороны, содержатся в работах и отечественных, и зарубежных авторов. Израильский публицист и историк Т. Сегев в своем объемном труде «1967: Израиль, война и год, которые изменили Ближний Восток» со ссылками на израильский документальный материал говорит о том, что Советский Союз, «заинтересованный в предотвращении эскалации» военной угрозы, оказывал давление на сирийцев с тем, чтобы сдерживать антиизраильскую активность¹³¹.

Некоторые зарубежные авторы утверждают, что рассылка писем А. Косыгина президенту Л. Джонсону, премьер-министру

Г. Вильсону, президенту Франции Ш. де Голлю и премьер-министру Л. Эшколу 27 числа, в самый разгар майского кризиса была связана с полученной Москвой секретной информацией от американцев о подготовке египтянами в ближайшие часы наступления на израильские позиции. Источником информации были израильские агентурные сведения, и в Советском Союзе опасались, что Израиль ответит превентивным ударом по Египту. В советских письмах содержались заявления о недопустимости войны, граничившие с угрозами прямого вмешательства на стороне жертв агрессии в случае нападения Израйля. В ту же ночь, когда советский посол явился со срочным визитом к Л. Эшколу в Тель-Авиве для передачи ему этого письма, в Каире состоялась беседа посла Пожидаева с Насером, в ходе которой ему также было передано письмо Косыгина, предупреждавшее о тяжелых последствиях в случае нанесения Египтом первого удара¹³².

В хорошо документированном и наиболее исчерпывающем исследовании М. Орена о «шестидневной войне» эпизод о готовившемся египетском наступлении в ночь на 27 мая под кодовым названием «Заря» подтверждается рядом арабских и западных источников. О воинственном настрое египетского руководства свидетельствовала и речь Насера, произнесенная накануне, 26 мая перед арабскими профсоюзными деятелями. В ней он подчеркивал готовность египетских вооруженных сил одержать победу над Израилем и уничтожить его¹³³. Отечественные авторы, однако, настаивают на том, что версия о подготовке Насером превентивного удара по Израйлю не более чем миф¹³⁴.

В советском руководстве были разумные голоса, предлагавшие в конце мая – начале июня организовать в Москве встречу Г. Насера с Л. Эшколом. На это было получено согласие и Египта, и Израйля, но сирийцы выступили категорически против, похоронив эту затею. По воспоминаниям посла Д. Чувахина, который не только не был послан в Сибирь по возвращении из Израйля, как утверждает в книге М. Орена¹³⁵, но имел длительную беседу с А. Громыко, советский министр иностранных дел высказал сожаления по поводу принятого тогда решения. «Развитие последующих событий показало, что нам не следовало бы прислушиваться к мнению сирийцев», – сказал он¹³⁶.

Страх утратить расположение арабов, дать повод сомневаться в пресловутой солидарности с «прогрессивными, антиимпериалистическими силами в арабском мире» был серьезным двигателем советской ближневосточной политики тех лет. В указаниях советскому

представителю в ООН Н. Федоренко министр иностранных дел настаивал: «Вам необходимо установить тесный контакт с делегациями ОАР и Сирии и согласовывать с ними все свои действия. Если представители ОАР и Сирии будут по-прежнему возражать против рассмотрения вопроса о положении на Ближнем Востоке в Совете Безопасности, Вам следует поддержать их, используя мотивы, которые будут ими выдвинуты... В случае, если представители ОАР и Сирии выскажут пожелания, чтобы Советский Союз применил вето против...проектов резолюций, Вам следует это сделать, чтобы не допустить решения, осуждающего арабские государства»¹³⁷. Идеологическая заикленность, возобладавшая над прагматическим интересом, превращала великую державу в исполнителя чужих задач, в защитника чуждых интересов. Любые высказывания советских дипломатов о необходимости сотрудничества с Израилем в деле урегулирования конфликта воспринимались арабами как предательство, любые упоминания Израиля как полноправного действующего лица на ближневосточной арене вызывали протесты с арабской стороны.

Причины разрыва дипломатических отношений с Израилем в официальной советской ноте, переданной 10 июня 1967 г. израильскому послу в Москве К. Кацу первым заместителем министра иностранных дел В.В. Кузнецовым в присутствии заведующего ОБВ МИД СССР А.Д. Щиборина, были сформулированы следующим образом: «... Правительство Советского Союза заявляет, что ввиду продолжения агрессии Израиля против арабских государств и грубого нарушения им решений Совета Безопасности правительство Союза ССР приняло решение о разрыве дипломатических отношений Советского Союза с Израилем»¹³⁸. Однако за официальной формулировкой стояли разноплановые соображения политического порядка.

Важную роль сыграл фактор сохранения престижа и дружественных отношений с арабскими странами. Арабы были разочарованы слишком слабой, как они считали, поддержкой Советского Союза и стран Варшавского договора в ходе войны, явным нежеланием союзников «по борьбе с империализмом» напрямую ввязываться в военные действия. Советник посольства СССР в Багдаде М.П. Попов вспоминал, например, что в июне 1967 г., когда стало известно о решительной победе Израиля над арабскими войсками, «почти все иракские газеты вышли с антисоветскими статьями: почему Советская Армия не пришла на Ближний Восток, чтобы разгромить Израиль, почему Советский Союз остался в стороне от войны...» Были

намерения организовать нападение на советское посольство, пресеченные лишь обращением советского посла к президенту Арефу¹³⁹. И «арабская улица», и самые высокопоставленные чиновники были возмущены тем, что Советский Союз якобы бросил арабов. Такой сильный антиизраильский шаг, как разрыв дипломатических отношений, должен был восстановить доверие арабов, продемонстрировать непримиримое отношение к действиям Израиля.

Жестко «наказать» Израиль требовалось и, исходя из внутривнутриполитических соображений. В связи с войной на Ближнем Востоке по всей стране, как это было принято в советское время, были организованы огромные митинги, осуждавшие «израильскую агрессию» и поддерживавшие «народы Арабского Востока». Отдел организационно-партийной работы ЦК КПСС отчитывался: в Алтайском крае общее число участников митинга превысило 520 тыс., во Владимирской области – 200 тыс., в Кемеровской области – 420 тыс. В то же время, трудящиеся задавали партийным пропагандистам вопросы, которые требовали разъяснений: «Чем объясняется быстрое поражение армии ОАР и других арабских государств? Высказывали ли арабские страны просьбы к Советскому Союзу ввести на их территории наши войска для оказания помощи против израильской агрессии? Действительно ли наша техника слабее той, которую дали Израилю американцы?»¹⁴⁰. Разрыв дипломатических отношений с Израилем демонстрировал советскому народу, на чьей мы стороне, кого мы решительно поддерживаем, а кого безоговорочно осуждаем.

Израильский дипломат Й. Говрин предполагал, что одной из причин решения о разрыве отношений являлось стремление советского руководства ликвидировать присутствие Израиля в советской столице и лишить его возможности через дипломатические каналы вести пропагандистскую работу среди советских евреев¹⁴¹.

Свою роль в решении прекратить дипломатические отношения с Израилем сыграли и внутренние противоречия в советском руководстве. Отечественные авторы подтверждают, что А. Громыко предложил пойти на эту жесткую меру для того, чтобы успокоить «ястребов», рассматривавших сокрушительное поражение египтян и сирийцев как удар по советскому политическому и военному престижу и требовавших реванша. А. Васильев, в частности, приводит слова советского дипломата: «Предложение о разрыве было выдвинуто в последний момент на Политбюро Громыко, чтобы не ввязываться в крупную военную авантюру, на которой настаивали наши

«ястребы»... Громыко опасался, что мы столкнемся с США, и это будет повторение ракетного кризиса 1962 г.»¹⁴². М. Орэн предполагает, что в Политбюро противостояли друг другу две группировки: «технократы», поддерживавшие А. Косыгина, и «силовики», близкие к Л. Брежневу¹⁴³. Спустя почти столетия мы так и не можем с достоверностью сказать, в каких спорах сформировалось решение о разрыве дипломатических отношений с Израилем. Отечественные архивы стойко хранят свои секреты.

Израильская исследовательница Г. Голан утверждает, что инициатором разрыва отношений с Израилем был президент Югославии И. Тито, поддерживавший тесные связи с Насером со времен создания Движения неприсоединения. В ночь на 8 июня, как пишет Голан, югославское предложение было разослано всем членам Варшавского договора, которые, за исключением Румынии, поддержали его на встрече глав государств 9 июня¹⁴⁴.

По-видимому, целый комплекс соображений заставил СССР пойти на этот шаг, но, как утверждал посол Д. Чувахин, он был принят без консультаций с посольством. В своих воспоминаниях, датированных 1994 г., он писал, что это произошло потому, что «ни оперативный отдел МИД СССР, ни руководство министерства не осмелились вовремя предупредить правительство о том, что разрыв отношений с Израилем из-за начатой войны с арабскими странами не в наших государственных интересах»¹⁴⁵.

Некоторые израильские источники также подтверждают, что Д.С. Чувахин не был сторонником разрыва отношений. Израильский журналист Йоси Галили, в 1967 г. входивший в ЦК КПИ, был в дружеских отношениях с советским послом. Он рассказывает, что в те напряженные дни, предшествовавшие шестидневной войне, «Москва не хотела прислушиваться и принимать к сведению сообщения Д.С. Чувахина о положении в Израиле и в регионе»¹⁴⁶. Спустя годы израильский историк-журналист Том Сеgev из интервью с бывшим советским послом сделал вывод, что сам Дмитрий Степанович продолжал верить, что можно было предотвратить войну. По словам Д.С. Чувахина, Москва была причастна к ряду ошибок, которые позволили, «израильской военной верхушке втянуть Израиль в войну»¹⁴⁷.

В дальнейшем, уже после прихода к власти Горбачева, ошибочность этого решения признавали многие высокопоставленные советские дипломаты. В частности, об этом говорил советский посол во

Франции Ю. Воронцов на секретной встрече с израильским послом О. Софером в Париже в июле 1985 г.¹⁴⁸.

Объявив о прекращении дипломатических отношений с Израилем, советское руководство вряд ли предполагало, что этот разрыв продлится так долго. Однако со временем сделать шаг навстречу Израилю становилось все сложнее. Посол А.Ф. Добрынин приводит в своих мемуарах интересный и малоизвестный факт: в конце 1970-х годов Брежнев предлагал на одном из заседаний Политбюро принять ряд мер к постепенному восстановлению отношений с Израилем. Это должно было способствовать улучшению отношений с США. Но против любого изменения курса в отношении Израиля выступили Суслов и Громыко¹⁴⁹.

Был ли оправдан такой крайний шаг, как разрыв дипломатических отношений с Израилем? Действительно, на протяжении двух десятилетий Советский Союз стремился закрепить за собой сильные позиции в ближневосточном регионе, его роль как важнейшего игрока уже была признана не только арабскими странами, но, как свидетельствуют документы, и Израилем. Разорвав отношения с еврейским государством, Москва лишила себя возможности почти на четверть века быть активным, полноценным, открытым участником урегулирования одной из самых острых проблем региона – арабо-израильского конфликта. Отсутствие у СССР дипломатических отношений с Израилем способствовало монополизации процесса урегулирования американцами.

Эффективность этого шага как способа выражения солидарности с арабским миром оказалась не столь уже велика. Как пишет Р.Д. Дауров, «куда большее значение в арабских странах Ближнего Востока придавали увеличению военной помощи со стороны Советского Союза»¹⁵⁰. Односторонняя ориентация на арабов в конечном итоге не принесла СССР ни крупных геополитических выигрышей, ни экономических дивидендов. «Египетская карта» была проиграна с переориентацией режима А. Садата на США после смерти Г. Насера. Военные вливания в сирийский и иракский режимы обернулись огромными их долгами, большая часть которых была списана после распада СССР. Не оправдали себя и надежды на продвижение арабских стран по пути «социалистической ориентации». Теории революционных преобразований, выводящих освободившиеся от колониальной зависимости страны на «некапиталистический путь развития», разработавшиеся в Советском Союзе по указаниям

идеологов из ЦК КПСС, оказались лишенными реальной почвы. «Арабский социализм» выродился в конечном итоге в ряд диктаторских, авторитарных режимов, связь которых с Советским Союзом определялась, главным образом, их антизападным, антиамериканским и антиизраильским настроем.

В Израиле советское решение о разрыве дипломатических отношений было воспринято как финальный акт недружелюбной и предвзятой политики СССР. Бывший в 1967 г. министром иностранных дел А. Эбан признавался позже, что «тогда он ожидал, что СССР поступит по крайней мере так, как он поступил во время Синайской кампании, т. е. отзовет своего посла в Москву, а формальные рамки отношений сохранятся»¹⁵¹. Решение о разрыве отношений еще больше увеличил недоверие, подозрительность и враждебность к советской политике на Ближнем Востоке. Израильский дипломат А. Даган в своей книге «Москва и Иерусалим», написанной непосредственно по следам военных событий 1967 г., делал заключение, что два десятилетия Советский Союз эксплуатировал арабо-израильский конфликт, считая его полезным для себя, и не пытался использовать свое влияние для поисков его конструктивного решения¹⁵². На многие годы вперед в сознании израильтян утвердилось представление о том, что именно Москва способствовала сохранению напряженности на самом высоком уровне, поддерживая враждебность к Израилю своих протезе в Каире и Дамаске.

Особенно болезненно было воспринято в Израиле обвинение в том, что израильские войска на оккупированных территориях действуют так же, как гитлеровские захватчики на территориях стран, ставших жертвами агрессии в годы второй мировой войны¹⁵³. Оно содержалось в ноте МИД СССР посольству Финляндии¹⁵⁴ от 13 июня 1967 г., т. е. уже после разрыва дипломатических отношений и, вероятно, являлось результатом преднамеренного следования информации, исходившей из арабских пропагандистских источников. Советские исторические параллели, явно искажавшие реальное положение дел, были неуместны и оскорбительны для народа, тяжело пострадавшего от рук фашистских палачей. Тем более что факты негуманного, жестокого поведения израильских военных в отношении арабского населения вскрывались и в самом Израиле. Примером может служить изданный вскоре после «шестидневной войны» сборник «Говорят солдаты»¹⁵⁵, в который вошли беседы с участниками боевых действий. Авторы книги ставили под сомнение справедли-

вость общенационального восторга по поводу израильских военных побед, рассказывая, какую цену обезчеловечивания и ожесточения пришлось заплатить за них тем, кто их добывал.

Разрыв дипломатических отношений еще более заострил враждебность тех сил внутри Израиля и среди евреев в западных странах, чей антисоветский настрой определялся эмиграционными ограничениями в отношении евреев в СССР. Возможно, сохранение дипломатических связей между двумя странами позволило бы притупить остроту этой проблемы, которая в 1970-е – 1980-е гг. стала одним из тормозов и в развитии советско-американских отношений.

- 1 Советско-израильские отношения. Т. 1. Книга 1. Док. № 83. С. 218.
- 2 Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. № 1. С. 10.
- 3 Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 2. Док. № 249. С. 42.
- 4 *Громыко А.А.* Памятное. М. Изд. политической литературы. 1990. С. 284.
- 5 Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 1. Док. № 74. С. 191.
- 6 Там же. Док. № 102. С. 265. Здесь и далее соблюдена орфография документа.
- 7 Там же. Док. № 80. С. 202.
- 8 Там же. Док. № 90. С. 242.
- 9 Там же. Док. № 84. С. 219.
- 10 *Krammer A.* The Forgotten Friendship: Israel and the Soviet Bloc, 1947–1953. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1974. P. 45; МАКИ (акроним Мифлага Коммунистич Исра-элит) – Коммунистическая партия Израиля, осн. в 1949 г.; МАПАМ (акроним Миф-лелет Поалим Меухедет) – Единая рабочая партия, осн. в 1948 г.; МАПАЙ (акроним Мифлелет Поалей Эрец Исраэль) – Рабочая партия Израиля, возникла в 1930 г.
- 11 Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 1. Док. № 100. С. 261.
- 12 США признали Израиль де-факто через несколько часов после обнародования Декларации независимости Государства Израиль 14 мая 1948 г.
- 13 *Ишув* – еврейская община в подмандатной Палестине.
- 14 М. Шертук (Шарет) в это время занимал должность директора политического департамента Правления Еврейского агентства для Палестины.
- 15 Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 1. Док. № 113. С. 287.
- 16 См., например: Ук. соч. *Golan G.*
- 17 *Ваксберг А.* Сталин против евреев. Секреты страшной эпохи. N.Y.: Liberty Publishing House, 1995. С. 262.
- 18 Там же. С. 262.
- 19 Там же. С. 278.
- 20 План Бернадотта, назначенного ООН посредником для Палестины, предусматривал изменение резолюции 181 (II) 1947 г. за счет пересмотра линий раздела Палестины в пользу арабов.
- 21 Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. № 21. С. 46–47.
- 22 США блокировали участие СССР в Комиссии ООН по Палестине; в июне 1948 г. СБ ООН отклонил предложение А. Громыко об участии советских представителей в аппарате наблюдателей ООН за прекращением огня в Иерусалиме; в том же году, по решению ГА ООН, советский представитель не был включен в Примирительную комиссию по Палестине.
- 23 Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 2. Док. № 259. С. 61.
- 24 Там же. Док. 314. С. 171.
- 25 Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. № 66. С. 120.
- 26 Там же. Док. № 69. С. 125.
- 27 Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 2. Док. № 442. С. 402.
- 28 Там же. Док. № 411. С. 353–354.
- 29 Там же. Док. № 475. С. 471.
- 30 Там же. Док. 159. С. 258.
- 31 Вопросы экономики. № 10. 1949. С. 84–87.
- 32 Резолюция отражала стремление США оказать военную поддержку южнокорейскому режиму в его борьбе против коммунистического правительства Северной Кореи, которое поддерживал Советский Союз.
- 33 *Бар-Зохар М.* Бен-Гурион. Биография. Кн. II. Библиотека Алия. 1989. С. 43.

- 34 Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. № 173. С. 284.
- 35 Там же. Док. № 183. С. 301.
- 36 Известия. 11.06.1955.
- 37 Странами народной демократии называли государства Восточной Европы с советскими режимами.
- 38 Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 37. С. 90.
- 39 Ук. соч. *Морозов Б.* С. 17.
- 40 Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 37. С. 92.
- 41 *Кедми Я.* Милхамот Авудот. (Потерянные войны). Тель-Авив: Матар, 2011. С. 186.
- 42 Ук. соч. *Гоерин Й.* С. 64.
- 43 Там же. С. 121.
- 44 Под этим кодовым словом в советское время подразумевался ЦК КПСС.
- 45 См. об этом подробнее: *Локишин А.Е.* Помнить или забыть? Отношение к Холокосту советского режима и общества // Помнить о прошлом ради будущего: Еврейская идентичность и коллективная память. Отв. ред. Карасова Т.А., Носенко-Штейн Е.Э. М.: ИВ РАН, 2014.
- 46 Ук. соч. *Васильев А.* С. 248.
- 47 *Усова Е.Ю.* Советский взгляд на Израиль сквозь призму официальной идеологии и атмосферы «холодной войны» (конец 1940-х – 1950-е гг.) // Российско-израильские отношения. История и современность. М.: ИВ РАН, 2012. С. 50.
- 48 РГАНИ. Фонд 5, опись № 59, дело 50.
- 49 Правда. 15.02.1956.
- 50 Хрущев Н.С. – Первый секретарь ЦК КПСС с сентября 1953 г. по октябрь 1964 г., Председатель Совета министров СССР с марта 1958 г. по октябрь 1964 г.
- 51 Ор. cit. *Ro'i Y.* P. 117.
- 52 См., например: *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 74-75; *Громыко А.* Памятное. С. 263–268.
- 53 Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 106. С. 262; Док. № 108. С. 267.
- 54 Архив внешней политики РФ. Ф. 089, оп. 8, п. 20, д. 10, лл. 15–16.
- 55 Д.Т. Шепилов являлся министром иностранных дел СССР с июня 1956 г. по июнь 1957 г.
- 56 Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. № 220. С. 367.
- 57 Там же. Док. № 159. С. 259.
- 58 *Виноградов В.* Египет: смутная пора. Записки посла СССР // Знамя. 1988. Декабрь. № 12. С. 171.
- 59 Ук. соч. *Гоерин Й.* С. 108.
- 60 См., например: *Примаков Е.* Анатомия ближневосточного конфликта. М.: Мысль, 1978.
- 61 Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 32. С. 74.
- 62 Там же. Док. № 167. С. 273.
- 63 Там же. Док. № 85. С. 216.
- 64 Речь Н.С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР 29 декабря 1955 г. Цит. по: *Гоерин Й.* С. 88.
- 65 *Примаков Е.* Анатомия ближневосточного конфликта. С. 93, 101.
- 66 Операция «Сусанна» – попытка израильских агентов организовать ряд взрывов в Каире и Александрии, с тем чтобы затормозить эвакуацию английских войск из Египта и спровоцировать антиегипетские настроения в США.
- 67 *Harkabi Y.* Arab Attitudes to Israel. Jerusalem: Keter Publishing House, 1976. P. 67.

- ⁶⁸ *Dayan M.* Story of my Life. An Autobiography. N.Y.: Warner Books, 1976. P. 251.
- ⁶⁹ *Tessler M.* A History of the Israeli-Palestinian Conflict. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1994. P. 803, fn. 48, 49.
- ⁷⁰ Op. cit. *Tessler M.* P. 352.
- ⁷¹ Ближневосточный конфликт. Т. 1 Док. № 220. С. 366.
- ⁷² Op. cit. *Dayan M.* P. 224.
- ⁷³ Ук. соч. *Зак М.* С. 28.
- ⁷⁴ Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 89. С. 223.
- ⁷⁵ СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 261.
- ⁷⁶ Op. cit. *Dayan M.* P. 317.
- ⁷⁷ *Heikal M. Nasser.* The Cairo Documents. L.: New English Library, 1972. P. 118.
- ⁷⁸ Op. cit. *Golan G.* P. 52.
- ⁷⁹ *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006, С. 409.
- ⁸⁰ Ближневосточный конфликт. Т.2. Док. № 201, С. 449.
- ⁸¹ Там же. Док. № 201, С. 449.
- ⁸² Ук. соч. *Говрин Й.* С. 113–115.
- ⁸³ Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 170. С. 393–394.
- ⁸⁴ Там же. Док. № 170. С. 393 и Док. № 177. С. 406.
- ⁸⁵ Там же. Док. № 201. С. 450–451.
- ⁸⁶ Там же. Док. № 220. С. 497–499.
- ⁸⁷ Там же. Док. № 220. С. 498.
- ⁸⁸ Там же. Док. № 231. С. 518.
- ⁸⁹ Там же. Док. 230. С. 517.
- ⁹⁰ *Чувакин Д.* Израиль накануне разрыва дипломатических отношений с СССР в 1967 г. // Международная жизнь. 1994. № 9. С. 128.
- ⁹¹ Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 219. С. 491.
- ⁹² Ук. соч. *Добрынин А. С.* 145.
- ⁹³ Внешняя политика Советского Союза. Сборник документов. 1966. М.: Международные отношения, 1967. С. 86
- ⁹⁴ *Mearsheimer J. and Walt S.* The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2007. P. 25
- ⁹⁵ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. L.: Penguin Books, 2003. P. 27.
- ⁹⁶ Op. cit. *Oren M.* P. 26.
- ⁹⁷ Ук. соч. *Говрин Й.* С. 295
- ⁹⁸ Op. cit. *Dagan A.* P. 181.
- ⁹⁹ Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 237. С. 526.
- ¹⁰⁰ См., например, телеграмму посла СССР в Сирии о беседе с министром иностранных дел Махусом: Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 223. С. 504.
- ¹⁰¹ Из совместного Советско-сирийского коммюнике от 26 апреля 1966 г.: Внешняя политика Советского Союза: сб. док. С. 84.
- ¹⁰² Op. cit. *Oren M.* P. 28.
- ¹⁰³ Ук. соч. *Васильев А.* С. 75.
- ¹⁰⁴ Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 223. С. 503.
- ¹⁰⁵ Там же. Док. № 234. С. 521.
- ¹⁰⁶ Op. cit. *Oren M.* P. 27.

- 107 Op. cit. *Oren M.* P. 30.
- 108 The General Staff Deliberations, January 1966 // Haaretz. 01.06.2007.
- 109 Op. cit. *Dagan A.* P. 186.
- 110 Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 237. С. 526.
- 111 *Segev T.* 1967 Israel, the War and the Year that Transformed the Middle East. L.: Abacus, 2007. P. 243.
- 112 Op. cit. *Segev T.* P. 243.
- 113 Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 227. С. 510.
- 114 См. документ, цитируемый в сноске 103.
- 115 Op. cit. *Oren M.* P. 34.
- 116 Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 240. С. 532.
- 117 Haaretz. 03.06.2013; The Jerusalem Post. 09.06.2013.
- 118 *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 118.
- 119 Op. cit. *Oren M.* P. 54.
- 120 Op. cit. *Oren M.* P. 54.
- 121 Op. cit. *Dayan M.* P. 366.
- 122 *El-Sadat Anwar.* In Search of Identity. An Autobiography. Glasgow: William Collins Sons & Co Ltd, 1978. P. 209.
- 123 Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 237. С. 506.
- 124 Там же. Док. № 249 С. 554
- 125 Jerusalem Post. 08. 05.1967.
- 126 Al-Ahram. 26 May 1967 // The Israel-Arab Reader. A Documentary History of the Middle East conflict ed. by Laqueur W. and Rubin B. L.: Penguin Books, 2008. P. 100.
- 127 *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 119.
- 128 *Oren M.* P. 117–118.
- 129 Op. cit. *Golan G.* P. 65.
- 130 Ближний Восток: командировка на войну. С. 178.
- 131 *Segev T.* P. 233.
- 132 АВП РФ. Ф. 087, о. 30, п. 81, д. 6, л. 178–182. Запись беседы посла СССР Д.П. Пожидаева с президентом ОАР Г.А. Насером; *Oren M.* P. 119–120.
- 133 Egyptian President Gamal Abdel Nasser: Speech to Arab Trade Unionists (May 26, 1967) // The Israel-Arab Reader. P. 99
- 134 *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 117.
- 135 *Oren M.* P. 299.
- 136 Ук. соч. *Чувахин Д.* С. 124–135.
- 137 Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 252. С. 560–561.
- 138 АВП РФ. Ф. 089. Оп. 20. П. 32 Д. 2. Л. 7.
- 139 *Попов М.П.* Тридцать семь лет на Ближнем Востоке. Записки дипломата. М.: МГИМО (У) 2002. С. 106.
- 140 РГАНИ. Фонд 5, опись 56. Дело № 2/9-3882, лист 70–71, 73.
- 141 *Говрин Й.* Йахасей израэл брит хамоаот меэт хидушам бишнат 1953 ад нитукам бишнат 1967 (Отношения Израиль СССР после их возобновления в 1953 г. до их разрыва в 1967 г.) Иерусалим: Магнес, 1990. С. 266.
- 142 Ук. соч. *Васильев А.* С. 82–83.
- 143 Op. cit. *Oren M.* P. 296.
- 144 Op. cit. *Golan G.* P. 64.
- 145 Ук. соч. *Чувахин Д.* С. 134.
- 146 Из беседы Семенченко Н.А. с Галили Й. в Тель-Авиве 08.04.2011.

- ¹⁴⁷ Гаарец (иврит), 05.06.1992.
- ¹⁴⁸ Едиот Ахронот (иврит), 21.07. 1985.
- ¹⁴⁹ Ук. соч. *Добрынин А.* С. 146.
- ¹⁵⁰ Ук. соч. *Дауров Р.Д.* С. 184.
- ¹⁵¹ Ук. соч. *Тюерин Й.* Йахасей исраэл брит хамоацот С. 267.
- ¹⁵² Op. cit. *Dagan A.* P. 243.
- ¹⁵³ Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 269. С. 587.
- ¹⁵⁴ Интересы Советского Союза в Израиле представляла Финляндия, а интересы Израиля в СССР – Голландия.
- ¹⁵⁵ На английском языке сборник был издан в сокращенном варианте в 1971 г. под названием: *The Seventh Day: Soldiers Talk About the Six-Day War.* N.Y.: Scribner's, 1971.

ГЛАВА 2

Советско-израильские отношения в 1967–1985 гг.

Разрыв дипломатических отношений с Израилем на много лет преврал нормальные связи между двумя странами. В 1970-х – 1980-х гг. конфликтная ситуация на Ближнем Востоке, в которой Советский Союз неизменно поддерживал арабскую сторону, не раз приводила к резким, порой угрожающим заявлениям в адрес Израиля, к наращиванию военной помощи арабам.

Однако обоюдные интересы сторон требовали восстановления прямых контактов хотя бы в минимальном объеме и по ограниченному, часто негласным или мало афишируемым каналам. Эти контакты не были постоянными, проходили с перерывами, а порой эпизодично. И Советский Союз, и Израиль были заинтересованы в получении непосредственной информации о позиции другой стороны по вопросам ближневосточного урегулирования. Израильское руководство не оставляло попыток оказывать на Советский Союз давление в вопросах положения евреев внутри страны и их права на эмиграцию. Советский Союз не прерывал связей с израильскими коммунистами и левой общественностью, делегации которых принимались в Москве. В Израиль периодически направлялись небольшие советские делегации, в основном в связи с празднованием Дня победы. Развитие этих связей происходило в рамках внешнеполитического курса каждой страны и было обусловлено определенными сдвигами как в региональной обстановке, так и на международном уровне.

2.1. Советско-израильские отношения между 1967 г. и 1973 г.

Конец 1960-х – начало 1970-х годов – время серьезных испытаний для советской ближневосточной политики. В результате сокрушительного поражения арабов в «шестидневной войне» позиции

режима Г. Насера – главной опоры советского влияния в регионе – оказались сильно подорванными. Попытки арабских руководителей реабилитировать себя в глазах собственных народов посредством военных действий малой интенсивности против Израиля, с одной стороны, а с другой стороны, стремление Израиля сковать военную активность египетского режима и заставить его смириться с новой ситуацией привели к перманентным обменам артиллерийскими ударами с обеих сторон в зоне Суэцкого канала, к осуществлению израильскими ВВС военно-воздушных рейдов вглубь территории Египта. В этой позиционной войне, названной в исторической литературе «войной на истощение» (март 1969 г. – август 1970 г.)¹, Египет проигрывал, и это особенно обостряло политическую обстановку в стране. В январе 1970 г. Г. Насер тайно прибыл в СССР и обратился к советскому руководству с просьбой о посылке регулярных советских частей противовоздушной обороны и авиации в Египет.

Хотя ранее советские летчики принимали участие в военных действиях в Корее и Йемене, но регулярные военные подразделения никогда не направлялись ни в одну из стран за пределами Варшавского договора. Решение об отправке советского контингента в Египет принималось на самом высоком уровне – на заседании Политбюро ЦК КПСС вместе с командованием советских вооруженных сил². Этот шаг свидетельствовал о том, что, несмотря на все риски вовлеченности в прямые военные действия, советское руководство считало первостепенной задачей обеспечение выживания насеровского режима. Беспрепятственно совершавшиеся израильские глубинные бомбардировки³ имели явной целью дискредитацию и ослабление правительства Насера, и сам египетский лидер указывал на ненадежность своего положения в случае их продолжения. На кону оказался и престиж советской державы в противостоянии с США, оснастившими израильские ВВС современными самолетами «Фантом», поставки которых, правда, были приостановлены, когда возросла угроза прямого советского военного вмешательства. Сыграли свою роль и далекоидущие стратегические интересы Советского Союза, стремившегося завоевать доверие арабов для укрепления своих военно-морских позиций в районе Средиземноморья.

Если к концу 1967 г. в Египте, по западным оценкам, находилось около 4 тыс. советских военных советников⁴, то в ходе операции «Кавказ», как называли в советских штабах участие в боевых действиях на Ближнем Востоке, в Египет было переброшено, по сведе-

ниям из разных источников, от 17 тыс. до 20 тыс. советских военных⁵. В этой арабской стране было размещено 18 батарей противовоздушных ракет САМ-3, 80 истребителей МИГ-21 и МИГ-23, другая военная техника⁶. Хотя советские войска принимали участие в сухопутных боях в зоне Суэцкого канала, отражали с помощью средств ПВО и ВВС израильские воздушные атаки, несли немалые потери личного состава, но в советских средствах информации тех лет нет упоминаний об этой самой настоящей войне. Более того, в официальных заявлениях советское правительство называло распространяющуюся на Западе информацию о размещении в зоне Суэцкого канала зенитных ракетных установок с советским обслуживающим персоналом антисоветскими инсинуациями и фальшивкой⁷. Участие советских войск в боевых действиях за рубежом не вписывалось в доктрину борьбы за мир, которая провозглашалась магистральной линией советской внешней политики. Поэтому полностью блокировалась любая информация о так называемых советских добровольцах на Ближнем Востоке, не говоря уже о тех материальных затратах, которые шли на помощь «братским» арабским народам. Мало известно об этой ближневосточной войне и сегодня, хотя участники тех событий стремятся донести до современников историческую правду, публикуя свои дневники и воспоминания⁸.

Современные отечественные авторы в основном сходятся в оценках принятого советским руководством решения об оказании помощи Египту и действий советских боевых частей там, считая, что «советские военные успешно справились с возложенной задачей и делом поддержали дружественную страну в трудное для нее время... они защищали национальные интересы своей родины, авторитет и возможности которой простирались далеко за ее пределы»⁹. Многие указывают на то, что именно благодаря высокой боеспособности советских частей и хорошему качеству военной техники на египетско-израильском фронте создалась патовая ситуация, подтолкнувшая стороны к прекращению огня 7 августа 1970 г. Критике подвергается только чрезмерная секретность вокруг операции «Кавказ», сокрытие от советской общественности ее целей и задач, следствием чего стала неценность героизма ее участников¹⁰.

По-видимому, решение об оказании Египту масштабной, сопряженной с большими рисками военной помощи можно рассматривать как вынужденный шаг. Египет явно проигрывал Израилю, демонстрируя беспомощность и некомпетентность в отражении израиль-

ских атак, что могло поставить его на грань катастрофы. Советское военное вмешательство предотвратило еще одно его военное унижение. Для израильтян столкновения с русскими были крайне нежелательны. М. Даян рассказывает в своих мемуарах, что израильская сторона старалась не афишировать даже свои победы над русскими летчиками¹¹. Меир также подтверждала нежелание Израиля воевать с русскими¹². Это, конечно, играло сдерживающую роль в развитии военных действий.

Однако дружелюбность египтян в отношении Советского Союза и надежды на ее укрепление благодаря оказанной Египту поддержке были явно преувеличены. Через пару лет для сменившего Г. Насера А. Садата советское военное присутствие, вызывавшее недовольство среди некоторой части военных и населения, препятствовавшее взятому им курсу на сближение с США, оказалось опасным бременем, от которого он поспешил избавиться. О ненадежности арабских «союзников» свидетельствуют и участники военных действий: «Мы знали, что все, известное арабам, порой сразу же становится известным и израильтянам... Как ни прискорбно говорить, но многие наши потери были на совести тех, кого мы прибыли защищать»¹³. Печально, что дело, ради которого советские люди готовы были жертвовать собой, оказалось, в конечном счете, проигранным, в том числе и из-за просчетов творцов советской внешней политики.

В то же время, противостояние в ходе «войны на истощение» как ничто другое влекло за собою усиление враждебного настроения в отношении Израиля не только на уровне государственной пропаганды, но среди тех, кто ежедневно в египетских песках под палящим солнцем ожидал налетов израильской авиации, вступал в воздушные бои с израильскими летчиками. Для советских военных Израиль стал изощренным, коварным и часто непредсказуемым противником. Подобные же чувства враждебности формировались и у противоположной стороны, и это на долгие годы отравило советско-израильские отношения.

С приходом к власти А. Садата после неожиданной смерти Г. Насера в конце сентября 1970 г. ситуация в Египте стала постепенно меняться не в пользу Советского Союза. Об этих грядущих изменениях специалисты по Ближнему Востоку предупреждали советское руководство осенью 1970 г. Так, например, известный арабист А.З. Егорин, работавший тогда в Каире, рассказывает в своих воспоминаниях о том, что непосредственно после смерти Насера он вместе

с сотрудником советского посольства подготовил записку в Политбюро ЦК КПСС, в которой указывалось, что основной тенденцией постнасеровского Египта станет, видимо, укрепление сотрудничества с Западом вместо конфронтации с ним. В связи с этим они считали, что советское военное присутствие себя изжило и что «могут найтись силы, которые используют наше присутствие против нас»¹⁴.

О том, что в Египте наблюдается сдвиг вправо, усиливаются гонения против ближайшего окружения Насера и проводится курс на ликвидацию насеровского наследия в целом, писал в своих закрытых материалах летом 1971 г. и Е.М. Примаков¹⁵. Он критически оценивал заключенный в мае 1971 г., беспрецедентный для советских отношений с развивающимися странами Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и ОАР¹⁶, считая, что «он не может быть панацеей от невыгодных, противоречащих интересам СССР сдвигов во внутреннем положении Египта и перемен в его внешнеполитической ориентации»¹⁷. Однако такие оценки вызывали лишь раздражение в высших кругах советской и партийной элиты.

Принятое через год в июне 1972 г. решение А. Садата отказаться от услуг советских военных в Египте было в некотором роде неожиданностью даже для советского посла В. Виноградова. Как он писал позже в своих мемуарах, это решение ослабляло Египет и в политическом, и в военном плане. Объяснить его можно было лишь тем, что у Садата были особые планы в отношении США, и прекращение советского военного присутствия являлось сигналом американцам, платой за усиление их роли в поисках урегулирования ближневосточного конфликта¹⁸.

Еще на протяжении ряда лет сохранялась зависимость Египта от СССР в военной области и своими успехами в октябрьской войне 1973 г. египетская армия была во многом обязана советскому оружию и военной подготовке, обеспеченной советскими инструкторами. Однако свертывание военного присутствия стало, по-видимому, важной вехой, обозначившей начало заката советского влияния в ведущей арабской стране. Если с 1950-х годов Советский Союз неуклонно наращивал свои позиции на Ближнем Востоке и во многих случаях обыгрывал Соединенные Штаты в борьбе за арабский мир, то антисоветский разворот Садата открывал двери для более активного проникновения США в ближневосточные дела. При этом, как указывал Е.М. Примаков в своей записке от 28 июля 1971 г., в арабских странах наблюдалась «тенденция, причем расширяющаяся,

рассматривать США в виде решающего фактора, который может сыграть свою роль в деле урегулирования ближневосточного конфликта»¹⁹.

Это не замедлило проявиться в подходе США к проблемам ближневосточного урегулирования. Непосредственно после июньской войны 1967 г. принципиальные позиции по ближневосточному урегулированию разрабатывались коллективными усилиями в рамках СБ ООН, что привело в конечном итоге к принятию резолюции № 242 в ноябре 1967 г. В ней не содержалось определенного плана достижения мира между арабами и Израилем, но закреплялись принципы, на которых должно строиться урегулирование: освобождение Израилем территорий, оккупированных в ходе военного конфликта, и недопустимость приобретения территорий военным путем; прекращение состояния войны и признание права всех государств региона на суверенитет, территориальную целостность и политическую независимость; признавалась необходимость гарантий свободы навигации по международным водным путям и необходимость решения проблемы палестинских беженцев²⁰. С приходом в Белый Дом Р. Никсона в конце 1968 г. стала развиваться тенденция выдвижения американцами единоличных, самостоятельных инициатив по урегулированию конфликта, не согласованных с другими членами международного сообщества. Это проявилось уже в трех планах американского госсекретаря У. Роджерса, последовательно выдвигавшихся в декабре 1969 г., в июне 1970 г. и в октябре 1971 г. Причем в американских инициативах прослеживался постепенный отход от принципа всеобъемлющего урегулирования, предполагавшего единовременное установление мира между Израилем и всеми его арабскими соседями при условии вывода израильских войск с захваченных в 1967 г. арабских территорий. После того, как контроль над ближневосточной дипломатией в конце 1971 г. перешел в руки Г. Киссинджера, являвшегося тогда помощником президента по национальной безопасности, Соединенные Штаты по согласованию с Израилем окончательно избрали тактику поисков сепаратных соглашений, в первую очередь с Египтом.

Для СССР это было неприемлемым подходом, значительно сокращавшим возможности его участия в этом процессе. Советское руководство всегда рассматривало ближневосточное урегулирование как одну из важнейших сфер сотрудничества с США. По утверждению посла А. Добрынина, в 1970 г. «вопросы ближневосточного

урегулирования довольно активно стояли в повестке дня советско-американских отношений»²¹. По его словам, в ходе встреч с заместителем госсекретаря Дж. Сиско в марте-апреле 1970 г. удалось согласовать около десяти разных статей. Этой негласной, но результативной работе американской и советской дипломатии, однако был положен конец из-за сопротивления правительства Израиля, которое считало, что Египет использует советско-американский диалог для прикрытия своих военных планов²². Тем не менее, в годы разрядки вопрос о Ближнем Востоке неизменно стоял в повестке дня встреч на высшем уровне советских и американских руководителей, являлся одним из главных направлений деятельности советского посольства в Вашингтоне. Однако американская сторона выбрала тактику втягивания Советского Союза в долгие, неопределенные переговоры, в то время как реальная политика была направлена на закрепление за Соединенными Штатами единоличной посреднической роли в миротворческих усилиях на Ближнем Востоке.

Со своей стороны Москва по-прежнему видела в США основного соперника на международной арене. В записке о состоянии советско-американских отношений, представленной в Политбюро в начале 1971 г. Громыко и Андроповым²³, говорилось что «агрессивные действия США в Индокитае, поддержка израильской агрессии и другие враждебные СССР акции определяли состояние современной международной обстановки и являлись главным источником трений в советско-американских отношениях»²⁴. Авторы записки среди основных задач советской политики в отношении США считали необходимым «добиваться, не афишируя этого публично, ослабления роли США в международных делах, в том числе в военно-политических союзах Запада и в стратегических районах мира (в Европе, на Ближнем Востоке, в Азии)...»²⁵.

Исходя из этих установок, необходимо было искать способы противостояния США, утверждать собственные пошатнувшиеся позиции на Ближнем Востоке. Одной из сфер, в которой СССР стал проявлять повышенную активность после июньской войны 1967 г., являлось ближневосточное урегулирование. В этой связи представляются небоснованными и тенденциозными часто встречающиеся в западных и израильских исследованиях обвинения в том, что «для Москвы содержание урегулирования... было гораздо менее значимым, чем сам факт советского участия в мирном процессе»²⁶. Советские эксперты, идеологи из ЦК КПСС, дипломаты, действительно,

стремились найти такие развязки конфликтной ситуации на Ближнем Востоке, которые были бы приемлемы для арабов и обеспечивали бы безопасность и интересы Израиля.

Советский Союз в разных формах предпринимал усилия по сдерживанию арабского негативизма в отношении Израиля. После «шестидневной войны» советские руководители предупреждали Насера, что СССР будет поддерживать его усилия по возвращению утраченных территорий дипломатическими средствами, но Египет должен раз и навсегда отказаться от силового решения конфликта в Палестине²⁷. Как свидетельствуют документы, высокопоставленные советские дипломаты не раз указывали, в частности, в беседах с Насером, что Советский Союз не может поддерживать «пропагандируемую в арабских странах концепцию о необходимости уничтожения Израиля как государства» и предлагали египетскому президенту отмежеваться от подобных воззрений²⁸. Арабское неприятие еврейского государства, созданного на территории Палестины, рассматривалось как проявление экстремизма. А.А. Громыко, например, рассказывая в своих мемуарах о встречах с египетским министром иностранных дел М. Фавзи, писал, что «его часто заносило в сторону экстремизма, отрицания вообще права Израиля на существование»²⁹.

Эти же ноты по сдерживанию арабской враждебности в отношении Израиля звучали и на уровне контактов высших партийных руководителей с представителями арабских компартий. В мае 1971 г. во время переговоров делегации сирийской компартии с М. Сусловым и Б. Пономаревым³⁰ партийные идеологи настоятельно советовали сирийским коммунистам не включать в программу партии пункт о ликвидации Израиля, поскольку «это лозунг, неверный с тактической точки зрения и по принципиальным соображениям. Этот лозунг нельзя претворить в жизнь, и он не встретит поддержки в мире»³¹. В поисках компромиссных решений конфликта советская дипломатия призывала арабов согласиться с формулировкой «о признании Израиля как существующего государства»³². Конечно, это не отменяло резкого антиизраильского тона в советской пропаганде, подыгрывания арабским странам в осуждении агрессивной сущности сионизма, но при этом никогда не подвергалось сомнению право Израиля на существование.

Эта позиция, требовавшая прекращения состояния войны и уважения и признания суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в данном регио-

не, являлась неотъемлемой частью советских инициатив по урегулированию ближневосточного конфликта. В 1968 г. Советский Союз выступил с Планом поэтапного выполнения резолюции 242 Совета Безопасности ООН³³, который затем в расширенном виде был представлен в Основных положениях по урегулированию ближневосточного конфликта, внесенных на рассмотрение участников четырехсторонних консультаций по Ближнему Востоку – СССР, США, Англии и Франции – в июне 1969 г.³⁴. Главным и существенным в этих планах, согласованных с арабской стороной, являлось положение о том, что выполнение всех пунктов резолюции 242 должно быть увязано с выводом израильских войск с арабских территорий, захваченных в 1967 г. Вторым важным для советской стороны принципом являлось максимальное усиление роли ООН как в контроле за выполнением принятых решений, так и в гарантиях арабо-израильских границ. Именно поэтому в советской позиции особый упор делался на посреднической миссии посла Г. Ярринга как уполномоченного СБ ООН в противовес американско-израильской концепции прямых переговоров.

Через много лет один из участников конфиденциальных советско-американских переговоров по Ближнему Востоку Е.Д. Пырлин критически отзывался о советской позиции тех времен. «Нормальная логика говорила, безусловно, в пользу прямых переговоров. Но слишком свежими и болезненными были для арабов воспоминания о недавнем военном поражении в “шестидневной войне”, слишком велика была степень “египтоцентризма” в нашем подходе ко всем аспектам урегулирования, чтобы можно было легко поломать устоявшийся и, скажем откровенно, мешавший делу стереотип о нежелательности прямых арабо-израильских переговоров»³⁵. Тогда советская сторона исходила из того, что в прямых переговорах слишком большая роль будет принадлежать американцам, которые будут навязывать арабским странам условия мира, выгодные Израилю.

Советский план был отвергнут Соединенными Штатами, которые не собирались оказывать давление на Израиль в вопросе о выводе войск до тех пор, пока арабы не продемонстрируют готовность вести с Израилем диалог об установлении мира и не признают его права на существование как национального образования. Далека от советской позиции была и официальная точка зрения израильского правительства. Г. Меир, ставшая в 1969 г. премьер-министром Израиля, была категорическим противником любого решения по Ближнему Востоку.

ку, которое будет навязано извне. В своих воспоминаниях она писала, что считала совершенно неприемлемой идею о том, что «русские, американцы, французы и британцы, сидя где-нибудь в уютном месте, разработают «подходящий» компромисс для арабов и для нас»³⁶. Израильтяне настаивали на прямых переговорах с арабами, которые привели бы к заключению формальных мирных соглашений.

В поисках ответа на возрастающую роль Соединенных Штатов в ближневосточном регионе, а также в закреплении своих позиций в ближневосточном урегулировании Советскому Союзу сильно мешало отсутствие прямых контактов с Израилем. Из израильских источников известно о предпринимаемых советскими и израильскими дипломатами попытках в конце 1960-х – начале 1970-х гг. установить такие контакты «на полях» работы органов ООН, а также между послами двух стран в Вашингтоне. Так, замминистра иностранных дел В. Семенов, встречаясь в конце 1968 г. с посланником Израиля в ООН Й. Текоа, пытался убедить его в том, что Советский Союз готов проявлять большую гибкость в отношении формулировок резолюции 242. Но реакция Текоа была жесткой: «Сначала СССР должен возобновить отношения с Израилем, до того, как Израиль будет обсуждать какие-либо советские предложения»³⁷.

В Вашингтоне посол Добрынин предпринимал шаги для поддержания контактов с израильскими представителями. Но поскольку израильское правительство не видело каких-либо изменений в советской позиции, его послы проявляли мало интереса к таким встречам. В то же время, когда случайные обстоятельства сталкивали представителей СССР и Израиля, они не избегали чисто человеческого общения. В феврале 1971 г., выходя из задания сената на Капитолийском холме, Добрынин и Рабин оказались рядом, ожидая прекращения дождя. Их незапланированная беседа продолжалась более 20 минут³⁸.

Для получения информации об Израиле советская сторона использовала любые, самые нетривиальные способы. В Израиль наезжал, например, Виктор Луи – личность одиозная, об интригующихся деталях карьеры которого до сих пор мало что известно. Официально он являлся московским корреспондентом английской газеты «Ивнинг стар», но, по-видимому, был тесно связан с КГБ и исполнял роль секретного агента во время поездок за границу. Так, например, в июне 1971 г. он оказался в Израиле. Его миссия, в интерпретации западных наблюдателей, должна была выглядеть как

зондаж возможностей восстановления отношений с Израилем, что в свою очередь должно было стать средством давления на Садата, выходявшего из-под контроля СССР³⁹.

У Советского Союза и у Израиля сохранялась заинтересованность в получении информации «из первых рук» о позиции по тем или иным вопросам. Это подталкивало стороны к установлению негласных контактов в расчете на то, что постепенно они могут передвинуться на официальный уровень и привести к возобновлению нормальных отношений. К установлению прямых советско-израильских контактов, как пишет Е.М. Примаков⁴⁰, подталкивал и новый президент Египта А. Садат, считавший, по-видимому, что это будет способствовать продвижению арабской позиции. В своей книге Евгений Максимович, будучи непосредственным участником событий, подробно описал весь процесс установления первого секретного прямого канала связи с израильским руководством⁴¹. Решение по этому поводу принималось на заседании Политбюро ЦК КПСС (5 августа 1971 г.), т. е. установление контактов с Израилем рассматривалось как важная внешнеполитическая акция. Повышенная секретность, которую обе стороны тщательно соблюдали в этом диалоге, кажется сегодня преувеличенной. В отечественных публикациях вплоть до выхода книги Примакова в 2006 г. о секретных контактах с Израилем в 1970-х гг. практически не упоминалось. Правда, они были довольно подробно описаны в книге известного израильского журналиста М. Зака «Сорок лет диалога с Москвой», вышедшей на иврите в Тель-Авиве в 1988 г. Однако даже и этот хорошо осведомленный автор не знал о самом первом, глубоко законспирированном посещении Примаковым Израиля в конце августа 1971 г. и его встречах с Г. Меир, А. Эбаном и М. Даяном.

Закрытый характер этих встреч объяснялся общим курсом советской ближневосточной политики. В тот период, когда Советский Союз официально выступал на стороне «жертв агрессии» – арабских стран, противостоявших «преступному израильскому агрессору», когда сохранялся в силе принцип трех «нет», закрепленный в Хартумской Декларации арабских стран (август 1967 г.)⁴², любые контакты с Израилем рассматривались бы арабами как предательство со стороны СССР. Такой маневр трудно было бы объяснить и советской общественности, приученной клеймить «империалистическое по природе его внешней политики государство Израиль как орудие на службе неокOLONиализма»⁴³.

Для Израиля на том этапе «втягивание» Советского Союза в процесс урегулирования было желательной целью. Г. Меир сетовала в своих воспоминаниях, что ей так и не удалось убедить госсекретаря Роджерса в необходимости «привлечь русских к ближневосточному урегулированию», хотя она очень стремилась добиться этого⁴⁴. Израильское руководство отдавало себе отчет в том, что достигнутый СССР уровень влияния в соседних с Израилем арабских странах можно было бы использовать в переговорах с ними. В то же время, израильтяне, видимо, тоже не стремились афишировать контакты с советскими представителями: слишком много негативных эмоций накопилось в стране и от советской антиизраильской пропаганды и от советской политики в отношении еврейского населения. А главное, Советский Союз, вооруживший арабов, пославший своих солдат воевать против молодого еврейского государства, воспринимался в Израиле как один из основных виновников затяжного конфликта. Даже в израильском руководстве были те, кто высказывался против секретных встреч с «гостем» и вообще против дипотношений с Советским Союзом⁴⁵.

До октябрьской войны 1973 г. состоялось три секретных встречи Е.М. Примакова с высшим руководством и другими представителями Израиля – в августе 1971 г. в Тель-Авиве, в октябре 1971 г. в Вене и в марте 1973 г. также в Вене. Предложения, с которыми советский представитель приезжал на эти встречи, наглядно свидетельствовали о развитии советской позиции по вопросам урегулирования конфликта, о переоценке предыдущих подходов под влиянием новых факторов в региональных отношениях, а также в связи с начинающимся процессом разрядки в советско-американских отношениях.

Важной подвижкой в пользу Израиля стал постепенный отход Москвы от определения его границ в соответствии с резолюцией ООН от 1947 г., проявившийся сначала в ряде публикаций в ведущих советских газетах и журналах в 1970 г. Уже при первой встрече с израильским руководством Примаков указывал, что претворение в жизнь резолюции 242 СБ ООН предполагает резкое расширение границ Израиля по сравнению с теми, в которых было, по решению ООН, создано это государство⁴⁶. В начале осени 1971 г. СССР выступил с планом политического урегулирования ближневосточного кризиса. Он предполагал двухэтапный вывод израильских войск с оккупированных в 1967 г. территорий и объявление о прекращении войны и установлении мира уже после первого этапа, что также

представляло собой развитие советской позиции в пользу компромиссного решения. Концепция двухэтапного ухода Израиля с арабских территорий находила в тот период поддержку и у Киссинджера, который в соперничестве с госсекретарем Роджерсом стремился перевести в «свой» канал не только ближневосточные дела, но и всю проблематику советско-американских отношений. В конце сентября 1971 г. Киссинджер специально встретился с находившимся в США на сессии Генассамблеи ООН Громыко, чтобы обсудить возможности осуществления первой стадии ближневосточного урегулирования до президентских выборов в США в ноябре 1972 г., а второй – вскоре после выборов⁴⁷. Он же сообщил о выдвинутой советской инициативе израильскому послу в Вашингтоне И. Рабину⁴⁸. Это усиливало интерес израильского руководства к встречам с Примаковым, проводившимся по секретному каналу.

Одной из козырных карт в ходе переговоров с Израилем советское руководство считало, как пишет Е. Примаков, предложение о мерах по обеспечению международных гарантий безопасности границ Израиля и свободы судоходства по всем морским путям этого района. Советские предложения базировались на использовании механизма ООН⁴⁹. Однако Израиль, по опыту предыдущих десятилетий не доверявший международному сообществу в обеспечении своей безопасности и рассчитывавший сохранить послевоенный статус кво на длительную перспективу, не проявил интереса к этим предложениям. Давая инструкции своим представителям на переговорах с русскими, Меир говорила: «Главная цель встречи – хорошо объяснить ему (Примакову – *Н.С.*), чего мы хотим и чего мы не хотим. Втолковать ему, что мы хотим мира, но не на любых условиях»⁵⁰.

Не способствовали развитию диалога с Израилем и происходившие с конца 1960-х гг. подвижки в советской позиции в отношении палестинских арабов. Ближневосточный конфликт по-прежнему рассматривался как межгосударственный, но прежний взгляд на палестинскую проблему как проблему обеспечения прав беженцев стал постепенно трансформироваться в требование обеспечения законных прав палестинского народа. Одним из первых свидетельств этих изменений стало, пожалуй, упоминание в совместном советско-египетском коммюнике от июля 1968 г. о том, что «упрочение мира в районе Ближнего Востока должно быть основано на уважении законных прав арабских народов, в том числе арабского населения Палестины»⁵¹. Этот документ был составлен по итогам визита Г. На-

сера, который впервые и негласно привез тогда в Москву в составе египетской делегации Я. Арафата.

Палестинское движение сопротивления в это время набирало силу. ФАТХ продемонстрировал свои боевые возможности в сражении с израильской армией у деревни Караме на Восточном берегу р. Иордан (март 1968 г.), которое впоследствии стало символом палестинской стойкости. События в Иордании в 1970 г. хоть и закончились изгнанием вооруженных отрядов палестинцев с ее территории, привлекли внимание международного сообщества к палестинской проблеме и по-новому высветили предъявлявшиеся палестинцами требования реализации их прав. Советское руководство осознавало, что палестинская проблема становится частью ближневосточного урегулирования и требует особого внимания.

В зарубежной и отечественной литературе отношение Советского Союза к Организации освобождения Палестины (ООП), к Палестинскому движению сопротивления (ПДС) часто рассматривается с позиций утилитарного прагматизма: защита палестинских интересов обеспечивала Москве «вход» в мирный процесс, предотвращая его развитие исключительно по американо-израильскому сценарию, давала важные козыри перед лицом арабского мира, для которого палестинская проблема всегда являлась серьезным цементирующим фактором. Но помимо этого в среде советских ближневосточников складывалось особое, романтизированное отношение к палестинским борцам. Воспитанным в советских традициях людям импонировала их борьба за справедливость на Ближнем Востоке. Им приписывались значительно более серьезные антиимпериалистические, т. е. антизападные настроения, чем это было в действительности. Правда, обращение ряда радикальных палестинских группировок к терроризму, экстремизм некоторых палестинских руководителей вызывали в Советском Союзе сомнения, можно ли вообще характеризовать палестинское движение как национально-освободительное. Однако наиболее авторитетные специалисты доказывали, что с ростом зрелости движения усиливается его организованность, повышается его способность и возможности играть политическую конструктивную роль в борьбе за справедливое ближневосточное урегулирование. Особые симпатии даже у политических деятелей вызывала фигура Арафата. А.А. Громыко характеризовал его как лидера, который «обладает незаурядным характером и убежден в правоте дела, за которое борется»⁵². Е.М. Примаков, хорошо знавший палестинского лидера,

неоднократно с ним встречавшийся был убежден, что Абу Амар – революционный псевдоним Арафата, – «рожденный в пламени безальтернативности вооруженного сражения за «освобождение всей Палестины», постепенно, очень постепенно эволюционировал в борца-политика»⁵³.

Накануне своей первой секретной поездки в Тель-Авив Примаков в июне 1971 г. встречался с Арафатом и обсуждал с ним возможности создания палестинского государства. В августе, открывая в Израиле серию секретных встреч с израильянами, он затронул эту тему задолго до того, как была сформулирована советская официальная позиция по этому вопросу. Он сказал, что палестинский народ вправе самостоятельно решать вопрос о собственной государственности⁵⁴. Но его собеседником была Г. Меир, которая заявляла в те времена, что она вообще не знает такого народа, как палестинцы, которая называла Арафата «ряженым убийцей-рецидивистом, возглавляющим движение, единственной целью которого является уничтожение Государства Израиль»⁵⁵. Примаков говорил это М. Даяну, который называл Арафата не иначе, как лидером террористов, а ФАТХ – террористической организацией.

У израильян, конечно, были свои основания для подобного отношения к палестинскому сопротивлению. За три года, прошедшие после шестидневной войны, арабы совершили только с территории Иордании около шести тысяч враждебных актов против Израиля. Погиб 141 израильянин, около 800 получили ранения⁵⁶. Та же операция в Караме, ставшая символом палестинского героизма, была израильским ответом на террористическое нападение на школьный автобус, в результате которого двое детей погибли, а двадцать семь были ранены. Однако все эти факты тогда игнорировались советской стороной, о них не позволялось даже упоминать в открытых публикациях. В сентябре 1972 г. палестинская военизированная организация «Черный сентябрь» осуществила чудовищный по своей жестокости и бессмысленности террористический акт – захват и убийство девяти израильских спортсменов на Олимпийских играх в Мюнхене. Проведенные в ответ Израилем бомбардировки территорий Ливана и Сирии были названы в Заявлении советского правительства новыми актами разбоя и насилия, в то время как события в Мюнхене квалифицировались лишь как трагический случай, шумиха вокруг которого раздувается израильской пропагандой⁵⁷. Так в реалиях про-

тивоборства двух систем формировались искаженные установки по защите справедливости на Ближнем Востоке.

Израильское руководство в контактах с советским представителем заявляло о возможности решения палестинской проблемы только в рамках Иордании. Наверное, и слова Примакова о том, что «вопрос о государстве – за палестинцами, и навряд ли они кому-то позволят решать эту проблему за себя»⁵⁸, воспринимались ими как пустое пророчество. Однако именно проблема реализации национальных прав палестинцев с годами вышла на первый план, став центром всех усилий по урегулированию ближневосточного конфликта, и советская позиция поддержки самоопределения палестинских арабов уже на ранних этапах становления ПДС сыграла здесь свою роль.

Хотя несовпадение израильской и советской позиций по урегулированию препятствовало достижению каких-либо результатов в ходе контактов, с израильской стороны одной из важных причин поддержания этого диалога являлась обеспокоенность сохранением иммиграционного потока из СССР. Этот вопрос постоянно ставился перед советскими представителями на всех уровнях.

Порядок выхода из гражданства СССР лиц, переселяющихся из СССР в Израиль, был установлен Указом № 818 Президиума Верховного Совета СССР от 17 февраля 1967 г.⁵⁹ Но после шестидневной войны выезд советских евреев на постоянное место жительства в Израиль по представлению Комитета госбезопасности с согласия ЦК КПСС был приостановлен. Однако число желающих выехать в Израиль постоянно увеличивалось. Случаи отказа в выездной визе получали широкий общественный резонанс на Западе. Еврейские организации, прежде всего в США, начали активизировать свою деятельность, создавая движения за свободную эмиграцию советских евреев. В конце 1960-х годов эти организации расширили свою деятельность, проводя митинги, демонстрации, семинары, выставки, кампании в прессе, информируя членов Конгресса США и налаживая связь с конгрессменами, прежде всего через члена Палаты представителей от Кливленда Ч. Вэника. В 1970 году группы из 18 городов США и Канады создали координационный орган – Союз советов по делам советских евреев⁶⁰.

Положение евреев в Советском Союзе вскоре стало объектом пристального внимания не только со стороны администрации США и других демократических стран, но и со стороны «братских» ком-

мунистических партий стран Западной Европы, которым ЦК КПСС регулярно давал разъяснения по этому вопросу.

Израиль какое-то время настороженно относился к бурной деятельности еврейских активистов в защиту советских евреев, пытаясь путем тихой дипломатии увеличить поток эмиграции исключительно в Израиль. Но когда на Западе начала разворачиваться антисоветская кампания, депутаты Кнессета Г. Кохен и Ш. Алони в обход израильской цензуры подняли на заседании Кнессета вопрос о положении советских евреев. 10 ноября 1969 г. Г. Меир прочитала с трибуны Кнессета письмо восемнадцати семей грузинских евреев, получивших отказ в выезде. Этим она практически положила начало официальной антисоветской кампании. Депутаты Кнессета не могли не отреагировать. Была принята резолюция, призывавшая все страны уважать «беспорное право каждого еврея жить на земле своей исторической матери-родины». Текст этого письма был распространен как официальный документ в ООН⁶¹.

Советские партийные руководители были обеспокоены происходящим и под давлением западной общественности вынужденно искали выход из сложившегося положения. В секретном письме в ЦК КПСС Ю. Андропов и А. Громыко писали: «Сионистскими зарубежными центрами, реакционной буржуазной прессой и радио это (отказ в выезде – *Н.С.*) было истолковано как одно из проявлений антисемитизма со стороны советских властей в ответ на возникшие события на Ближнем Востоке. Сионистские лидеры в Израиле, США и Франции продолжают привлекать внимание мировой общественности к вопросу о якобы существующей в Советском Союзе дискриминации лиц еврейской национальности и добиваются выезда советских граждан еврейской национальности в Израиль. В целях локализации клеветнических утверждений западной пропаганды о дискриминации евреев в Советском Союзе представляется целесообразным наряду с другими мерами возобновить в текущем году выезд советских граждан на постоянное жительство в Израиль». Андропов и Громыко мотивировали свое предложение тем, что решение по этому вопросу «может получить положительную оценку в глазах мирового общественного мнения, как гуманный акт, и позволит освободиться от националистически настроенных лиц и религиозных фанатиков, оказывавших «вредное влияние» на остальное еврейство. К тому же Комитет госбезопасности сможет продолжить использование этого канала в оперативных целях»⁶².

Уже в июне 1968 г. в ЦК КПСС было принято постановление «О возобновлении выезда советских граждан на постоянное жительство в Израиль». Правда, вводились ограничения, как количественные (до 1500 человек в год), так и качественные (предпочтительным контингентом были пожилые евреи без высшего и специального образования).

С начала 1970-х гг. численность еврейской эмиграции из СССР значительно возросла, превышая установленную властями квоту. В 1970 г. в Израиль на постоянное место жительства выехало 992 человека, а в 1971 г. эта цифра составила уже более 13,7 тысяч человек⁶³. в 1972 г. – около 30 тыс.⁶⁴ и примерно столько же в 1973 г.⁶⁵. Поток эмигрантов за эти годы более чем в три раза превышал число выехавших в предыдущие годы.

Москва должна была постоянно оправдываться перед своими арабскими друзьями по поводу ее содействия увеличению населения «сионистского образования». В начале 1972 г. по распоряжению ЦК КПСС советским послам в арабских странах было разослано специальное письмо с разъяснением советской политики в отношении выезда «лиц еврейской национальности из Советского Союза», которое следовало довести до сведения арабских руководителей. В нем, в частности, говорилось: «...нами введены ограничения на выезд в Израиль для некоторых категорий лиц: недавно получивших высшее образование, имеющих определенную военную подготовку, причастных по роду своей работы к секретным сведениям. Контингент выезжающих – это главным образом лица пожилого возраста или лица, снятые с военного учета по состоянию здоровья». Авторы письма указывали, что такая эмиграция не носит массового характера и не может усилить военный потенциал Израиля⁶⁶. Правда, составитель сборника документов о еврейской эмиграции Б. Морозов утверждает, что далеко не все эти ограничения соблюдались, но для опровержения «клеветнических домыслов врагов советско-арабской дружбы» нужны были веские аргументы.

Несмотря на увеличение числа уезжающих из СССР евреев, на Западе расширялись выступления в защиту прав советских евреев. В феврале 1971 г. в Брюсселе состоялась Всемирная еврейская конференция, посвященная исключительно проблемам советских евреев. В ней участвовало полторы тысячи делегатов, представлявших практически все еврейские общины западного мира из тридцати восьми стран. В работе Конференции приняли участие Д. Бен-Гу-

рион, М. Бегин, писатели и интеллектуалы С. Беллоу, А. Шлэнский, Э. Визель, член Верховного Суда США А. Голдберг, другие известные политические и общественные деятели. Конференция приняла Брюссельскую программу, в которой были определены цели и направления деятельности, методы ведения борьбы за свободу советских евреев. Был создан орган, призванный координировать борьбу еврейских организаций и общин во всем мире. Конференция закрылась обращением со словами, которые стали впоследствии лозунгом всего движения "Let my people go!" – «Отпусти народ мой!»⁶⁷.

В Израиле эту борьбу возглавлял Общественный совет в защиту евреев СССР. Были и небольшие крайне экстремистские организации, как например «Маоз», которая видела в СССР врага номер один еврейского народа и требовала от правительства еще более решительного осуждения политики СССР.

Антисоветская деятельность сионистских кругов вызывала большое беспокойство у советских руководителей. Так, в письме из советского посольства в Вашингтоне от 22 ноября 1971 г., озаглавленном «О новых моментах и тактике агентуры международного сионизма», говорилось: антисоветская деятельность сионистов становится одним из серьезных факторов, мешающих развитию советско-американских отношений; сионисты становятся главным «штурмовым отрядом» антисоветизма в западном мире. Они стараются возглавить и объединить наиболее антисоветские группы и течения в странах Запада – «от «интеллектуалов-советологов до недобитого фашистского отребья». Среди рекомендаций посольства по борьбе с этим явлением содержалось предложение давать чаще разрешения на выезд, особенно по разъединенным семьям⁶⁸.

Новую волну протестов на Западе вызвал принятый в 1972 г. указ, согласно которому эмигранты, имеющие высшее образование, были обязаны оплатить затраты государства на их обучение в вузах⁶⁹. Данная мера была призвана предотвратить «утечку мозгов» – эмиграцию интеллектуальной элиты, но, прежде всего, сократить число отъезжающих евреев.

Советское руководство вынуждено было корректировать подобные ограничительные меры в связи с развивавшимся с начала 1970-х годов процессом разрядки между СССР и США. Показательна та «головомойка», которую устроил своим соратникам Л.И. Брежнев на заседании Политбюро 20 марта 1973 г. в связи с тем, что не было выполнено его указание о приостановке взимания «образовательно-

го» налога с лиц, выезжающих за границу. В это время готовился визит Брежнева в США, состоявшийся в июне 1973 г. Но в то же время конгрессмен Джексон уже внес поправку, запрещающую предоставление статуса наиболее благоприятствуемой нации странам, в которых ограничения на эмиграцию нарушали права человека. Генеральный секретарь возмущался: «То ли мы будем зарабатывать деньги на этом деле (эмиграции евреев – *Т.Н.*), то ли проводить намеченную политику в отношении США... Джексон уже опередил. Вот я и думаю: что тогда стоит наша работа, что стоят наши усилия, если так оборачивается дело. Ничего!»⁷⁰.

Поправку, продвигавшуюся в сенате израильским лобби, пытался тормозить и Киссинджер, понимавший, какой ущерб она наносит всей конструкции разрядки, одним из главных архитекторов которой он себя ощущал. Его усилия в этом направлении вылились в прямой торг с сенаторами-оппонентами по поводу приемлемого количества евреев-эмигрантов из СССР. Он утверждал, что ему удалось «сбить чрезмерный запрос» Джексона со 100 тыс. человек до 45 тыс. и что Громько якобы не высказывал возражений против такой цифры⁷¹. Правда, глава американской дипломатии скрыл от конгрессменов, что получил от своего советского коллеги письмо, в котором советская сторона отвергла эту попытку вмешательства во внутренние дела государства. Вот так сильные мира сего вершили судьбы людские!

Вскоре денежный сбор за образование был отменён, но его сменили дополнительные ограничения, практически означавшие запрет на эмиграцию даже для воссоединения семей. Несмотря на участие СССР в Международном пакте о гражданских и политических правах, который обязывает государства обеспечивать своим гражданам свободу передвижения и свободу выбора места жительства, были сохранены жесткие ограничения, делавшие эмиграцию из страны крайне затруднительной. Желаящим эмигрировать власти чинили много препятствий: устраивали судилища, увольняли с работы, исключали из вузов, забирали в армию, устраивали тотальную слежку, заставляли ждать разрешения месяцами и годами, отказывали в разрешении на выезд под предлогом осведомленности о государственных секретах, сажали в тюрьмы.

По-видимому, в высших партийных, государственных инстанциях были те, кто пытался разобраться в причинах роста эмиграционных настроений среди евреев. Об этом свидетельствует, например,

история консультанта Отдела пропаганды ЦК КПСС Л.А. О니кова. В сентябре 1974 г. он написал записку, объясняющую желание многих евреев эмигрировать такими политическими ошибками, как случаи их дискриминации при приеме на работу, грубая антисионистская пропаганда в ряде публикаций, которая могла быть истолкована как антисемитизм. Хотя Оников предлагал всего лишь расширить культурную автономию советских евреев за счет изучения языка идиш, увеличения количества публикаций на нем, открытия еврейского театра, его инициатива вызвала сильное раздражение Секретариата ЦК, и он чуть было не поплатился за нее своей должностью, отделавшись выговором⁷².

Вероятно, были среди партийных и государственных функционеров и те, кто понимал бесперспективность, вредность проводившейся эмиграционной политики. Например, Добрынин в своих мемуарах называет ее «неумной и недалёковидной политикой»⁷³. Но вряд ли он высказывал эту точку зрения, будучи советским послом в Вашингтоне. Тогда господствовало мнение тех, кто считал этот вопрос чисто внутренним делом СССР и, отвергая «происки международных сионистов», налагал табу на какие-либо обсуждения выезда с израильтянами.

2.2. Октябрьская война 1973 г. и советско-израильские отношения

Октябрьская война 1973 г. – один из самых трагических эпизодов в истории Израиля. Погибло более двух с половиной тысяч человек, что для страны, в которой тогда насчитывалось около 3 млн. еврейского населения, было очень большими потерями. Потерпели крах представления израильтян об их безусловном военном превосходстве над арабами, сложившиеся после июньской войны 1967 г. Была утрачена вера в непогрешимость и мудрость как политического, так и военного руководства.

В поисках ответственных за развязывание очередного военного конфликта на Ближнем Востоке израильский премьер-министр в своем выступлении в Кнессете 16 октября 1973 г. возлагала большую долю вины на Советский Союз. «Рука Советского Союза очевидна в оснащении, тактике и военных доктринах арабских армий, которые

они пытаются имитировать и приспособливать к своим целям. Помимо этого всесторонняя помощь Советского Союза врагам Израиля в ходе войны проявлялась в воздушном мосте, достигавшем аэродромов наших врагов, и в кораблях, заходивших в их порты», – говорила Г. Меир. Она осуждала Советский Союз за то, что он вовлек другие страны советского блока в оказание помощи Египту и Сирии и называла такую политику безответственной не только по отношению к Израилю, но и к Ближнему Востоку и ко всему миру⁷⁴.

Действительно, в первые дни войны израильтяне столкнулись не только с численным перевесом арабских армий – египетские пехотные части, участвовавшие в наступлении, насчитывали 100 тыс. человек, а у израильтян на Синае было всего 8 500 человек; на северном направлении против 5 000 израильской пехоты сирийцы бросили 45 000 своих солдат. Помимо этого, по свидетельству бывшего министра обороны М. Даяна, вражеская пехота была оснащена в отличие от предыдущих столкновений большим количеством очень эффективного противотанкового оружия советского производства, а также советскими переносными противовоздушными ракетными установками. По утверждениям Даяна, мощь арабских армий в 1973 г. в три раза превосходила их возможности в 1967 г. во многом благодаря оснащенности современным советским оружием и полученной советской военной подготовке⁷⁵. В израильской прессе и сегодня нередко можно встретить обвинения в адрес СССР в том, что, обеспечив египетской армии противовоздушный зонтик над Суэцким каналом, Москва дала возможность египтянам перейти через канал и начать войну в 1973 г.⁷⁶.

В связи с этим возникает два вопроса: был ли Советский Союз единственным ответственным за наращивание гонки вооружений на Ближнем Востоке? И насколько новая арабо-израильская война соответствовала внешнеполитическим интересам СССР? После войны 1967 г. и особенно в период «войны на истощение» в 1969-1970 гг. существенно возросла американская военная помощь Израилю. Это было обусловлено развитием и углублением особого характера американо-израильских отношений, а также убежденностью американской администрации, что поддержка Израиля покажет арабским «клиентам» Москвы ограниченную ценность советской помощи и заставит их переориентироваться на США. В соответствии с меморандумом 1972 г. американская сторона обязывалась снабжать Израиль танками и самолетами на долгосрочной основе. Бывший тогда министром

иностранных дел Израиля А. Эбан называл период начала 1970-х гг. «золотым веком» в том, что касается американских поставок вооружений⁷⁷. Хотя американцы выполняли далеко не все требования израильской стороны, оснащенность израильской армии современной военной техникой в 1973 г. не уступала арабским армиям.

Со своей стороны Советский Союз пытался ограничивать размеры военных поставок в ближневосточный регион. Многие исследователи признают, что приостановка поставок советских вооружений Египту в 1971–1972 гг. сыграла помимо других факторов свою роль в сдерживании Садата в реализации его военных планов в отношении Израиля⁷⁸. Существенную роль в этом играло снижение доверия советского руководства к египетскому режиму после смерти президента Насера. Возможно, в Кремле также опасались повторения сокрушительного поражения 1967 г. Но немаловажно было и то, что Советский Союз продвигал концепцию политического урегулирования ближневосточного конфликта, считая войну неприемлемым средством для его решения. В одном из своих выступлений Садат, рассказывая о своих взаимоотношениях с СССР в этот период, говорил: «Я поехал в Советский Союз в феврале (1971 г. – *Т.Н.*), и, как я понял, перенося дату (поставок вооружений – *Т.Н.*), они стремились дать мне время успокоиться или несколько охладить мой пыл. Потому что я установил, что 1971 г. будет решающим годом, а они не одобряли этого. Фактически они не одобряли никаких действий, кроме политических или дипломатических... В центре наших дискуссий был вопрос о том, можно ли активировать или решить проблему без военных действий. Позиция Советского Союза была против военных действий»⁷⁹.

Как представляется, для советской позиции в этот период была свойственна двойственность. С одной стороны, судя по словам советского посла Виноградова, применение силы арабскими странами считалось законным ответом на непреклонную позицию Израиля в отношении захваченных им территорий⁸⁰. Но советское руководство было категорически против широко пропагандировавшихся в арабских странах установок на уничтожение Израиля. Любопытное замечание в связи с этим содержится в книге А. Васильева, вспоминающего, что после войны 1973 г. главный редактор «Правды», а затем секретарь ЦК КПСС М.В. Зимянин говорил ему: «Если бы была угроза существованию Израиля, то вместе с американскими «зелеными беретами» там оказались бы и наши парашютисты»⁸¹.

Кроме того, советское руководство не могло не осознавать всех рисков, связанных с очередной войной на Ближнем Востоке: она могла привести к прямому столкновению двух сверхдержав и нанести непоправимый удар по политике разрядки, которую в Кремле считали большим достижением. Недаром Брежнев во время своего визита в США в июне 1973 г., имея поручение Политбюро, настойчиво стремился привлечь внимание американского президента к тому, что на Ближнем Востоке возрастает угроза новой арабо-израильской войны и что Советскому Союзу становится непросто сдерживать своих арабских союзников⁸².

Предупреждения о возможности инициированной арабской стороной новой войны против Израиля исходили и из других советских источников⁸³. Однако на Западе в то время господствовала точка зрения о военном преимуществе Израиля, которое не под силу взломать арабским странам, поэтому советские предупреждения, по-видимому, воспринимались как проарабский шантаж. Когда война все же началась, и в Израиле, и на Западе эти предупреждения стали толковать как посвященность СССР в планы арабских союзников, осуществление которых он не позаботился предотвратить.

Однако возможности СССР по сдерживанию арабских «друзей» были довольно ограниченными. Хотя в Москве знали, что в арабских странах нарастает народное недовольство тем, что не предпринимается никаких мер по ликвидации положения, сложившегося после войны 1967 г., и арабские руководители были настроены воинственно, но арабы, видимо, не делились конкретными военными планами с советским руководством. Президент Садат вел в то время уже свою игру по сближению с американцами и вопреки всем его обещаниям консультироваться с Советским Союзом, не был настроен на открытость с советскими представителями. Так, например, на все попытки советского посла выяснить в начале октября 1973 г., каковы намерения египетского президента в отношении открытия военных действий против Израиля, Садат избегал прямого ответа и лишь 6 октября, за четыре часа до начала войны в уклончивой форме проинформировал об этом советских дипломатов⁸⁴. Правда, по утверждениям израильских авторов, Москва была проинформирована сирийцами 4 октября о времени начала военных действий⁸⁵. Об этом рассказывает в своей книге и бывший советский высокопоставленный дипломат В. Исраэлян, описывающий состоявшееся у Громыко 4 октября совещание в узком составе, на котором министр иностран-

ных дел сообщил о принятом в Кремле решении о немедленной эвакуации семей сотрудников посольств и советских специалистов из Каира и Дамаска в связи с надвигающейся войной. Громыко тогда сказал, что безопасность людей важнее соображений, что такая эвакуация может раскрыть США и Израилю секрет готовящегося арабского наступления⁸⁶.

Из некоторых публикаций в современных СМИ Израиля и других стран может сложиться представление, что нападение арабских армий в самый священный для евреев день в году – Йом Кипур (Судный День) было полной неожиданностью и для населения, и для руководства страны. Созданная правительством Комиссия Аграната, занимавшаяся расследованием неудач в ходе Октябрьской войны 1973 г., в своем докладе основной упор сделала на неправильной оценке разведывательной информации, полученной политическим и военным руководством, и на дисциплинарных недостатках в подготовке армии к военным действиям в первые дни войны. Однако, уже в мемуарах непосредственных участников событий, например, Даяна вполне определенно говорится о том, что с середины 1973 г. было ясно, что Египет и Сирия намерены совершить нападение на Израиль. Судя по воспоминаниям Даяна, израильяне вполне отчетливо представляли себе, как могут разворачиваться наступательные действия арабов на Синае и на Голанских высотах. На совещании в генеральном штабе 21 мая 1973 г. министр обороны отдал приказ о подготовке израильских вооруженных сил к «широкому наступлению Египта и Сирии без Иордании в конце лета»⁸⁷. Предупреждения о надвигающейся войне поступали и от иорданского короля Хусейна, дважды побывавшего в Тель-Авиве в месяцы, предшествовавшие войне⁸⁸.

Хватало информации и из разведывательных источников. В начале 2013 г. библиотека Никсона в США рассекретила ряд документов ЦРУ, из которых следует, что за два дня до начала военных действий в 1973 г. американский агент в Сирии передал в центр подробный план сирийского вторжения в Израиль. Аналитики ЦРУ, оценивая эти сведения в докладе правительству, все же отвергли возможность нападения Сирии на Израиль. Это был крупный просчет американской разведки, объяснявшийся, как считают сами бывшие ее сотрудники, слишком большим влиянием высокомерных оценок израильских спецслужб, приуменьшавших возможности арабских армий⁸⁹.

Информацию о готовящемся наступлении получил 5 октября и директор Мосада Ц. Замир от своего агента Ашрафа Марвана, яв-

лявшегося одновременно одним из доверенных лиц президента Садата⁹⁰. Г. Меир в своих воспоминаниях говорит, что ее обеспокоило и полученное 5 октября донесение о срочной эвакуации из Сирии семей советских советников⁹¹. У участников заседания, собравшихся у премьер-министра утром 6 октября, таким образом, уже не было сомнений в том, что арабы собираются напасть и, скорее всего именно в этот день. Опубликованный недавно протокол этого заседания⁹² свидетельствует о том, что обсуждалось два главных вопроса: следует ли объявить всеобщую мобилизацию в Израиле и возможно ли нанести превентивный удар, как в 1967 г., что дало бы большие преимущества перед противником. Меир и Даян выступили против любых упреждающих действий, которые могли быть истолкованы как развязывание войны Израилем. Премьер-министр говорила: «Превентивный удар очень привлекателен. Но сейчас не 1967 год. На этот раз мир нам не простит. Нам не поверят»⁹³. Ей вторил министр обороны, выступавший против всеобщей мобилизации: «Я беспокоюсь, что любое СМИ сообщит, что мы собираемся атаковать. На это укажет полная мобилизация еще до того, как будет сделан первый выстрел. Сразу скажут, что мы агрессоры»⁹⁴. При этом наибольшее беспокойство у израильского руководства вызывала позиция США, которые, по словам Даяна, отказывались признавать приготовления к войне, ведшиеся на арабской стороне⁹⁵. В своих мемуарах он писал: «Вероятно, если бы мы начали войну, мы бы не получили от американцев ни единого гвоздя», объясняя это угрозой арабского нефтяного эмбарго для США⁹⁶.

Опасения перед арабскими санкциями, как представляется, были не единственной причиной, по которой американцы настойчиво добивались от израильтян обещания не начинать войну первыми, даже если они будут уверены в готовности Египта открыть военные действия. Есть сведения о том, что еще в декабре 1971 г. Киссинджер достиг секретной договоренности с Меир, обусловившей сохранение американской поддержки тем, что Израиль будет воздерживаться от превентивных ударов по арабам в будущей войне⁹⁷. Уже тогда Киссинджер, будучи советником президента по национальной безопасности, приступил к осуществлению своей ближневосточной дипломатии, направленной на то, чтобы запустить политический процесс урегулирования арабо-израильского конфликта при американском посредничестве и по схеме, более всего устраивавшей США. Для этого, как он считал, не исключалось «разогревание» конфликта вплоть

до военной фазы, в ходе которой необходимо было дать возможность арабам, прежде всего Египту преодолеть комплексы побежденной и униженной стороны, сложившиеся после 1967 г.

С другой стороны, нужно было подтолкнуть и Израиль к осознанию того, что неуступчивость и нежелание идти на переговоры приводит к войне, в которой совсем не обязательно Израиль оказывается триумфатором. Ведь за несколько месяцев до войны в марте 1973 г. во время визита Г. Меир в США Никсон так и не смог убедить главу израильского правительства, что вступление в переговорный процесс необходимо для общих интересов⁹⁸. Незадолго до визита Меир в феврале 1973 г. в американской столице впервые принимали посланника президента Садата Х.Исмаила, с которым обсуждалась в том числе и возможность продвижения египетской мирной инициативы. Она предполагала уход Израиля с Синая к линиям до войны 1967 г. при сохранении израильского контроля в некоторых ключевых пунктах в целях безопасности. Однако израильский премьер, считавшая границы 1967 г. непригодными для обороны, отвергла эти предложения. Хотя в месяцы, предшествовавшие войне, Киссинджер не раз выражал протест против израильской неуступчивости, ему так и не удалось заставить израильское руководство принять инициативу Садата. Некоторые современные израильские авторы считают, что, отвергнув дипломатическое решение, Меир и ее ближайшее окружение упустили возможность предотвратить Октябрьскую войну, обернувшуюся для Израиля трагическими последствиями⁹⁹.

На протяжении многих лет израильские и западные авторы, а также отечественные специалисты-ближневосточники¹⁰⁰, оценивая цели Садата в Октябрьской войне, указывали, что она была начата не для того, чтобы захватить Синайский полуостров или вторгнуться в Израиль, а для того, чтобы разблокировать политический процесс. Это подтверждал и Киссинджер в своих мемуарах¹⁰¹. Логично предположить, что американская сторона предприняла ряд шагов, в том числе по сдерживанию Израиля, для того, чтобы Садат мог продемонстрировать военные возможности своей армии. Тем более что спустя несколько часов после начала военных действий Киссинджер обратился к советскому послу в Вашингтоне с предложением «дать срочные указания представителю СССР в ООН занять в Совете Безопасности пока сдержанную позицию, не становясь целиком, как обычно, на сторону «своих клиентов»¹⁰². Годы спустя один из самых изощренных дипломатов двадцатого столетия особо подчер-

кивал, что решение не наносить превентивный удар Израиль принимал по собственной инициативе, а не по просьбе США. Однако осведомленные авторы утверждают, что уже после того, как израильское руководство решило воздержаться от нанесения превентивного удара, Киссинджер трижды 6 октября вновь предупреждал Израиль по дипломатическим каналам о недопустимости превентивных действий¹⁰³. В интервью в связи с годовщиной октябрьской войны на вопрос о том, можно ли было предотвратить войну, американский политик уклончиво отвечал, что сорок лет спустя журналистам легко спрашивать, можно ли было ускорить выдвижение мирной инициативы¹⁰⁴.

Этот аспект ответственности США за развязывание ближневосточной войны 1973 г. не часто затрагивается в израильских и американских работах. Большой упор делается на том, что американцы спасли Израиль от якобы грозившего уничтожения арабами, что настойчиво подчеркивает по прошествии сорока лет и Киссинджер во многих своих комментариях относительно этих событий. Действительно, американский воздушный мост для пополнения израильских запасов вооружений, который вступил в действие через неделю после начала военных действий, когда стало очевидно, что ущерб, наносимый арабскими армиями Израилю, становится угрожающим, сыграл большую роль в успешном контрнаступлении израильтян. В то же время, когда через несколько дней израильтяне окружили египетскую третью армию на Синае, американский госсекретарь принялся «спасать честь и достоинство» Египта. Израильскому послу в Вашингтоне он заявил, что уничтожение третьей армии – это «вариант, который даже не обсуждается»¹⁰⁵.

Маневры американской дипломатии и непосредственно ее главы в преддверии войны и на всем ее протяжении говорят о том, что они сыграли неблагоприятную роль в раздувании этого военного конфликта. «Разогревая» конфликт, Киссинджер не щадил и своих израильских протезе. Цель этой игры заключалась в том, чтобы, с одной стороны, в критические моменты оказывать помощь Израилю, а с другой, как писал посол Добрынин, «убедить арабов, что только США смогли приостановить победное наступление Израиля, а значит, только США могут стать естественным единоличным спонсором необходимых арабо-израильских переговоров. Влияние же Советского Союза на Ближнем Востоке при этом серьезно подорвалось»¹⁰⁶.

Конечно, нельзя сбрасывать со счета и советскую одностороннюю проарабскую политику, которая также подливала масла в огонь ближневосточного пожара. В Израиле не осталось не замеченным, что в официальных сообщениях о начале войны в СССР не упоминалось, что ее начали арабы. Не говорилось об этом и ни в одном из советских официальных заявлений, сделанных в ходе войны. Зато вся ответственность за периодическое возникновение военных конфликтов на Ближнем Востоке возлагалась исключительно на Израиль. Брежнев, выступая на Всемирном конгрессе миролюбивых сил 26 октября 1973 г., говорил, что причинами военных столкновений на Ближнем Востоке являются «захват Израилем арабских земель в результате совершенной им агрессии, упорное нежелание Тель-Авива считаться с законными правами арабских народов и поддержка этой агрессивной политики теми силами капиталистического мира, которые стремятся помешать свободному и независимому развитию прогрессивных арабских государств»¹⁰⁷. Правда, формулировка, подтверждающая право всех государств и народов этого региона жить в мире и безопасности, неизменно присутствовала во всех советских официальных высказываниях по Ближнему Востоку. Но звучавшие как заклинания клише об агрессивности Израиля и прогрессивности арабских стран были далеки от объяснения реальной сути конфликтной ситуации. Этот явно несправедливый крен советской позиции в арабскую сторону всегда усугублял недоверие и неприязнь израильтян к СССР.

В ходе войны пострадали от израильских бомбардировок и обстрелов некоторые советские объекты: во время обстрела израильтянами сирийского порта Тартус было потоплено советское торговое судно «Илья Мечников»; под израильские бомбежки попал советский культурный центр в Дамаске, что привело к жертвам среди советских и сирийских граждан. Эти непреднамеренные военные инциденты были использованы советской пропагандой для нагнетания еще более враждебной атмосферы вокруг «израильских агрессоров», в то время как действия арабских государств характеризовались только как осуществление ими своего права на самооборону, как справедливая борьба за освобождение своих исконных земель. О действиях арабов, не вписывавшихся в эти рамки, например, об обстрелах сирийской армией гражданских поселений в Галилее, на территории Израиля, советская пропаганда предпочитала умалчивать.

Особенно проявившаяся в октябрьской войне 1973 г. высокая вовлеченность СССР и США в ближневосточный конфликт работала и в направлении сдерживания сторон. Согласование позиций между Москвой и Вашингтоном позволило принять в Совете Безопасности ООН 23 октября резолюцию № 338, призывавшую к прекращению огня и ставшую одним из базовых международных документов для урегулирования конфликта. Даян, например, говорил, что Израиль и арабы вынуждены были подчиняться воле Вашингтона и Москвы как на начальных этапах войны, так и в ходе военных действий и, особенно, на этапе определения момента ее завершения¹⁰⁸. В этом высказывании, возможно, содержится намек бывшего министра обороны на то, что Израиль смог бы продемонстрировать более существенное превосходство над арабскими армиями, если бы не давление сверхдержав. С советской стороны предупреждения Израиля «о самых тяжелых последствиях, которые повлечет продолжение его агрессивных действий», содержались, по крайней мере, в двух официальных заявлениях¹⁰⁹. Даян отмечал, что по мере того, как арабы начали отступать, «тон русских ужесточался, и нам следовало быть очень осторожными, чтобы не дать медведю выйти из леса». Израильцы опасались прямого советского вмешательства в военные действия на стороне арабов.

Версия о подготовке СССР к прямому военному вторжению на Ближнем Востоке фигурирует в работах западных и израильских авторов, подтверждаемая немалым количеством сведений вплоть до переброски Советским Союзом в район Средиземноморья ядерных материалов¹¹⁰. Вслед за президентом Никсоном многие историки сравнивали события октября 1973 г. с кубинским кризисом, считая, что это был один из самых опасных моментов в послевоенных отношениях СССР и США. Действительно, острая кризисная ситуация возникшая 23 октября в связи с продвижением израильских войск на западный берег Суэцкого канала и окружением ими третьей египетской армии, привела к тому, что в ответ на обращение Брежнев к Никсону, в котором содержалась фраза о возможном принятии Советским Союзом односторонних мер, Белый дом объявил о повышенной боеготовности американских сил, включая их ядерный компонент. Предпринятые Вашингтоном меры якобы и спасли Ближний Восток от советской интервенции.

Отечественные авторы опровергают, однако, приписываемые Москве намерения военного вмешательства. Как писал Добрынин,

«миф о «спасении» Ближнего Востока от советского вооруженного вторжения был впоследствии пущен в обращение самой администрацией США, чтобы оправдать свою неблагоприятную роль в период этого кризиса»¹¹¹. Авторитетные авторы аргументировано доказывают, что советским интересам не соответствовало прямое столкновение с американцами, тем более что обе стороны поддерживали высокий уровень политического взаимодействия в ходе этого ближневосточного кризиса¹¹².

В то же время, высокая ангажированность великих держав на стороне одного из участников прямого военного столкновения все же создавала большие риски. В Средиземном море находились советская средиземноморская эскадра и американский 6-ой флот, всего более 150 кораблей, включая 30 подводных лодок, на некоторых из которых были ядерные боезаряды. Впоследствии командующий американскими военно-морскими силами Мэрфи утверждал, что в случае приведения советских пусковых устройств в боевую готовность у него не было бы времени проконсультроваться с Вашингтоном по поводу дальнейших действий. 19 октября, когда Израиль уже явно возобладал над арабскими противниками, один из советских офицеров, служивший на корабле эскадры, записал в своем дневнике: «В последние несколько дней ситуация настолько усложнилась, что, кажется, мы накануне вступления в войну»¹¹³. Для участников войны на суше, во имя интересов которых две армады подошли к самому краю столкновения, это противостояние прошло почти незамеченным. Однако в условиях войны такой высокий уровень концентрации противостоящих сил в любой момент мог привести к потере контроля над развитием ситуации. Поводов для этого было достаточно, а поступавшие из Москвы указания, по свидетельству компетентных источников, вполне могли толковаться как команда «к бою»¹¹⁴. Так что доля правды есть в том, что ближневосточный кризис был не менее опасен, чем кубинский.

Возможно, высокие риски военного столкновения с США на Ближнем Востоке, очевидно проявившиеся в ходе октябрьской войны 1973 г., стали одним из факторов, подтолкнувших Советский Союз к более активным поискам политического урегулирования конфликта. Как указывал израильский исследователь советского происхождения М. Агурский, после этой войны наблюдалось смягчение советской декларативной политики по Ближнему Востоку, больший упор стал делаться на его будущем, а не на глобально-региональной оценке конфликта¹¹⁵.

2.3. Женевская конференция и советско-израильские отношения

Созыв Мирной конференции по Ближнему Востоку в Женеве в декабре 1973 г. был, пожалуй, на этом этапе последним крупным успехом советской дипломатии в сфере урегулирования ближневосточного конфликта. В дальнейшем процесс урегулирования, переведенный стараниями Киссинджера в режим двусторонних переговоров, развивался не только без непосредственного участия Советского Союза, но и при активном осуждении Москвой достигших в ходе него договоренностей (кэмп-дэвидские соглашения, египетско-израильский мирный договор).

Впервые за всю историю ближневосточного конфликта в Женеве под сопредседательством США и СССР удалось посадить за стол переговоров Египет, Израиль и Иорданию. Сирийцы в последний момент отказались от участия в конференции. Продвигавшийся Советским Союзом вопрос об участии палестинцев был отложен для обсуждения его в ходе работы конференции.

Тесное советско-американское сотрудничество в ходе подготовки Женевской конференции позволяло Москве рассчитывать, что именно такой формат переговоров даст возможность участвовать в ближневосточном урегулировании и добиваться результатов, соответствующих укреплению советских позиций в регионе, и, в то же время, преодолевать единоличный американский диктат. Однако уже на стадии подготовки, по воспоминаниям посла В.М. Виноградова, назначенного советским сопредседателем на конференции, стало очевидным, что советская сторона стремительно теряет рычаги воздействия на арабов. «...новый министр иностранных дел (Египта – Т.Н.) Фахми в вопросах подготовки конференции явно сотрудничал с американцами, а не с нами», – писал Виноградов. «У себя дома он повесил большую фотографию, запечатлевшую его с Никсоном в Белом доме. И всячески угодничал перед американцами»¹¹⁶. В завершающих беседах по окончании официальной части конференции арабские участники вслед за американцами прямо советовали советским представителям не настаивать на обязательном участии СССР в переговорах и согласиться с необходимостью делать большие перерывы в работе конференции для «охлаждения сторон».

Это, естественно искажало всю идею международной конференции, как она виделась в Москве.

Тем не менее, на конференции советская делегация проявляла выдержку, несмотря на становившийся очевидным декоративный характер всего мероприятия, как на это рассчитывали с самого начала США и Израиль. Перед открытием, как это обычно бывает на встречах израильтян и арабов, возникла проблема с рассадкой. Арабы не хотели сидеть рядом с израильской делегацией, а израильтяне рядом с пустовавшим местом Сирии. Киссинджер также протестовал против такой рассадки, когда с одной стороны от Генерального секретаря ООН оказывались США и Израиль, а с другой СССР и делегации Египта и Иордании. Положение спас Громыко, согласившись занять место рядом с израильской делегацией. При этом он не преминул пошутить во всеулышание: «Прошу генерального секретаря ООН официально констатировать факт, что США отказываются сидеть рядом с Израилем». Под всеобщий смех и аплодисменты он завершил: «А нам все равно, мы приехали сюда не в игрушки играть»¹¹⁷. На открытии конференции, когда израильский министр иностранных дел А. Эбан проходил мимо стола Громыко, советский министр встал и пожал ему руку, сняв, таким образом, напряженность момента. Несмотря на весь негативизм официальной позиции в отношении Израиля, советский министр в данной ситуации предпочел придерживаться цивилизованной формы поведения.

Для Израиля созыв Женевской конференции был крайне несвоевременен: на 31 декабря были назначены парламентские выборы, и оппозиция требовала от правительства не участвовать ни в каких дискуссиях и не принимать никаких важных решений, пока не прозвучит голос избирателей. Однако Киссинджер, с самого начала рассматривавший мирную конференцию как сугубо символический акт, считал, что прямое общение израильского министра иностранных дел с арабскими визави повысит шансы лейбористов на победу и избавит американцев от перспективы иметь дело с воинственным Ликудом. К тому же, по замыслу американской дипломатии, конференция являлась свидетельством прорыва международной изоляции Израиля, снижала давление на него со стороны Западной Европы и способствовала бы отмене арабского нефтяного эмбарго¹¹⁸. Подчиняясь американскому давлению, израильтяне вынуждены были при-

нять участие в конференции, но, инструктируя военную делегацию, М. Даян требовал от нее выполнения главной задачи – тянуть время¹¹⁹, тем более что уже шли двусторонние египетско-израильские переговоры по разъединению сил на Синае.

Ориентированность американской стороны, а за ней и израильской на двусторонние, сепаратные переговоры превратила Женевскую конференцию в конечном итоге в пустую формальность. Даян вспоминал, что в его кругу конференцию насмешливо-издевательски называли «турецкой дорогой». Это выражение происходило из тех времен, когда османские власти начали строить дороги в своих палестинских владениях, но их качество было настолько низким, что тогдашний транспорт – повозки и экипажи – предпочитал объезжать их по сторонам. «Так и Женевская конференция осуществлялась где угодно, только не в Женеве», – заключал Даян¹²⁰.

Все же и для Израиля Женевская конференция представляла интерес. Она стала первым большим международным форумом, на котором арабы согласились встретиться с Израилем. Помимо этого, министерство иностранных дел Израиля, готовясь к конференции, пришло к заключению, что она является удобным местом для возобновления контактов с СССР и что Москва в этих обстоятельствах может проявить уступчивость относительно продвижения к возобновлению дипломатических отношений. В Женеве Эбан обратился с просьбой к Киссинджеру, чтобы он прозондировал почву относительно возможности встречи с Громыко. Первая после 1966 г. встреча министров иностранных дел СССР и Израиля состоялась 22 декабря.

А. Громыко и А. Эбан были знакомы и сотрудничали еще в период подготовки резолюции 181 ГА ООН о разделе Палестины, затем они еще не раз встречались. Поэтому встреча в Женеве носила довольно непринужденный характер. Содержание беседы двух министров известно лишь из израильских источников. Из них очевидно, что Громыко особо выделил два аспекта советской позиции по ближневосточному урегулированию: в ответ на замечание Эбана о том, что отсутствие дипотношений между Израилем и Советским Союзом некоторые толкуют как изменение в позиции СССР по отношению к самому признанию права Израиля на существование он ответил, что ошибочно рассматривать советскую политику лишь как след-

ствии поддержки арабов. Советский Союз признает, что Израиль без сомнения имеет право на существование как любое независимое государство в мире. «Если кто-либо нарушит этот принцип, мы категорически выступим против этого, поскольку это будет противоречить нашей основной политике», – подчеркнул советский министр¹²¹.

Во-вторых, он вновь указал, что безопасность Израиля не может быть обеспечена путем приобретения территорий других государств, что формула обеспечения безопасности заключается в установлении нормальных отношений с соседними странами при поддержке международных гарантий. Хотя Эбан попытался возразить, что Советский Союз также создавал себе безопасные границы, например, в Финляндии, Громыко, оставив это, в общем-то, справедливое замечание без внимания, заявил, что «если Израиль стремится к экспансии на территориях, которые не принадлежат ему, то Советский Союз будет поддерживать другую сторону. Если вы хотите безопасные границы и жить как независимое, имеющее гарантии государство, то Советский Союз будет на стороне тех, кто желает этого»¹²².

На этой встрече были расставлены точки над *i* относительно советских условий восстановления дипломатических отношений с Израилем и израильского видения этого вопроса. Конфиденциальность этой темы была подчеркнута тем, что министры обсуждали ее, оставшись наедине. Эбан старался доказать Громыко, что израильское руководство никогда никого не просило ходатайствовать перед Москвой о возобновлении отношений. Более того, он считал, что Израиль не должен обращаться с такими просьбами пока у него не будет основания верить, что ответ будет положительным. А главное – и эта позиция не раз повторялась израильской дипломатией в последующие годы, – «поскольку именно Советский Союз разорвал отношения, он должен знать, как инициировать исправление этой ошибки, если сочтет это нужным»¹²³. Видимо, эта позиция была особенно важна для Эбана, специально упомянувшего в своей совершенно секретной телеграмме премьер-министру о том, что он со своей стороны не просил ни о чем в вопросе восстановления отношений.

Громыко обусловил восстановление отношений с Израилем существенным прогрессом на переговорах по арабо-израильскому урегулированию. Он даже сослался на такой нехарактерный для советской дипломатии аргумент, как общественное мнение в СССР, перед

которым иначе трудно будет оправдать позитивный шаг в сторону Израиля. Но более всего он, по-видимому, ошеломил своего собеседника тем, что заявил ему, правда, сугубо в неофициальном порядке, что в случае важного продвижения в переговорах, можно будет рассчитывать не только на возобновление отношений, но и на более высокий их уровень, например, на встречу между Брежневым и Голдой Меир¹²⁴.

Из этого разговора Эбан сделал два вывода: Советский Союз в высшей степени заинтересован в сохранении формата Женевской конференции, и хотя советский министр понимал, что она не всегда сможет принимать решения по существенным вопросам, но он настоятельно просил израильтян сохранять свою делегацию в Женеве на постоянной основе. Что же касается восстановления дипотношений, то этот вопрос не являлся приоритетным для СССР. Москву гораздо больше волновало положение в арабских странах после октябрьской войны и возможность дальнейшего продвижения переговоров по разъединению сил в Женеве сразу же вслед за открытием конференции. Для израильтян же выдвинутые советские условия были неприемлемы, т. к. они предполагали переговоры о заключении всеобъемлющего соглашения в многостороннем формате, что потребовало бы существенного отступления с завоеванных территорий. Как раз этого Израиль при поддержке американцев стремился избежать посредством перевода урегулирования на двустороннюю основу.

Советским дипломатам удалось добиться создания рабочей военной группы на конференции, однако переговоры в ней так и не сдвинулись с места. Вскоре египтяне, американцы и израильтяне вообще покинули Женеву. Там осталась только советская делегация, которой предписывалось вести работу с американской делегацией, хотя вести ее было не с кем. Американские представители практически не появлялись в Женеве. В мае 1974 г. в Женеве в рамках Мирной конференции было подписано сирийско-израильское соглашение о разъединении войск на Голанских высотах. Но к осени 1974 г. работа этого форума была фактически прекращена, хотя формального решения на этот счет не принималось.

2.4. Советская ближневосточная политика во второй половине 1970-х гг. и отношения с Израилем

После 1973 г. роль Советского Союза как основного игрока на ближневосточной арене неуклонно снижалась. Потеря Египта – крупнейшей и влиятельнейшей страны в арабском мире, переориентация его внешнеполитического курса на Соединенные Штаты нанесла невосполнимый удар по советским позициям в ближневосточном регионе. Недаром советские лидеры не скрывали своего враждебного отношения к А. Садату. В мемуарах Громыко, например, персона египетского президента наделяется исключительно отрицательными качествами: советский «господин нет»¹²⁵, известный на Западе умением безапелляционно отрицать самые очевидные факты, обвиняет Садата в способности фальсифицировать факты, утверждает, что он страдал манией величия, что его позерство на фоне величественной египетской истории производило впечатления «пигмея на фоне пирамид»¹²⁶.

Личная неприязнь была производной от политических неудач. Разработанная и осуществлявшаяся Киссинджером стратегия вытеснения СССР с Ближнего Востока при сохранении видимости советско-американского сотрудничества в вопросах ближневосточного урегулирования давала свои плоды. С одной стороны, американский госсекретарь не переставал внушать советским дипломатам представление о важности Женевской конференции как инструменте достижения мира. По утверждению Добрынина, только в первом полугодии 1975 г. Киссинджер трижды встречался с Громыко по поводу созыва Конференции, и ее проведение в июне 1975 г. входило в график согласованных СССР и США дат¹²⁷. Однако реальные договоренности достигались другими способами, в ходе «челночной дипломатии» Киссинджера и его команды, осуществлявшейся между арабскими столицами и Израилем.

На первых порах у советской стороны еще сохранялась иллюзия, что претворение в жизнь соглашения о разъединении египетских и израильских войск от 18.01.1974 станет органической частью общего урегулирования на Ближнем Востоке. Советские дипломаты внесли свою лепту в подталкивание Сирии к заключению соглашения о разъединении войск на Голанских высотах (май 1974 г.) – Громыко с марта по май 1974 г. побывал в Сирии трижды. Но к заключению египетско-израильского соглашения по Синаю в сентябре 1975 г.

Советский Союз уже не имел никакого отношения. В связи с его подписанием Брежнев обратился 8 сентября к президенту Форду с критическим посланием по поводу того, что США отказываются от совместных усилий в деле ближневосточного урегулирования¹²⁸. В ноябре 1975 г. в Обращении правительства СССР к правительству США по вопросу о возобновлении работы Женевской конференции по Ближнему Востоку отмечалось, что «путь частичных мер, осуществляемых на сепаратной основе, не ведет к решению ближневосточных проблем»¹²⁹. Положения о недопустимости сепаратных сделок и необходимости коллективных усилий по урегулированию в рамках Женевской конференции становятся на долгие годы своего рода заклинательной мантрой советской позиции.

Изменение регионального контекста и ослабление роли СССР в процессе арабо-израильского урегулирования заставляли советское руководство искать новые опоры своей политики на Ближнем Востоке. Эта потребность СССР в новых союзниках среди арабов совпадает с усилением после 1973 г. роли Организации освобождения Палестины как политического игрока на ближневосточной арене. В ноябре 1973 г. на арабском совещании в верхах в Алжире ООП была признана единственным законным представителем палестинского народа, что в октябре 1974 г. было подтверждено Рабатским совещанием арабских стран на высшем уровне. С середины 1970-х гг. в светском палестинском национализме начинают происходить осторожные сдвиги в сторону отказа от жесткой цели «ликвидации сионистского присутствия в Палестине» к признанию возможности создания национального государства на части палестинской территории. Этапной вехой в этом вопросе можно признать Политическую программу ООП, принятую на двенадцатой сессии Национального совета Палестины в 1974 г. В ней указывалось, в частности, что «ООП ведет борьбу всеми средствами... за освобождение палестинской земли и создание народного, национального, независимого и продолжающего сражаться суверенного образования **на любой части палестинской территории**, которая будет освобождена»¹³⁰. Несмотря на воинственный и непримиримый тон этого документа в отношении сионизма и Израиля, он все же содержал зачатки политического реализма, постепенно прораставшего в ООП.

Этой «смене вех» ООП во многом обязана дальнейшим дипломатическим прорывом на международной арене. В октябре 1974 г. ООП стала первой в истории неправительственной организацией, которая была приглашена в качестве представителя своего народа для участия

в Генеральной Ассамблее ООН. Я. Арафат, искусно сыгравший роль миротворца и одновременно не сложившего оружия борца, в своей проникновенной речи с трибуны ООН призвал международное сообщество помочь палестинскому народу в его усилиях по достижению права на самоопределение и создание национального независимого суверенитета на своей собственной земле¹³¹. В результате обсуждения вопроса о Палестине на двадцать девятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция 3236 (XXIX), признавшая право палестинского народа на самоопределение, национальную независимость и суверенитет, и резолюция 3237 (XXIX), предоставившая ООП статус наблюдателя во всех организациях ООН¹³².

Значительное повышение международного статуса ООП произошло в эти годы при активной поддержке и помощи Москвы. В июле 1974 г. делегация ООП во главе с Арафатом была впервые официально принята в Москве на правительственном уровне и провела встречи с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС Б.Н. Пономаревым и заместителем министра иностранных дел В.В. Кузнецовым¹³³. В результате переговоров было достигнуто согласие об открытии в Москве представительства ООП. С этого времени советская сторона включает во все официальные документы по ближневосточному урегулированию пункт о необходимости участия ООП в Женевской мирной конференции наравне с другими ее участниками. Осенью 1974 г. в одном из своих выступлений Брежнев впервые поддержал право арабского народа Палестины на свой национальный очаг¹³⁴, а с 1975 г. положение о праве палестинцев на создание собственного национального государства уже становится неотъемлемой частью советской позиции по урегулированию. В советских руководящих кругах складывалось мнение, что в условиях утраты такого важного регионального союзника, как Египет, развитие отношений с ООП и подвижки в советской позиции в пользу палестинцев станут инструментом, способствующим включению СССР в процессе урегулирования. Это помешает его развитию сугубо по американо-израильской схеме, а для арабского мира послужит доказательством значимости Советского Союза как важного игрока на ближневосточной арене. С точки зрения израильского автора М. Зака, «Советский Союз хотел сигнализировать США, Израилю и арабским странам, что ООП, являющаяся союзником Москвы, сможет торпедировать любое урегулирование, если оно не будет учитывать советские интересы в регионе»¹³⁵.

В Израиле в июне 1974 г. произошла смена правительства: Г. Меир и М. Даян вынуждены были уйти в отставку после публикации ре-

зультатов расследования комиссии Аграната¹³⁶, возложившей на руководство страны вину за неудачи на начальном этапе октябрьской войны 1973 г. Им на смену пришел И. Рабин в качестве премьер-министра, И. Алон стал министром иностранных дел, а Ш. Перес – министром обороны. Рабин, имевший гораздо более слабые позиции внутри страны, чем Меир, был поставлен в сложное положение в связи с давлением, оказывавшимся на него администрацией Дж. Форда, сменившего Никсона и требовавшего дальнейшего продвижения по пути заключения новых соглашений с Египтом. В марте 1975 г., после того, как очередная миссия Киссинджера на Ближнем Востоке закончилась безрезультатно, в американо-израильских отношениях возник кризис. Некоторые специалисты сравнивают его даже с ситуацией в период Суэцкого кризиса в 1956 г., когда Эйзенхауэр занял жесткую позицию в отношении Израиля¹³⁷. Президент Форд объявил о «переоценке» американской политики на Ближнем Востоке, отложил рассмотрение вопросов о предоставлении экономической помощи Израилю и заморозил поставки вооружений. Правда, тридцать лет спустя Киссинджер утверждал, что «переоценка» была всего лишь «театром» – она должна была напомнить Израилю, как дорого обходится противодействие американской политике в критический для Соединенных Штатов момент¹³⁸.

Застопорившаяся «челночная дипломатия», появление новых лиц на израильской политической сцене, изменившаяся расстановка сил в арабском мире были теми факторами, которые заставляли советское руководство вновь проявлять интерес к поискам возможностей взаимодействия с Израилем. Летом 1974 г. глава ВЕК Н. Гольдман, хорошо знавший советского посла в США Добрынина, предложил ему, с согласия израильского руководства, стать инициатором контактов с израильским представителем. Добрынин провел в Москве соответствующие консультации и получил полномочия установить контакт с израильским послом в США. В Москве полагали, что в свете развития ситуации на Ближнем Востоке для каждой стороны будет полезно установить этот закрытый канал для переговоров, обмена мнениями и разъяснения проблем. Эти встречи проходили в режиме строгой секретности. Посол Добрынин не упоминает о них в своих весьма подробных мемуарах. О содержании встреч известно только из архивных материалов Израиля, в которых имеются донесения посла Диница своему правительству¹³⁹. Первая встреча двух послов в Вашингтоне состоялась 12 июня 1974 г. Израильскую сторону прежде всего интересовало, могут ли такие встречи стать по-

стоянным каналом связи между двумя странами в целях дальнейшей формализации отношений. Добрынин, высказывая свою личную точку зрения, не исключал, что такие контакты могут способствовать восстановлению дипломатических отношений¹⁴⁰. Однако дальнейшие встречи не принесли каких-либо существенных результатов.

В марте 1975 г. Политбюро ЦК КПСС приняло решение об организации новых конфиденциальных встреч советских представителей с израильскими руководящими деятелями. Вместе с Примаковым в них стал принимать участие подполковник госбезопасности Ю.В. Котов. Нет оснований полагать, как это делали некоторые западные авторы, что вашингтонские контакты Добрынина и секретные поездки Примакова в Израиль свидетельствовали о параллелизме или какой-то конкуренции в действиях различных структур советской государственной машины. Все контакты с израильской стороной контролировались Политбюро, которое вырабатывало и указания относительно их содержания.

И в вашингтонских контактах, и в конфиденциальных беседах в Израиле с руководителями страны в апреле 1975 г. советская сторона особо выделяла вопрос о необходимости решения ближневосточных проблем в рамках Женевской мирной конференции. При этом Добрынин указывал израильскому послу, что СССР обладает достаточным потенциалом для оказания давления на арабов, что могло бы быть полезно в ходе переговоров. Примаков в свою очередь доносил до сведения израильтян, что включение ООП в состав участников мирной конференции будет способствовать сдерживанию экстремистских тенденций в ней, и Советский Союз мог бы сыграть свою роль в этом процессе. Уже в этот период советские представители зондировали и вопрос о возможности создания палестинского государства на Западном берегу и в Газе. С учетом связей с ООП Советский Союз предлагал Израилю свои гарантии безопасности в случае его ухода к линиям 1967 г. Повторялась предложенная Громыко Эбану в 1973 г. формула о возобновлении дипотношений с Израилем при существенном продвижении на переговорах¹⁴¹.

Предложения о советском посредничестве не встречали положительного отклика у израильтян, которые считали советскую политику односторонней и на сто процентов проарабской. По воспоминаниям Примакова, Ш. Перес выстроил беседу с советскими представителями во время секретной встречи в апреле 1975 г. именно на обвинениях СССР в том, что он окружил Израиль сетью шпионских радиолокаторов, передавая информацию арабам¹⁴². Что

касается палестинской проблемы, то в отдаленной перспективе израильтяне видели ее государственно-территориальное решение в рамках Иордании и какой-то части Западного берега. ООП по-прежнему была неприемлема для Израиля не только как участник переговоров, но вообще как представитель палестинцев. Недаром свое согласие на заключение под эгидой США египетско-израильского соглашения по Синаю в сентябре 1975 г. Израиль обусловил отдельными американскими гарантиями, в соответствии с которыми Вашингтон обещал не признавать ООП и не вести с ней формальных переговоров до тех пор, пока она не признает резолюции 242 и 338 СБ ООН и право Израиля на существование.

По-видимому, контакты с советскими представителями весной 1975 г. сыграли не последнюю роль в решении израильского правительства принять компромиссное соглашение с Египтом. Перед Израилем, как считают специалисты, стоял выбор – «либо возвращаться на Женевскую конференцию, где присутствие СССР в качестве ко-спонсора существенно подкрепляло арабскую позицию, либо соглашаться на разработанный Киссинджером вариант соглашения с Египтом»¹⁴³. В беседах с советскими представителями израильское руководство вновь убедились в несовместимости своих интересов с позицией СССР по урегулированию. Биограф израильского премьер-министра, рассказывая об эпизоде секретных переговоров с двумя советскими представителями, пишет, что после них «для Рабина стало совершенно очевидно, что есть еще одна причина для скорейшего восстановления американской вовлеченности в ближневосточное миротворчество»¹⁴⁴.

Хотя второе Соглашение о разъединении войск на Синае было подписано без участия СССР (1 сентября 1975 г.), советское руководство продолжало искать возможности для подключения к переговорам об урегулировании. Об этом свидетельствует, например, трехчасовая встреча между А. Громько и израильским министром иностранных дел И. Алоном, состоявшаяся 24 сентября 1975 г. в Нью-Йорке. Алон подчеркнул, что именно Египет предпочел на этом этапе промежуточное соглашение. Он также указал, что Израиль будет готов пойти на территориальные компромиссы, но приемлемым для него решением палестинской проблемы является «иорданский вариант». По вопросу о восстановлении дипотношений между двумя странами А. Громько снова подтвердил известную советскую позицию о необходимости возвращения Израиля к линиям июня 1967 г.¹⁴⁵.

В 1977 г. с приходом к власти в США президента Дж. Картера в советско-американских отношениях произошли некоторые подвижки. Взгляд Картера на развитие международных отношений гораздо в меньшей степени, чем у его предшественников, определялся соображениями противоборства с СССР. Но с другой стороны, ему был свойственен чрезмерный воинствующий морализм, который, по определению посла Добрынина, вступал в противоречие с реальной политикой¹⁴⁶. В Советском Союзе не без оснований считали, что новый американский внешнеполитический курс по «защите прав человека» был направлен против советских интересов, подрывал основы политики разрядки и наносил удар по переговорам об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), которые рассматривались как важнейший направление внешнеполитической деятельности.

С другой стороны, приверженность Картера морально-нравственным ценностям, его несколько идеалистический взгляд на возможности справедливого для всех сторон решения арабо-израильского конфликта заставляли его сочувственно относиться к палестинцам как народу-жертве, народу-изгнаннику. «В век циничной, манипулятивной политики и приоритетов, определяемых опросами общественного мнения, трудно себе представить, чтобы президент не только говорил, как Картер, но и на самом деле действовал в соответствии со своими убеждениями», – писал о Картере далеко не являющийся его поклонником американский дипломат и публицист А.Д. Миллер¹⁴⁷. Он был первым американским президентом, высказавшимся в поддержку «национального очага для палестинцев» уже в самом начале своего правления.

Советское руководство, видимо, учитывая эти кардинальные новшества в американском подходе к урегулированию, пыталось со своей стороны подать сигнал о своей готовности возобновить советско-американское сотрудничество на ближневосточном направлении, увязывая этот вопрос с улучшением общего климата в советско-американских отношениях. С этой точки зрения интересны советские предложения по ближневосточному урегулированию, содержащиеся в выступлении Брежнева на XVI съезде профсоюзов СССР в марте 1977 г. Брежнев говорил, что возобновление работы Женевской конференции становится все более реальным делом, но разработка условий мира – это дело самих конфликтующих сторон. Возможно, таким образом палестинцам и арабам давали понять, что им придется напрямую вести переговоры с Израилем. Предлагая советское видение решения арабо-израильского конфликта, Брежнев

вновь подчеркнул, что договоренности о мире должны предусматривать вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 г. арабских территорий, однако не сразу, а по этапам в течение строго определенного срока. Такая постановка вопроса говорила о некоторых новых нюансах в отношении признания интересов безопасности Израиля, но в то же время подтверждала незыблемость советской позиции о необходимости установления окончательных и нерушимых границ по линиям, существовавшим до июньской войны. По обе стороны границ предлагалось создать, с согласия сторон, демилитаризованные зоны для размещения в них либо Чрезвычайных вооруженных сил ООН, либо наблюдателей ООН, причем на какой-то четко определенный срок. Это свидетельствовало о стремлении избежать ситуации мая 1967 г., когда Насер произвольно выдворил ооновские войска с Синая, положив этим начало кризисной предвоенной ситуации. Обращало на себя внимание и то, что в этом выступлении не упоминалась ООП и не говорилось о формах ее участия в мирной конференции, что, видимо, означало готовность СССР рассматривать различные варианты включения представителей палестинцев в арабские делегации¹⁴⁸. Эти предложения демонстрировали готовность Советского Союза к поискам компромиссных решений в ситуации, когда возникла надежда на восстановление взаимодействия с американцами на ближневосточном направлении.

Действительно, новая администрация президента Дж. Картера вступила на путь активной поддержки схемы всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта на Женевской мирной конференции, которую настойчиво продвигал Советский Союз. Результатом новой фазы советско-американского сотрудничества стало Совместное заявление по Ближнему Востоку от 2 октября 1977 г., в котором всеобъемлющее урегулирование провозглашалось главным принципом достижения мира. В качестве инструмента урегулирования вновь предлагалась Женевская мирная конференция при участии в ее работе представителей всех вовлеченных в конфликт сторон, в том числе – палестинского народа¹⁴⁹. Правда, Картера очень быстро заставили отказаться от этого пути. Важнейшим побудительным мотивом для исторической поездки Садата в Иерусалим в ноябре 1977 г. было как раз стремление египетского президента избежать перевода мирного процесса в многосторонний формат. Давление на американского президента оказывало израильское правительство, угрожая развязать в Соединенных Штатах кампанию против его администрации, если он сохранит свой подход к урегули-

рованию¹⁵⁰. С начала 1978 г., когда стало очевидно, что израильский премьер и египетский президент не смогут самостоятельно преодолеть разделяющую их пропасть, Картер вступил на путь посредничества в двусторонних переговорах.

Возникшая на короткое время в 1977 г. перспектива возвращения процесса урегулирования на многосторонние рельсы вновь заставила советскую сторону обратиться к зондированию израильской позиции. Последняя секретная встреча советских посланников – Примакова и Котова – с израильскими руководителями состоялась в сентябре 1977 г. Важной предпосылкой для ее организации послужила смена власти в Израиле – тридцатилетнее правление блока Маарах (коалиции лейбористов) было прервано. В мае 1977 г. победу на выборах одержал Ликуд (блок правых и праволиберальных партий). В Москве было решено активизировать секретный контакт для выяснения возможностей сотрудничества в сфере урегулирования с новым правительством, во главе которого встал М. Бегин.

На встрече с советскими представителями Бегин, однако, категорически отверг возможность участия в мирной конференции ООП. Он также в свойственной ему менторской манере устроил советским гостям своего рода брифинг, разъясняя свои воззрения по территориальному вопросу. Так, поправляя своих собеседников, он указал, что Западный берег р. Иордан правомерно называть Иудеей и Самарией, так же, как Советский Союз имел право переименовать Кенигсберг в Калининград. Советский Союз победил в оборонительной войне и был вправе устанавливать защитимые границы, включив в свои пределы и этот город. «Иорданское королевство напало на Израиль. Следовательно, у Израиля полное право считать, что территория, с которой было совершено нападение, больше не является Западным берегом иорданского королевства, и получает свое первоначальное название, библейское – Иудея и Самария»¹⁵¹. Эта логика до сих пор присутствует в позиции израильского правого истеблишмента по территориальному вопросу, хотя правомерность ее ставится под вопрос и характером войны 1967 г. и еще более ранними решениями ООН о разделе Палестины на еврейское и арабское государства.

Советские представители привезли в Израиль новую, смягченную формулу восстановления дипломатических отношений, в которой единственным условием выдвигалось согласие Израиля принять участие в возобновленной Женевской конференции. Москва больше не настаивала на становившемся мало реальным отводе израильских войск к линиям 1967 г. в качестве предварительного условия возоб-

новления отношений. Однако премьер-министр Бегин в отличие от своих предшественников дал довольно жесткий ответ на эти предложения, заявив, «что с возобновлением отношений Советскому Союзу придется освободить всех узников Сиона и разрешить свободный выезд евреям, желающим отправиться в Израиль»¹⁵². Он также предложил организовать его официальный визит в Москву для встречи с Брежневым. Хотя эти условия явно были рассчитаны на торпедирование каких-либо договоренностей, Примаков пишет, что Бегин был настроен менее воинственно, чем его предшественники, и не хотел обострять ситуацию¹⁵³. Вероятно, в этой оценке содержится своеобразный упрек в адрес советского руководства, которому, как говорит Евгений Максимович, даже не решились доложить о предложениях Бегина. Так негибкость обеих сторон, как он считает, привела к тому, что была упущена возможность восстановить отношения между двумя странами еще в 1977 г.

Критические голоса в адрес политики правительства в отношении СССР раздавались и в Израиле. Так, Х. Герцог, являвшийся в 1970-х гг. израильским представителем в ООН и имевший личные знакомства со многими представителями советского МИДа, писал в свое время, что он убежден в том, что позиция правительства Израиля в вопросе отношений с СССР была пассивной, она не отличалась находчивостью, сообразительностью и инициативностью. По его мнению, неоднократно были упущены возможности установить мосты между Иерусалимом и Москвой. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. после смены власти в Израиле «чувствовалась определенная закрытость со стороны правительства Израиля в вопросах, касающихся отношений с Советским Союзом»¹⁵⁴.

Действительно, на протяжении двух десятилетий израильское правительство в публичной сфере всячески демонстрировало низкую заинтересованность в восстановлении дипломатических отношений с Советским Союзом. Много лет израильские руководители выдвигали в качестве условий нормализации отношений то, что инициатива должна исходить от советской стороны. Согласие Израиля на участие СССР в процессе урегулирования ближневосточных проблем обуславливалось восстановлением отношений. Правые лидеры (Бегин, Шамир), как уже было сказано выше, ужесточили эту позицию условием «свободы возвращения на историческую землю для всех евреев, желающих этого».

В то же время документы свидетельствуют, что израильтяне очень интенсивно лоббировали вопрос о восстановлении отношений на

разных дипломатических уровнях, в международных организациях, по каналам партийных связей. Этот вопрос всегда поднимался израильской стороной на немногочисленных встречах Громыко с министрами иностранных дел Израиля в период работы сессий Генеральной Ассамблеи ООН (с И. Алоном в сентябре 1975 г., с И. Шамиром в сентябре 1981 г. и в 1984 г.). Он постоянно фигурировал в беседах израильских представителей при ООН с советскими представителями, поднимался израильскими послами в неофициальных беседах с советскими дипломатами в европейских столицах и в Вашингтоне¹⁵⁵

Зондаж возможности восстановления дипотношений проводился по линии международных еврейских организаций. В апреле 1975 г. бывший президент Всемирного еврейского конгресса Н. Гольдман в беседе с советским послом в Вашингтоне предложил учредить в Тель-Авиве советскую миссию защиты интересов во главе с временным поверенным в делах. Это, с его точки зрения, способствовало бы продвижению мирного урегулирования арабо-израильского конфликта и нашло бы положительный отклик среди израильской общественности¹⁵⁶. В августе 1983 г. заведующий международным отделом правления Социал-демократической партии ФРГ И. Дингельс передал главе советского посольства в Бонне обращение лидеров Партии труда, находившейся тогда в оппозиции, в котором выражалось намерение скорректировать курс в отношении СССР¹⁵⁷. Израильские лейбористы, как и ликудовские лидеры понимали, что нормализация отношений с Советским Союзом необходима не только для решения практических вопросов, в частности, связанных с выездом евреев, но и является важным фактором в укреплении международного престижа страны.

К налаживанию отношений с Израилем подталкивали Советский Союз в этот период и Соединенные Штаты. Госсекретарь С. Вэнс считал, например, что шаги Советского Союза в этом направлении могли бы оказать глубокое воздействие на еврейские круги в США, которые выступали в роли активных сторонников любых антисоветских акций и противостояли любым советско-американским договоренностям, в том числе в сфере разоружения. Рассматривая Советский Союз как непримиримого врага Израиля, активисты произраильского движения считали, что для выживания еврейского государства необходимо сохранять определенный уровень напряженности между СССР и США. Это обеспечит поддержку американской общественности в целом в оказании финансовой, материальной, моральной помощи Израилю. Анализируя эту ситуацию, Вэнс говорил послу Добрынину, что

восстановление отношений с Израилем «радикальным образом изменило бы настрой этих влиятельных кругов в отношении СССР и позволило бы самой администрации более энергично и более предметно проводить курс на улучшение отношений с СССР»¹⁵⁸.

Казалось бы, многое говорило за то, что возобновление дипотношений с Израилем соответствовало не только советским интересам на Ближнем Востоке, но и в более широком плане могло бы позитивно отразиться на сотрудничестве СССР с США, с западными странами. Однако на все запросы относительно обсуждения этой проблемы, приходившие по дипломатическим каналам, МИД СССР либо отвечал молчанием, либо использовал устоявшиеся формулировки об агрессивной политике Израиля, которая не позволяет устанавливать с ним отношения по государственной линии. Вновь, со слов посла Добрынина, хорошо ориентировавшегося в раскладе сил в верхних эшелонах советской власти, следует повторить, что главными противниками восстановления дипломатических отношений с Израилем были Громыко и Суслов, которые упорно выдвигали условием этого шага официальное соглашение о полном уходе Израиля со всех оккупированных им арабских земель. Уже и в 1984 г. при встрече с израильским министром иностранных дел Шамиром во время работы XXXIX сессии Генеральной Ассамблеи Громыко вновь повторял: «Ведь невозможно поверить в то, что арабский мир, международное общественное мнение когда-либо смирятся с экспансионистской политикой Израиля. ...Может быть, не завтра и не послезавтра, но рано или поздно справедливость восторжествует и арабские земли Израиль будет вынужден возвратить арабам»¹⁵⁹. Брежнев, как писал Добрынин, готов был пойти на какие-то шаги в направлении налаживания отношений с Израилем ради улучшения отношений с Америкой, «но, считаясь с оппозицией в Политбюро, он их так и не сделал»¹⁶⁰.

Среди советской партийной и государственной номенклатуры господствовала убежденность в том, что следование исключительно проарабской линии принесет СССР необходимые дивиденды на Ближнем Востоке. Этой магистральной установки придерживались и работавшие в регионе посольства и представители спецслужб (КГБ, ГРУ), умело выстраивавшие содержание своих донесений в такой форме, которая не противоречила бы господствовавшим в Москве представлениям и не раздражала бы вышестоящих товарищей. Никому не хотелось навлекать на свою голову недовольство начальства, чреватое досрочным отзывом на родину. Но все же дипломатическая переписка не могла вестись по правилам пропаганды. Высшее совет-

ское руководство было информировано и о динамике сдвигов в расстановке политических сил на Ближнем Востоке, и о намерениях ряда ведущих арабских режимов играть на противостоянии СССР и США для достижения собственных целей. Знали в Москве и о реальных угрозах Израилю, исходящих не только от палестинского терроризма, но и связанных с патологической враждебностью большинства арабских стран к самому факту существования этого государства.

Свою роль в «просвещении» советского руководства о реалиях современного Ближнего Востока играли итоговые документы ситуационных анализов – закрытых экспертных совещаний, проводившихся со второй половины 1970-х гг. в московских академических институтах. В Институте востоковедения АН СССР, например, эта практика получила развитие после того, как в конце 1977 г. его возглавил Е.М. Примаков. По рассказам одного из постоянных участников ситанализов по Ближнему Востоку, на эти мероприятия приглашались академические сотрудники, способные высказывать свежие, неординарные идеи. Участвовали и сотрудники МИД СССР, которых отбирал сам Примаков, исходя из их способностей мыслить нестандартно, не замыкаться в узких идеологических рамках. Итоговые документы этих совещаний читали высшие руководители, включая Брежнева. Об этом, в частности, свидетельствовало поступившее к началу 1980-х гг. указание прилагать к основному документу полторастраничное резюме – большой текст престарелому генсеку прочесть было уже тяжело.

Эзоповский язык был неизменной формой изложения итоговых документов. Любой, даже самый малый намек на несостоятельность советской политики в регионе мог поставить проект ситанализов под угрозу закрытия. Но все же эти документы давали правдивую картину положения на Ближнем Востоке. В высших эшелонах власти с ними знакомились, но продолжали придерживаться прежней линии, которая диктовалась идеологическими соображениями, а также опасениями внести диссонанс в систему, созданную этими властями.

Отсутствие дипломатических отношений с Израилем, постоянная публичная демонстрация враждебности к нему и ожесточенное нежелание считаться с израильскими интересами безопасности лишали Москву возможности оказывать какое-либо позитивное влияние на ближневосточное урегулирование. Выдвинув принцип

всеобъемлющего урегулирования конфликта на многосторонней мирной конференции, советская сторона не занималась его практическим продвижением. У нее не было активных контактов со всеми сторонами конфликта, которые можно было бы использовать для запуска политических процессов, создающих благоприятную среду для ведения переговоров. Американская политика, направленная на монополизацию посреднической роли в арабо-израильских переговорах, отрезала Советский Союз от мирного процесса.

Заключенные в сентябре 1978 г. кэмп-дэвидские соглашения между Египтом и Израилем, а затем египетско-израильский мирный договор (март 1979 г.) вызвали резко отрицательную советскую реакцию. Хотя установление пусть и холодного, но мира между Израилем и Египтом можно было бы рассматривать как прорыв в урегулировании ближневосточного конфликта, но СССР вместе с арабским миром расценили его как предательство Садатом интересов арабов. В официальных документах эти договоренности назывались сговором, заключенным при участии США за спиной арабов, капитулянтством египетского руководства перед израильским агрессором, который таким образом получает возможность удерживать захваченные арабские земли и противостоять осуществлению неотъемлемых национальных прав арабского народа Палестины. Москва и декларативно, и на практике фактически солидаризировалась с наиболее радикальными силами в арабском мире в требовании противостоять достигнутым договоренностям и вести работу в целях их срыва¹⁶¹. Советский Союз поддерживал дружественные ему, но крайне радикальные режимы, например, в Ливии и Южном Йемене, в их отрицании мира с Израилем, поощрял Сирию, ставшую одним из организаторов антисадатовского, антиамериканского Фронта стойкости и противодействия¹⁶².

Занятая СССР позиция в отношении египетско-израильских договоренностей сильно подрывала его имидж как претендента на миротворческую роль в регионе. Израильские авторы указывали, что для Москвы, по всей видимости, не важно, что кэмп-дэвидские соглашения и египетско-израильский мирный договор положили конец опасности войны между двумя странами, но важно то, что они были заключены без участия и при намеренном исключении Советского Союза, обеспечивая преимущество США в ближневосточных делах. В глазах израильских граждан такая позиция означала, что СССР не столько стремится содействовать достижению мира, сколько озабочен поис-

ками решения, которое наилучшим образом отвечало бы советским интересам в регионе¹⁶³.

Можно предположить, что вовлеченность СССР в египетско-израильские переговоры могла бы сделать достигнутые договоренности более приемлемыми для Москвы. Много лет спустя Примаков, один из самых жестких критиков египетско-израильской «сепаратной сделки», писал: «Само подписание египетско-израильского мирного договора могло бы стать по большому счету шагом вперед. Но то, что Садат спасовал, сдал позиции, которые могли привести к *непрерывности* процесса урегулирования – этот факт трудно опровергнуть»¹⁶⁴. По-видимому, Садату не хватило не только политической воли, но и времени для реализации поставленных в кэмп-дэвидских соглашениях целей – он был убит в октябре 1981 г. Не способствовали политическому урегулированию и противоречия между арабскими странами, особенно усугубившиеся после Кэмп-Дэвида. А ведь в Израиле были силы, которые видели в договоренностях с Египтом начальный этап урегулирования всех территориальных проблем. Бывший премьер-министр, депутат И. Рабин, выступая на заседании Кнессета в сентябре 1978 г., посвященном утверждению кэмп-дэвидских соглашений, говорил, что их важнейшим преимуществом является то, что «они дают возможность сторонам постепенно продвигаться к политическому решению острой проблемы Западного берега»¹⁶⁵. При наличии нормальных отношений с Израилем Советский Союз мог бы играть позитивную роль в урегулировании, опираясь на израильских политиков центристского и левого спектров, признававших необходимость территориального компромисса. Тем более что в высших эшелонах советского внешнеполитического ведомства, судя по всему, были и те, кто считал ошибочной занятую Советским Союзом позицию по Кэмп-Дэвиду. Так, посол Добрынин, правда, уже много лет спустя писал в своих воспоминаниях: «Мне, как послу, было обидно наблюдать за церемонией подписания договора, знаменовавшего, по существу, помимо прочего, крупный просчет и поражение советской дипломатии»¹⁶⁶. Однако советско-американская латентная конфронтация на Ближнем Востоке диктовала свои условия, и понадобилось около десяти лет, чтобы США и СССР вновь встали на путь совместных поисков урегулирования ближневосточного конфликта.

2.5. Ближневосточная политика СССР в начале 1980-х гг. и отношение к Израилю

Кэмп-Дэвидские договоренности, уход Египта из сферы советского влияния стали для СССР серьезным политическим поражением. Правда, частично его последствия компенсировались неприятием египетских сепаратных действий почти всем арабским миром. Египет подвергся жесткому осуждению даже со стороны арабских консервативных режимов, было приостановлено его членство во всех общеарабских организациях, большинство арабских стран разорвали с Египтом дипломатические отношения.

Мирный договор с Египтом – самой мощной и влиятельной арабской страной – не только выводил его из конфронтации с Израилем, но и практически ограничивал его свободу действий на региональной арене. В пункте 5 статьи VI договора оговаривалось преимущественное действие обязательств сторон, взятых в соответствии с данным договором, по отношению к любым другим их обязательствам¹⁶⁷. По мнению многих специалистов, в том числе и израильских, это открывало перед Израилем возможность более свободных действий в регионе и позволило осуществить бомбардировку иракского ядерного реактора в июне 1981 г., а затем израильское вторжение в Ливан в июне 1982 г. Израильская исследовательница советской политики Г. Голан писала: «Возможно, правда и в том, что если бы арабский мир был в то время сплоченным, Израиль не напал бы (на Ливан); советская критика египетского предательства антиизраильского лагеря в этом смысле была справедливой»¹⁶⁸.

К числу негативных последствий Кэмп-Дэвида советская сторона относила и ряд принятых в Израиле мер, фактически снимавших ограничения на строительство израильских поселений на Западном берегу и в Газе, и принятие Основного закона, провозглашавшего «весь объединенный Иерусалим» вечной и неделимой столицей Израиля (июль 1980 г.), и распространение израильской юрисдикции на Голанские высоты (декабрь 1981 г.)

Особое беспокойство в Советском Союзе вызывала создававшаяся египетско-израильским договором перспектива расширения постоянного американского военного присутствия в регионе. Американская сторона брала на себя обязательства обеспечивать функционирование на Синае станций слежения, а также направить

собственный военный контингент для контроля за выполнением договора в случае, если ООН будет не в состоянии этого сделать.

Ослабление советских позиций в зоне ближневосточного конфликта вследствие кэмп-дэвидского мира заставляло Москву делать ставку на тех региональных игроков, которые являлись наиболее радикальными противниками египетско-израильских договоренностей. В военном и в политическом плане главное внимание было перенесено на Сирию и ООП, хотя советское руководство понимало, что они не являются адекватной заменой Египта. В октябре 1980 г. с Сирийской Арабской Республикой был заключен договор о дружбе и сотрудничестве сроком на двадцать лет. С 1960-х гг. СССР поддерживал тесные связи с сирийскими режимами различной идеологической ориентации, а антиамериканизм президента Х. Асада и потребности Сирии в советской помощи, прежде всего военной, предопределили специфику отношений.

Связи с Организацией освобождения Палестины с середины 1970-х гг. стали важным компонентом в советской ближневосточной политике, позволившим блокировать реализацию американо-израильских схем урегулирования по модели Кэмп-Дэвида. Намерениям Израиля и США решать палестинскую проблему посредством договоренностей о судьбе палестинцев с Египтом или с Иорданией советская дипломатия противопоставляла требование о необходимости привлекать к этому процессу ООП как единственного и законного представителя палестинского народа. СССР признал за ООП этот статус вскоре после подписания кэмп-дэвидских соглашений в ноябре 1978 г. В октябре 1981 г. представительство ООП в Москве получило дипломатический статус. СССР снабжал ООП оружием и снаряжением. Палестинцы наряду с военнослужащими из других арабских стран проходили военную и политическую подготовку в специальных советских центрах, наиболее известные из которых располагались в Баку, Ташкенте, Одессе и в Подмоскowie¹⁶⁹. Большой объем документов, подтверждающих эти факты, попал в руки израильской армии во время войны в Ливане в 1982 г. и был частично опубликован¹⁷⁰.

В западных и израильских публикациях Советскому Союзу адресовалось немало обвинений в том, что он поощряет террористическую деятельность ООП. Так, в американском журнале "Foreign Affairs" весной 1982 г. израильский министр иностранных дел И. Шамир писал: «Советское правительство постоянно наращивает свою политическую и военную поддержку ООП, вопреки, а, может быть, именно из-за

центральной роли этой организации в международном терроризме и провозглашенной ею цели уничтожения Израиля и его населения»¹⁷¹. На официальном уровне советские представители всегда осуждали международный терроризм, характеризуя его как авантюристическую деятельность, объективно служащую интересам классовых врагов и силам международной реакции. Известный советский политический деятель и дипломат А.С. Дзасохов, много лет занимавшийся Ближним Востоком, например, утверждал: «Если палестинцы проявляли экстремизм, прибегали к терроризму, это очень серьезно снижало температуру советско-палестинских отношений. Почти каждый раз палестинское руководство вынуждено было давать объяснения своим акциям»¹⁷². Именно поэтому отношение московских властей к ООП на начальном этапе ее существования было весьма прохладным. Действия ее бойцов в советской прессе до 1968 г. нередко характеризовались как реакционные, авантюристические и ультрареволюционные. На более поздних этапах, когда Советский Союз понес серьезные потери на Ближнем Востоке, а лидеры ООП установили тесные связи с арабскими режимами, пользовавшимися поддержкой СССР, происходило сближение не только с умеренным руководством ФАТХа, но и с такими организациями, как Народный фронт освобождения Палестины, Демократический фронт освобождения Палестины. Эти группировки имели репутацию военизированных подразделений и являлись организаторами террористических атак как в Израиле, так и за его пределами. Однако в советской интерпретации их действия являлись частью национально-освободительной борьбы палестинского народа и поэтому не могли квалифицироваться как «международный терроризм». Само Палестинское движение сопротивления, в соответствии с советской доктриной, вписывалось в разряд антиимпериалистических, а, следовательно, способствовало продвижению советских интересов. Этим организациям и ряду других, более мелких палестинских группировок, входивших в ООП и замешанных в террористической деятельности, оказывалась военная и финансовая помощь в режиме полной секретности по каналам спецслужб¹⁷³. Поэтому в советских официальных документах, касающихся ближневосточного конфликта, трудно отыскать какие-либо слова осуждения террористических актов, осуществлявшихся палестинскими экстремистами. Если политика Израиля клеймилась в резких, порой даже грубых выражениях, то о терроризме как страшном зле нашего времени независимо от того, осуществляется ли он отдельными лицами, организациями или госу-

дарствами, на официальном уровне заговорили лишь спустя несколько лет, уже во времена Горбачева.

В Израиле считали недопустимыми и в высшей степени аморальными двойные стандарты, применявшиеся СССР в оценке международного терроризма. Израильские аналитики указывали, что, с позиций СССР, международный терроризм достоин осуждения, когда он угрожает советским интересам, но он легитимен, если является частью «национально-освободительного движения» и угрожает врагам СССР¹⁷⁴.

Правда, в условиях конфронтации Восток-Запад двойные стандарты в оценке допустимости применения насилия для достижения тех или иных политических целей были свойственны не только СССР. В конце 1960-х гг. в США и в некоторых западноевропейских странах развернули свою деятельность еврейские экстремистские группировки, наиболее известной среди которых была Лига защиты евреев во главе с М. Кахане, возникшая на почве борьбы за свободу выезда советских евреев. Особую активность они развивали в Вашингтоне и Нью-Йорке. 20 ноября 1969 г. молодчики из Лиги ворвались в офисы советского телеграфного агентства ТАСС в Нью-Йорке, 5 дней спустя они произвели взрыв в здании, где находились офисы Аэрофлота и Интуриста. Они организовывали митинги и демонстрации напротив советской миссии в ООН, буквально преследовали советских дипломатов, членов их семей, их детей, публично оскорбляли их, уродовали их машины.

Руководство еврейских организаций США не поддерживало Кахане и избегало участия в акциях Лиги. Тем не менее, среди американских евреев и в Израиле росло число сторонников и сочувствующих этому праворадикальному направлению.

Израильское правительство выступало с резким осуждением террористических акций, имевших место в США и других странах в рамках борьбы в защиту советских евреев¹⁷⁵. Однако М. Кахане, переехав в Израиль и перенеся свою политическую деятельность и свою идеологию на израильскую почву, даже стал депутатом Кнессета. Только в преддверии выборов в 1988 г. Центральная избирательная комиссия большинством голосов отказала в регистрации избирательному списку Ках во главе с М. Кахане как расистскому и представляющему опасность для демократии.

Американские власти прилагали усилия по борьбе с еврейскими экстремистами и характеризовали их деятельность как бессмысленные и трусливые акты насилия. Меры по сдерживанию экстремистов,

негативное отношение западной и израильской общественности к их деятельности предотвратили ее перерастание в более жестокие формы. Но частота атак, длительность существования во времени самих экстремистских группировок заставляют предположить, что применявшаяся ими тактика устрашения как способ давления на Советский Союз представляла интерес для определенных политических групп. Так, посол Добрынин, рассказывая о советско-американских отношениях в начале 1980-х гг., писал: «В начале года (1983 – *Т.Н.*) продолжались враждебные террористические акции против советских учреждений в США. 17 февраля у здания представительства Аэрофлота в Вашингтоне (недалеко от посольства) была взорвана бомба. Шульц (госсекретарь США в тот период – *Т.Н.*) принес извинения. Однако злоумышленников, как всегда, не нашли»¹⁷⁶. Так что Запад тоже не чурался подыгрывать в своих интересах тем, кто считал террор допустимым средством для решения политических проблем.

В начале 1980-х гг. в Израиле значительно повысился градус антисоветских настроений. Правое правительство Бегина, в котором пост министра обороны занял один из наиболее жестких израильских «ястребов» А. Шарон, отчетливо стало позиционировать себя как защитника жизненно важных интересов «свободного мира» в регионе. Непродуманная, порой граничившая с авантюризмом советская политика в различных регионах «третьего мира» – ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г., военное вмешательство СССР в Анголе, Намибии, Мозамбике, Эфиопии – воспринималась в противоположном лагере как демонстрация его возросших возможностей утверждать свое военное присутствие далеко за пределами традиционного евразийского театра. Реальной, с точки зрения противников Советского Союза, становилась перспектива советской экспансии в районах морских транспортных путей в Средиземном и Красном морях, в Индийском океане, контроль над которыми традиционно осуществлялся Западом. Развитие связей с Ираком, Сирией, Ливией, Алжиром, Южным Йеменом, а также с ООП рассматривалось, и не без оснований, не только как «вклад» СССР в поддержание конфронтации с Израилем, но и как угроза перехода всего региона под советский политико-стратегический патронаж. В одном из своих программных выступлений в Тель-Авивском университете в декабре 1981 г. Шарон пугал Запад: «Самой большой угрозой для свободного мира в 1980-х гг. будет прежняя погруженность в благостное бездействие, которое характеризовало западное отношение к постепенной советской экспансии в последние два десятилетия»¹⁷⁷.

Советская угроза эксплуатировалась ликудовскими министрами и как аргумент в пользу собственной позиции, категорически отвергавшей возможность создания палестинского государства на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа. В двадцать первом веке израильский правый лагерь убеждает израильскую и мировую общественность в том, что палестинское государство на соседних с Израилем территориях неминуемо превратится в прибежище исламских экстремистов, манипулируемых из Ирана. Точно так же в 1982 г. министр иностранных дел И. Шамир утверждал, что палестинское арабское государство к западу от реки Иордан – это путь к анархии, созданию базы для террористов и для советского проникновения¹⁷⁸.

Усиление антисоветской риторики, видимо, объяснялось и новым уровнем взаимоотношений Израиля с США. В ноябре 1981 г. между двумя странами был подписан меморандум о взаимопонимании в области стратегического сотрудничества. Своим острием он был направлен против «советской угрозы». В преамбуле этого документа говорилось, что «стороны признают необходимость повышения уровня стратегического сотрудничества для сдерживания всех угроз региону, исходящих от Советского Союза»¹⁷⁹, что фактически еще больше втягивало Израиль в глобальное противостояние. Правда, администрация президента Рейгана приостановила действие меморандума после распространения израильской юрисдикции на Голанские высоты в декабре 1981 г., опасаясь негативных для себя последствий в арабском мире. Однако в ноябре 1983 г. он был возобновлен в американско-израильском соглашении о стратегическом сотрудничестве, в рамках которого создавался совместный военно-политический комитет. Одной из его основных целей являлось обсуждение средств противодействия угрозам, возникающим вследствие возрастающего советского вмешательства на Ближнем Востоке.

Таким образом, в начале 1980-х гг. произошло формальное закрепление американско-израильского стратегического альянса. Его формирование на протяжении двух предыдущих десятилетий было обусловлено как задачами обеспечения безопасности Израиля, так и американскими потребностями в создании мощного регионального партнера, который стал бы опорой в борьбе с продвижением СССР.

Американско-израильское стратегическое партнерство выходило на новый уровень на фоне резкого ухудшения советско-американских отношений в начале 1980-х гг., в период президентства Р. Рейгана. Добрынин характеризовал, например, 1983 г. как самую низкую точку в советско-американских отношениях со времен начала «холод-

ной войны». Это было связано, прежде всего, с советской интервенцией в Афганистане, обеспечившей правым силам в американском руководстве весомый аргумент в пользу того, что Советский Союз уже в практическом плане перешел на рельсы агрессивной политики и реально создает глобальную угрозу для США. Курс на разрядку был окончательно разрушен, начался новый виток гонки вооружений. Прекратилось всякое сотрудничество между Москвой и Вашингтоном и по проблемам Ближнего Востока. «Белый дом четко сформулировал свой подход: позиции обеих столиц резко расходятся, что не дает оснований ожидать какой-либо договоренности»¹⁸⁰.

«Похолодание» в советско-американских отношениях, по всей видимости, сыграло свою роль в том, как оценивалось в Советском Союзе израильское вторжение в Ливан в июне 1982 г. Советские официальные заявления довольно в резкой форме, но, в общем, справедливо характеризовали вторжение Израиля в Ливан как операцию, направленную на уничтожение Палестинского движения сопротивления с тем, чтобы снять с повестки дня вопрос о реализации законных прав палестинцев, а также установить свой контроль над Ливаном. Но особый упор делался на то, что «израильская агрессия» предпринята с согласия и при поддержке Вашингтона и является следствием кэмп-дэвидской сделки и американо-израильского «стратегического сотрудничества»¹⁸¹.

Именно в этом ключе совпадения американских и израильских целей ливанская война рассматривалась и в советской аналитике. В советских публикациях отмечалась общая заинтересованность США и Израиля в разгроме ООП, ослаблении позиций Сирии, превращении Ливана в американо-израильское марионеточное государство, а также в создании условий для расширения американского военного присутствия в регионе и в дальнейшем распространении сепаратного процесса урегулирования на арабские государства. Очевидно, что советская сторона видела в этих целях не только анти-арабскую направленность, но и прямой ущерб собственным региональным интересам. Аспект обеспечения собственно безопасности Израиля, ради чего в первую очередь и затевалась вся операция под названием «Мир Галилее», советскими специалистами не обсуждался. Более того, версия Израиля о том, что его нападение на Ливан диктовалось необходимостью оградить север страны от постоянной военной и террористической угрозы, называлась фальшивой¹⁸².

К началу 1980-х гг. ООП сконцентрировала в Ливане значительный военный потенциал, который дополнялся современными про-

тивовоздушными ракетными установками советского производства на вооружении Сирии, войска которой с 1976 г. дислоцировались на территории Ливана. Свои возросшие возможности наносить удары по северным израильским городам и кибуцам ООП продемонстрировала во время спровоцированных израильской армией военных действий в июле 1981 г. Кроме того, с баз ООП в Ливане засылались террористы для совершения терактов против гражданского населения в Израиле. Правительство Бегина, начиная военные действия в Ливане, намеревалось ликвидировать или значительно ослабить позиции ООП в соседней стране. Бегин признавал, что операция «Мир Галилее» не относилась к категории так называемых безальтернативных войн, какой была, с его точки зрения, например, война 1967 г. «Мы могли бы и дальше наблюдать, как калечат наших граждан в Метулле или в Кириат Шмоне или в Нагарии. Мы могли бы и дальше подсчитывать количество убитых взрывами в супермаркете Иерусалима или на автобусной остановке в Петах Тикве. Все команды об этих убийствах и актах саботажа исходили из Бейрута», – говорил израильский премьер-министр, объясняя в августе 1982 г. причины вторжения в Ливан¹⁸³.

Израильское руководство поставило американскую администрацию в известность относительно своих намерений дать отпор ООП и отбросить ее военные базы от своих северных территорий. Американцы знали и о том, что посредством вооруженной операции израильтяне рассчитывали подорвать влияние ООП на Западном берегу и в Газе, нанести удар по ее позициям на международной арене. Возможность реализовать даже эти ограниченные цели оценивалась не без скептицизма некоторыми высокопоставленными американскими чиновниками. «Израильское правительство считает, что оно столкнулось с палестинской проблемой из-за ООП, а не наоборот, что проблема ООП возникла потому, что существуют палестинцы»¹⁸⁴, – говорили они. Вопрос о том, дал ли Вашингтон «зеленый свет» Израилю на вторжение в Ливан, долгое время оставался предметом обсуждений в западных публикациях. В конечном итоге с уверенностью можно сказать лишь одно: «красный свет» включен не был. К тому же Шарон был известен как человек, который будет действовать по-своему, какой бы свет ему ни зажгли.

Конечно, в операции «Мир Галилее» просматривалась прямая связь между американской концепцией стратегического партнерства и реальными геополитическими преимуществами, которые получал Вашингтон от поражения ООП, нанесенного ей Израилем, от проде-

монстрированного Израилем угрожающего военного превосходства над Сирией. Военные победы Израиля в Ливане не только укрепили его собственную безопасность. Через них посылался сигнал всему миру о силе и решимости союзника Соединенных Штатов, что в свою очередь повышало доверие к американским возможностям.

В то же время, по мере того, как израильские военные действия в Ливане выходили за рамки ограниченной операции и превращались в полномасштабную войну с большими жертвами среди мирного населения, американцы предпринимали усилия по сдерживанию своего стратегического партнера, переходившего границы дозволенного. При их посредничестве 11 июня было достигнуто перемирие с Сирией. Жестокие израильские бомбардировки Бейрута и осада города повлекли приостановку американских поставок некоторых видов вооружения. Рейган направил Бегину выдержанное в жестких тонах заявление с требованием соблюдать перемирие в Бейруте. В связи с войной в Ливане госсекретарь Хейг, считавшийся слишком произраильским, в конце июня 1982 г. был заменен на Шульца, обладавшего хорошими связями в арабском мире.

Важным успехом американской дипломатии в ходе ливанской войны стало достигнутое при американском посредничестве соглашение о выводе сил ООП и эвакуации самого Арафата из Бейрута. Благодаря выходам на все стороны конфликта американцы согласовали между Израилем, Сирией, ООП и Ливаном план передислокации ООП, а также получили согласие сторон на его осуществление под наблюдением и при помощи многонациональных сил (МНС), в которые помимо американских морских пехотинцев вошли французские и итальянские подразделения. К 1 сентября 1982 г. из Ливана морским путем было эвакуировано около 8 тыс. палестинских бойцов, еще около 6 тыс. были переправлены по суше в Сирию¹⁸⁵. По завершении этой операции МНС были выведены из Ливана¹⁸⁶.

На фоне американской активности советская политика в ливанском кризисе выглядела весьма бледно. Не имея серьезных позиций в Ливане, будучи отрезанным от контактов с Израилем, СССР оказался не в состоянии оказать помощь ООП в момент самых тяжелых для нее испытаний, несмотря на все предыдущие тесные отношения с этой организацией. В отношении Сирии Москва проявляла сдержанность, избегая ситуации прямого участия в военных действиях. Правда, для компенсации сирийских потерь в ливанской войне уже осенью 1982 г. Сирия получила новейшие ракетные комплексы

САМ-5, а позже ракеты СС-21, став первой страной за пределами Варшавского договора, в которой были размещены эти вооружения. Значительно возросло число советских военных советников в Сирии. По оценкам советских руководителей, Сирия оставалась главным звеном в противостоянии американско-израильским планам в регионе.

Обозреватели отмечали, что советские заявления по поводу войны в Ливане были выдержаны в более мягких тонах, чем в предыдущих военных конфликтах на Ближнем Востоке. Советское правительство всего лишь «предупреждало Израиль» о том, что события на Ближнем Востоке, расположенном в непосредственной близости от южных границ Советского Союза, «не могут не затрагивать интересов СССР». Брежнев указывал Рейгану, что если американские войска окажутся в Ливане, «то Советский Союз будет строить свою политику с учетом этого факта»¹⁸⁷. Ни угроз прямого военного вмешательства, ни запугивания Израиля тем, что ему придется дорого заплатить за свои агрессивные действия, советские заявления на сей раз не содержали. С трибун ООН советские представители, правда, высказывали самое резкое осуждение в адрес «израильских варваров» и их «заокеанских хозяев» вплоть до обвинений в геноциде палестинского народа и сравнения действий Израиля с гитлеровскими фашистами во время второй мировой войны. Но в ливанском кризисе роль ООН оказалась, как никогда прежде, малозаметной.

Многие авторы высказывали мнение, что реакция Советского Союза на события ливанской войны говорила об определенном снижении его внимания к ближневосточному региону. С точки зрения внешнеполитических приоритетов, на первый план вышла ситуация в Восточной Европе, волнения в Польше, возглавлявшиеся профсоюзом «Солидарность». В Афганистане советские войска несли тяжелые потери, бесперспективная военная интервенция подрывала позиции СССР на международной арене, резко снижала симпатии к нему среди мусульман в арабском мире. На самом Ближнем Востоке центр напряженности сместился в зону Персидского залива, где в 1981 г. началась ирано-иракская война.

Внутри страны «увядал» режим Брежнева. Старели и уходили из жизни занимавшие в течение многих лет высокие государственные должности люди. Среди высшего партийного руководства шла борьба за власть. Совокупность этих факторов и предопределила то, что арабо-израильский конфликт не был в числе вопросов первостепенной важности.

В последующий период выдвигавшиеся Москвой собственные предложения по ближневосточному урегулированию скорее походили на заявления в пике американской политике и планам, чем были рассчитаны на какое-то практическое воплощение. Незадолго до своей кончины в ноябре 1982 г. Брежнев выступил с собственным планом урегулирования в ответ на «план Рейгана» от 1 сентября 1982 г. Он был изложен Генеральным секретарем ЦК КПСС на встрече с руководством Народно-Демократической Республики Йемен 15 сентября 1982 г. Нельзя сказать, чтобы оба плана абсолютно противоречили друг другу: вполне совместимы с советской точкой зрения были американская позиция о необходимости реализации национальных прав палестинцев, осуждение Израиля в связи с захватом им дополнительных территорий путем строительства поселений, предложение о решении вопроса о статусе Иерусалима путем переговоров. Однако в стремлении предотвратить любые сепаратные соглашения и добиться созыва международной конференции для всеобъемлющего урегулирования конфликта советская сторона не признавала никаких компромиссов. Выдвинутые в июле 1984 г., уже при Андропове, советские предложения о принципах ближневосточного урегулирования как раз и являлись образцом такого негибкого, ориентированного исключительно на арабов подхода, что лишало их практической ценности¹⁸⁸.

Президент Рейган, в свою очередь, всячески подчеркивал антисоветскую направленность своей политики на Ближнем Востоке, которая должна предотвратить включение этого региона в советский блок. Советская пропаганда отвечала осуждением Вашингтона и Тель-Авива за то, что они хотят подчинить весь этот район своему военно-политическому контролю. Советский Союз декларировал свою солидарность с палестинским народом, с народами Ливана, Сирии, других арабских стран, подчеркивал важность активизации всех миролюбивых сил. Но при этом совершенно замалчивалась та ситуация, которая сложилась в Израиле в связи с ливанской войной.

Лишь мельком, походя в советских публикациях говорилось о том, что потери израильской армии в Ливане, затяжной характер операции вызвали усиление антиправительственных настроений в Израиле. Советским людям ни к чему было знать, что события в Ливане стали настоящим пробным камнем для израильского общества в его отношении к войне и насилию как способам решения проблем собственной безопасности. Критика действий правительства высказывалась не только на страницах печати, оппозиционными полити-

ческими деятелями. 100 тыс. израильтян вышли на демонстрацию протеста в Тель-Авиве в июне 1982 г. А уже в сентябре этого года на демонстрацию вышло 400 тыс. человек. Никогда еще в период военных действий Израиль не знал таких массовых антиправительственных выступлений. По опросам общественного мнения, в начале июня 1982 г. только 13% израильтян являлись противниками вторжения в Ливан. Но после безжалостных бомбардировок Бейрута, после резни в палестинских лагерях Сабра и Шатила, устроенной ливанскими фалангистами¹⁸⁹ при попустительстве израильских военных, после того как израильская армия стала превращаться в оккупантов, 60% израильтян весной 1983 г. сказали нет такой операции «по установлению мира»¹⁹⁰. До сих пор в памяти израильтян, особенно тех, кто принимал участие в боевых действиях, хранятся тяжелые переживания, связанные с ужасом и античеловечностью войны. В 2009 г. израильский режиссер С. Маоз, бывший танкист, сделал фильм «Ливан», в котором очень выразительно изображена беспомощность и обреченность каждого человека, независимо от его национальности и вероисповедания, перед безжалостным и неумолимым богом войны. Ливанская война остается одной из самых болезненных тем, дискутируемых в израильском обществе.

Советскому читателю не рассказывали и о том, что по следам трагических событий в палестинских лагерях Сабра и Шатила в Израиле, в соответствии с существующей практикой, была создана специальная следственная комиссия, названная по имени ее главы комиссией Кахане. Доклад комиссии Кахане, опубликованный в феврале 1983 г., установил виновность ряда высших военных и политических деятелей за убийство палестинцев в Ливане и, по ее рекомендациям, министр обороны Шарон был смещен со своего поста. Обо всем этом нельзя было упоминать в советской печати, т. к. это разрушало созданный советской пропагандой образ свирепого агрессора и беспощадного убийцы арабов. К тому же эти факты наглядно свидетельствовали о демократичности политической системы Израиля, о роли общественного мнения в формировании его политики, что совсем не вписывалось в создаваемую советскими партийными идеологами картинку.

¹ В марте 1969 г. Насер публично признал, что Египет ведет «войну на истощение» против Израиля. В августе 1970 г. между сторонами было достигнуто соглашение о прекращении огня. В большинстве исследований «войну на истощение» ограничивают именно этими хронологическими рамками, хотя обмены военными ударами в зоне Суэцкого канала после июня 1967 г. происходили и на более ранних этапах.

² Ук. соч. *Васильев А. С.* 92.

³ С января по апрель 1970 г. израильская авиация совершила тридцать четыре глубоких авианалета на территорию Египта (*Bar-Siman-Tov Y. Israel, the Superpowers and the War in the Middle East.* N.Y.: Praeger Publishers, 1987. P. 165).

⁴ Op. cit. *Golan G.* P. 69.

⁵ Ук. соч. *Васильев А. С.* 97; Ук. соч. *Добрынин А. С.* 244; Op. cit. *Golan G.* P. 73.

⁶ Ук. соч. *Васильев А. С.* 97.

⁷ См., например: Заявление Министерства иностранных дел СССР о положении на Ближнем Востоке от 9 октября 1970 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1986. Документы и материалы. М.: Издательство политической литературы, 1989. С. 119.

⁸ См., например, цит. выше: Ближний Восток. Командировка на войну.

⁹ Ук. соч. Ближний Восток. Командировка на войну. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 60.

¹¹ Op. cit. *Dayan M.* P. 544.

¹² *Bar-Siman-Tov Y.* P. 294, fn. 160.

¹³ Ук. соч. Ближний Восток. Командировка на войну. С. 140.

¹⁴ Там же. С. 56.

¹⁵ *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 143.

¹⁶ ОАР – Объединенная Арабская Республика, в которую с 1958 г. входили Египет и Сирия. В 1961 г. Сирия вышла из ОАР, а за Египтом это название сохранялось до 2 сентября 1971 г., когда страна стала называться Арабская Республика Египет (АРЕ).

¹⁷ *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 144.

¹⁸ Ук. соч. *Виноградов В.* С. 186.

¹⁹ *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 265.

²⁰ UN Security Council: Resolution 242 (November 22, 1967) // *The Israel-Arab Reader.* P. 116.

²¹ Ук. соч. *Добрынин А. С.* 194.

²² Там же. С. 195

²³ Андропов Ю.В. – председатель Комитета государственной безопасности СССР в 1967–1982 гг.

²⁴ Ук. соч. *Добрынин А. С.* 201.

²⁵ Там же. С. 201.

²⁶ Op. cit. *Golan G.* P. 100.

²⁷ *Safran N.* From War to War. The Arab-Israeli Confrontation, 1948–1967. N.Y.: Pegasus, 1969. P. 411.

²⁸ Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 275. С. 600.

²⁹ Ук. соч. *Громько А.А.* С. 269.

³⁰ М.А. Суслов – член Политбюро, секретарь ЦК КПСС; Б. Пономарев – заведующий международным отделом ЦК КПСС.

³¹ Ук. соч. *Зак М.* С. 162.

³² Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 290. С. 623.

³³ СССР и ближневосточное урегулирование. С. 70–72.

- 34 Там же. С. 87–91.
- 35 *Пырлин Е.Д.* Проблема ближневосточного урегулирования в контексте российско-американских отношений // *Ближний Восток: проблемы региональной безопасности*. Сборник статей. М., 2000. С. 197.
- 36 *Meir G.* My Life. L.: Future Publications Ltd., 1979. P. 320.
- 37 Ук. соч. *Зак М.* С. 384.
- 38 Там же. С. 150.
- 39 *Freedman R.O.* Soviet Policy toward the Middle East since 1970. N.Y.; L.: Praeger Publishers, 1978. P. 57.
- 40 *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 268.
- 41 Там же. С. 264–276.
- 42 «Нет» миру с Израилем, «нет» признанию Израйля, «нет» переговорам с Израилем.
- 43 Из «Заявления ТАСС в связи с агрессивным актом Израйля против Египта» от 17 февраля 1970 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. С. 104.
- 44 *Op. cit. Meir G.* P. 323.
- 45 Государственный архив Израйля. Фонд МИД: папка 7246, док. 02.10.1971 (иврит).
- 46 *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 272.
- 47 Ук. соч. *Добрынин А.* С. 220.
- 48 Ук. соч. *Зак М.* С. 150.
- 49 *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 278.
- 50 Государственный архив Израйля. Фонд МИД: папка 7246, 02.10.1971 (иврит).
- 51 Из совместного советско-египетского коммюнике от 11 июля 1968 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. С. 75.
- 52 Ук. соч. *Громыко А.А.* Т. 2. С. 283.
- 53 *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 231.
- 54 Там же. С. 275.
- 55 *Op. cit. Meir G.* P. 141.
- 56 *Op. cit. Dayan M.* P. 497.
- 57 Заявление правительства СССР в связи с вторжением израильской армии на юг Ливана от 18 сентября 1972 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. С. 169.
- 58 *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 275.
- 59 Ук. соч. *Морозов Б.* С. 59.
- 60 [Электронный ресурс] - http://www.angelfire.com/sc3/soviet_jews_exodus/WhoHelped_s/WhoHelpedCleveland.shtml. Режим доступа: 05.12.2014.
- 61 [Электронный ресурс] - <http://clubs.ya.ru/>. Режим доступа: 15.12.2014.
- 62 Ук. соч. *Морозов Б.* С. 62.
- 63 Ук. соч. *Морозов Б.* Док. № 38. С. 133.
- 64 Там же. Док. № 45. С. 165.
- 65 Ук. соч. *Добрынин А.* С. 251.
- 66 Ук. соч. *Морозов Б.* Док. № 38. С. 131–133.
- 67 *Кашеровский Ю.* Мы снова евреи. Очерки по истории сионистского движения в Советском Союзе. Т. 2. Ч. IV. ГЛ. 21. Иерусалим, 2007.
- 68 РГАНИ. Фонд 5, опись № 63, дело № 108.
- 69 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 августа 1972 года «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное жительство за границу, государственных затрат на обучение». // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1972. № 52. С. 519.
- 70 Ук. соч. *Морозов Б.* Док. № 45. С. 164.
- 71 Ук. соч. *Добрынин А.* С. 293.

- 72 Ук. соч. *Морозов Б. С.* 8.
- 73 Ук. соч. *Добрынин А. С.* 251.
- 74 Op. cit. *Meir G.* P. 365.
- 75 Op. cit.. *Dayan M.* P. 573, 614.
- 76 *Gold D.* How Russia Undercuts itself with the S-300 // The Jerusalem Post 30.05.2013.
- 77 Op. cit. *Mearsheimer J. and Walt S.* P. 43.
- 78 См., например: Op. cit. *Golan G.* P. 83-84.
- 79 The Israel-Arab Reader. P. 159.
- 80 Ук. соч. *Виноградов В. С.* 186.
- 81 Ук. соч. *Васильев А. С.* 118.
- 82 Ук. соч. *Добрынин А. С.* 261.
- 83 См., например: *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 148.
- 84 Ук. соч. *Виноградов В. С.* 188.
- 85 Op. cit. *Golan G.* P. 85; *Rabinovich A.* The Yom Kipur War. The Epic Encounter that Transformed the Middle East. Knopf Doubleday Publishing Group, 2005.
- 86 Цит. по *Bar Joseph U.* The Watchman Fell Asleep. N.Y.: State University of New York, 2005. P. 134.
- 87 Op. cit. *Dayan M.* P. 562.
- 88 *Kipnis Y.* 1973 The Road to War. Charlottesville, Virginia: Just World Books, 2013. P. 230.
- 89 [Электронный ресурс] – <http://www.npr.org/> Режим доступа: 04.02.2013.
- 90 [Электронный ресурс] – <http://www.cursorinfo.co.il/news/novosti/> Режим доступа: 14.09.2013.
- 91 Op. cit. *Meir G.* P. 355.
- 92 [Электронный ресурс] <http://www.ynet.co.il> (иврит) в переводе Коржовой К.В.
- 93 Там же. С. 8.
- 94 Там же. С. 7.
- 95 Там же. С. 2.
- 96 *Dayan M.* Story of my Life. P. 654.
- 97 Op. cit. *Kipnis Y.* P. 181.
- 98 Публикация новых документов из архива библиотеки Никсона в США // Haaretz 16.12.2010.
- 99 Op. cit. *Kipnis Y.*
- 100 См., например: *Примаков Е.М.* История одного сговора. М.: Политиздат, 1985; interview Yaari Y. at National Public Radio 8.10.2013.
- 101 *Kissinger H.* Years of Upheaval. Boston; Toronto, 1982.
- 102 Ук. соч. *Добрынин А. С.* 268.
- 103 *Kalb M. and Kalb B.* Kissinger. N.Y.: A Dell Book, 1974. P. 519–521.
- 104 Интервью Г. Киссенджера // Haaretz. 02.11.2013.
- 105 *Rabinovich A.* The War that Nearly was // Jerusalem Post. 24.09.2012.
- 106 Ук. соч. *Добрынин А. С.* 272.
- 107 СССР и ближневосточное урегулирование. С. 178.
- 108 Op. cit. *Dayan M.* P. 758.
- 109 СССР и ближневосточное урегулирование. Документы и материалы. С. 175, 177.
- 110 См., например: *Golan G.* P. 90–93.
- 111 Ук. соч. *Добрынин А. С.* 276.
- 112 *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 162–163; Ук. соч. *Добрынин А. С.* 274–277; Ук. соч. *Васильев А. С.* 114.

- 113 Цит. по: *Rabinovich A.* The War that Nearly was // The Jerusalem Post. 24.09.2012.
- 114 Ук. соч. *Васильев А. С.* 117.
- 115 *Agursky M.* Soviet Priorities in the Arab-Israeli Conflict // The Jerusalem Journal of International Relations. 1987. Vol. 9. № 2. P. 47.
- 116 Ук. соч. *Виноградов В. С.* 196.
- 117 Там же. С. 198.
- 118 После начала Октябрьской войны 1973 г. арабские страны-члены ОПЕК наложили полный запрет на экспорт нефти в США и Нидерланды, а также постепенно сократили экспорт нефти за счет сокращения ее добычи.
- 119 Op. cit. *Dayan M.* P. 683–684.
- 120 Там же. С. 690.
- 121 Государственный архив Израиля. Фонд: Канцелярия премьер-министра, папка 7021/21-А без нумерации страниц. (иврит).
- 122 Там же.
- 123 Там же.
- 124 Там же.
- 125 «Mister NO» – так называли Громыко западные дипломаты.
- 126 Ук. соч. *Громыко А. Т.* С. 280.
- 127 Ук. соч. *Добрынин А. С.* 328–329.
- 128 Там же. С. 337.
- 129 СССР и ближневосточное урегулирование. С. 214.
- 130 Political programme adopted by the twelfth session of the Palestine National Council // International Documents on Palestine. 1974. Beirut: The Institute for Palestine Studies; Kuwait: The University of Kuwait, 1977. P. 449.
- 131 *Пырлин Е.Д.* Сто лет противоборства. М.: РОССПЭН, 2001. С. 122.
- 132 International Documents on Palestine 1974. P. 186–187.
- 133 Сообщение о встречах в ЦК КПСС с делегацией Организации освобождения Палестины. Правда. 4 августа 1974 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. С. 197–199.
- 134 СССР и ближневосточное урегулирование. С. 201.
- 135 Ук. соч. *Зак М. С.* 165.
- 136 Ш. Агранат – председатель Верховного Суда Израиля, возглавлял комиссию по расследованию действий политического и военного руководства в войне 1973 г.
- 137 *Miller A.D.* The Much too Promised Land. N.Y.: Bantam Books, 2008. P. 146.
- 138 Там же. P. 151.
- 139 Государственный архив Израиля. Фонд : Генеральные директора МИДа, папка 271/1 – А; фонд: правительственные министерства, папка 8870/10 – 37 (иврит). Отчеты С. Диница о встрече с А. Добрыниным.
- 140 Государственный архив Израиля. Фонд: Генеральные директора МИД, папка 271/1 – А. Док. от 12.06.1974.
- 141 Государственный архив Израиля, папка 271/1; *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 288–289.
- 142 *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 292.
- 143 Ук. соч. *Звягельская И.* С. 201.
- 144 *Slater R.* Rabin of Israel. Warrior for Peace. N.Y.: Harper Paperbacks, 1996. P. 291.
- 145 №145 Государственный архив Израиля. Фонд: Правительственные министерства, папка 8870/10, док. от 24.09.75. Запись беседы И. Алона с А. Громыко.
- 146 Ук. соч. *Добрынин А. С.* 370.

- 147 Op. cit. *Miller A.D.* P. 161.
- 148 СССР и ближневосточное урегулирование. С. 256–257.
- 149 Там же. С. 266.
- 150 Op. cit. *Miller A.D.* P. 171.
- 151 Ук. соч. *Зак М.* С. 168.
- 152 Там же. С. 14. «Узниками Сиона» называли активистов еврейского движения в СССР, осужденных по тем или иным статьям советского законодательства.
- 153 *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 297.
- 154 Гаарец (иврит). 25.09.1981.
- 155 АВП СССР, ф. 089, оп. 36, п. 48, д. 1. Справка ОБВ МИД СССР «О зондаже Израилем возможности восстановления дипломатических отношений с СССР» от 17 октября 1983 г.
- 156 АВП СССР, Ф. 089, ОП. 34, П. 48, Д. 1. Справка ОБВ МИД СССР «Об израильском зондаже возможности восстановления дипломатических отношений с СССР» от 11.09.1981.
- 157 Цит. выше Справка ОБВ МИД СССР от 17 октября 1983 г.
- 158 Ук. соч. *Добрынин А.* С. 402.
- 159 Ук. соч. *Громыко А. Т.* С. 285.
- 160 Там же. С. 403.
- 161 См., например, Совместное советско-сирийское коммюнике от 7 октября 1978 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. С. 273.
- 162 Фронт стойкости и противодействия создан в декабре 1977 г. В него входили Сирия, Алжир, Южный Йемен, Ливия, ООП.
- 163 *Sella A.* Soviet Policy in the Middle East under Gorbachev. The Policy towards Israel and the PLO. The Hebrew University of Jerusalem; Georgetown University, May 1988. P. 11.
- 164 *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. С. 181.
- 165 Op. cit. *Slater R.* P. 370.
- 166 Ук. соч. *Добрынин А.* С. 432.
- 167 Treaty of Peace between the Arab Republic of Egypt and the State of Israel // C. Vance Hard Choices. Critical Years in American Foreign Policy. N.Y.: Simon & Schuster Inc., 1983. P. 478.
- 168 Op. cit. *Golan G.* P. 131.
- 169 *Eldad S. and Merari A.* The Soviet Bloc and World Terrorism. Jaffee Center for Strategic Studies, Tel Aviv University. Paper № 26, August 1984. P. 14.
- 170 См., например: *Cline R. & Alexander Y.* Terrorism: the Soviet Connection. Center for Strategic and International Studies, Georgetown University. 1984.
- 171 *Shamir M.Y.* Israel's Role in a Changing Middle East // The Israel-Arab Reader. P. 247.
- 172 Ук. соч. *Васильев А.* С. 328.
- 173 См., например, опубликованный в Интернете документ (<http://allin777.livejournal.com/261246.html>) – Записка за подписью председателя КГБ Андропова от 10.01.1975 о нелегальной передаче оружия НФОП.
- 174 Op. cit. *Eldad S. and Merari A.* P. 65.
- 175 *Кахана М.* Халига лехагана иеудит (Лига защиты евреев) (иврит).
- 176 Ук. соч. *Добрынин А.* С. 553.
- 177 The Israel-Arab Reader. P. 241.
- 178 Op. cit. P. 244.
- 179 Op. cit. P. 238.
- 180 Ук. соч. *Добрынин А.* С. 532.

- ¹⁸¹ СССР и ближневосточное урегулирование. С. 318–321.
- ¹⁸² *Примаков Е.* История одного сговора. С. 267.
- ¹⁸³ Speech Delivered at the National Defense College in Israel by the Israeli Prime Minister Menachem Begin (August 8, 1982) // *The Israel-Arab Reader*. P. 256.
- ¹⁸⁴ Op. cit. *Tessler M.* P. 569.
- ¹⁸⁵ Op. cit. P. 589.
- ¹⁸⁶ МНС вернулись в Ливан в конце сентября 1982 г. после убийства президента Б. Жмайеля.
- ¹⁸⁷ Заявление правительства СССР в связи с агрессией Израиля в Ливане от 15 июня 1982 г. и Обращение Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева к президенту США Р. Рейгану от 9 июля 1982 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. С. 19, 323.
- ¹⁸⁸ СССР и ближневосточное урегулирование. С. 368–371.
- ¹⁸⁹ Фалангисты – вооруженные формирования ливанских христиан.
- ¹⁹⁰ Op. cit. *Tessler M.* P. 599.

Общественно-политические контакты между СССР и Израилем в период отсутствия дипотношений (1967–1987 гг.)

3.1. КПСС и израильские коммунисты

Связи между КПСС и израильской компартией не прекращались после разрыва дипломатических отношений с Израилем, хотя в тот период межпартийные отношения оказались в непростой ситуации. В августе 1965 г. в рядах Компартии Израиля произошел раскол на две группы вследствие разногласий по поводу характера арабо-израильского конфликта. Группа Вильнера–Туби рассматривала конфликт как проявление борьбы между империалистическими силами (Запад и Израиль) и антиимпериалистическими силами (Советский Союз и арабские страны). При этом члены этой группы считали неправильным рассматривать конфликт как борьбу двух национализмов, отрицающих права друг друга. Другая группа Микуниса–Снэ не отрицала, что политика некоторых арабских государств носит антиимпериалистический характер, но вместе с тем, подчеркивала, что целый ряд арабских стран имеют прозападную ориентацию вследствие общности их интересов с западными державами в нефтяной сфере и ряде других областей. Эта группа считала, что арабо-израильский конфликт это, прежде всего, конфликт между двумя народами, и он имеет свою внутреннюю динамику¹.

На первых порах КПСС поддерживала отношения как с группой Микуниса–Снэ, сохранившей название МАКИ (Израильская коммунистическая партия), так и с группой Вильнера–Туби, получившей название РАКАХ (Новый коммунистический список) в надежде, что они сумеют преодолеть разногласия. Лидеры обеих партий имели в Москве отдельные и совместные встречи с М. Сусловым и Б. Пономаревым². На двадцать третий съезд КПСС весной 1966 г. также были приглашены делегации обеих партий.

В июне 1967 г. группа Микуниса–Снэ практически одобрила действия израильского правительства, и Ш. Микунис, выступая в Кнессете, назвал начатую войну оборонительной³. После разрыва дипотношений КПСС признала арабо-еврейскую партию РАКАХ во главе с М. Вильнером и Т. Туби преемницей коммунистической партии Израиля. КПСС приобрела верного сторонника в лице новой компартии, которая находилась в тот период лишь на этапе становления, но вместе с тем, потеряла поддержку и связи с таким видным политическим деятелем Израиля, как М. Снэ.

На политической карте Израиля, новая коммунистическая партия оказалась изгоем. Она считалась арабо-еврейской партией, но фактически большинство ее членов и сторонников были арабы. РАКАХ была единственной политической партией в Израиле, которая осудила «израильскую агрессию против арабских стран». Эта идейная близость с советской позицией по Ближнему Востоку позволяла ей оставаться одним из немногих открытых каналов связей между СССР и Израилем и играть заметную роль в установлении общественно-политических контактов между двумя странами.

Руководители Коммунистической партии Израиля (РАКАХ) начиная с 1968 г. неоднократно посещали Москву, развивая свое сотрудничество с КПСС через Международный отдел ЦК КПСС. Однако официальные встречи с руководством КПСС проходили не часто. Израильских коммунистов принимали на довольно высоком уровне, но не выше кандидатов в члены политбюро ЦК КПСС. Так, например, газета «Правда» сообщала, что «по приглашению ЦК КПСС с 13 по 22 декабря 1971 г. в Советском Союзе находилась делегация КПИ в составе генсека ЦК КПИ т. М. Вильнера и секретаря ЦК КПИ т. З. Каркаби. Делегация имела встречи и беседы в Международном отделе и в Отделе пропаганды ЦК КПСС, в Союзе советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, а также в ряде советских общественных организаций»⁴.

В следующие годы визиты делегации израильской компартии проходили примерно по той же схеме. Высокопоставленные партийные чиновники инструктировали израильских коммунистов по основным международным проблемам. КПИ давала свою оценку ситуации в Израиле и в регионе в целом, которая все же оставалась односторонней. В итоге каждой встречи обычно подчеркивалось совпадение мнений сторон по обсуждаемым вопросам.

Несмотря на то, что в документах по итогам встреч между двумя партиями в 1975 г. впервые было подчеркнуто их стремление укреплять «существующие братские связи», их отношения во многом продолжали носить формальный характер: функционеры ЦК КПСС прекрасно понимали, что небольшая по численности израильская компартия не имеет значительного веса в политической жизни своей страны. Среди еврейской части населения КПИ не пользовалась какой-либо заметной поддержкой. Однако ее руководство и, прежде всего, арабские лидеры имели тесные контакты с коммунистическими партиями региона и с палестинскими организациями на Западном берегу р. Иордан. Израильские коммунисты служили порой посредниками между советской стороной и палестинцами, подталкивая их в нужном для СССР направлении. Заместитель генерального секретаря КПИ, депутат Кнессета Т. Туби пользовался особым уважением не только у палестинской компартии, но и в ООП и в других палестинских организациях и в немалой степени способствовал развитию их отношений с Советским Союзом.

По квотам, выделенным ЦК КПСС, израильская компартия направляла на учебу в советские вузы своих воспитанников. Ряд активистов проходили учебные курсы в партийной школе. Члены союза коммунистической молодежи Израиля (БАНКИ) приезжали в СССР на международные мероприятия, которые проводились по линии Комитета молодежных организаций при ЦК ВЛКСМ. На протяжении 1970–1980-х годов практически до самого конца советского периода ежегодно на отдых в лагерь «Артек» в Крыму приезжала делегация израильских детей (около 10 человек), имевших отношение к КПИ и ХАДАШ (Демократический фронт за мир).

На фестивале молодежи и студентов в Москве в 1985 г. в израильскую делегацию входила только молодежь КПИ и ХАДАШ. В отношении израильской делегации до открытия фестиваля была проведена большая подготовительная работа, которая проходила в рамках деятельности Комитета молодежных организаций (КМО) СССР. Из опасений каких-либо провокаций со стороны арабских делегаций израильцы поселили в отдельной удаленной гостинице.

С началом перемен в СССР в середине 1980-х годов информация от представителей КПИ, которые посещали Москву, стала очень востребованной в Израиле. Так, например, в ноябре 1987 г. М. Вильнер и Т. Туби принимали участие в Москве в круглом столе, посвященном 70-летию Октябрьской революции, где также присутствовали

178 делегаций со всего мира. Их пресс-конференция, организованная после возвращения из Москвы в Доме журналистов (Бейт Соколов) в Тель-Авиве 11 ноября 1987 г., собрала журналистов всех ведущих израильских газет⁵.

Признанием советской стороной заслуг Вильнера в деле продвижения общих интересов на Ближнем Востоке стало награждение его в 1989 г. в связи с 70-летием орденом Октябрьской революции. На пресс конференции в Тель-Авиве и в своих интервью израильскому телевидению и радио Вильнер рассказал, что во время встреч в Москве с членом Политбюро и первым заместителем председателя Верховного совета СССР А. Лукьяновым и главой международного отдела ЦК КПСС В. Фалиным он получил разъяснения по поводу возможности нормализации отношений между двумя странами. Лукьянов и Фалин считали, что для этого Израиль должен сделать любой шаг, который указывал бы на его готовность к миру, например, признать ООП как представителя палестинского народа⁶.

В своих выступлениях Вильнер также упоминал о разногласиях между КПИ и КПСС в отношении объединения «Память», возникшего в СССР в процессе демократизации, расширения свободы выражения мнений и выступавшего с позиций национал-шовинистической идеологии. Советские коммунисты полагали, что работа с этой организацией должна вестись методом убеждений и дискуссий. Вильнер же считал, что расистская и антисемитская суть ее платформы противоречит советской конституции, и поэтому она должна быть запрещена⁷.

КПИ с самого начала поддержала курс советского руководства на перестройку, но вместе с тем ее лидеры не переставали выражать беспокойство по поводу того, что КПСС может потерять контроль над развитием событий⁸.

КПИ критиковала Советский Союз за то, что он не выступил против американского вторжения в Ирак и поддержал резолюцию 678 Совета безопасности ООН, которая дала американской администрации зеленый свет для начала войны⁹. В то же время генеральный секретарь израильской компартии Т. Туби на встречах с советскими коллегами в Москве подчеркивал, что усилия, направленные на урегулирование ближневосточного конфликта и решение палестинской проблемы, требуют советско-американского сотрудничества¹⁰. Ветия времени проникали и в ряды израильских коммунистов.

Очевидно, что с начала 1990-х гг. по мере падения роли КПСС и ее органов в советской политической системе у советского руководства понижался интерес к так называемым братским партиям. В 1990–1991 гг. уровень встреч с делегациями компартии Израиля не переходил границ Международного отдела ЦК, причем ограничивался руководителями второго плана и рядовыми сотрудниками. Об этом же свидетельствовал и уровень делегации КПСС, впервые посетившей Израиль по приглашению КПИ в июне 1991 г., на излете и советской власти, и самого Советского Союза. В состав делегации вошли заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. Матузов и один из сотрудников того же отдела.

КПИ сыграла заметную роль в установлении и развитии общественно-политических контактов между Израилем и Советским Союзом. Как подтвердил член секретариата ЦК КПИ Й. Гожанский¹¹, именно КПИ после разрыва дипотношений передала в Международный отдел ЦК КПСС предложение о целесообразности визита израильских общественных деятелей в Москву. Это было логично. Несмотря на антисоветские настроения среди политических кругов, определенная часть израильского общества, в том числе немало общественно-политических деятелей, деятелей культуры были связаны с Россией, Советским Союзом, с русской культурой и искренне переживали разрыв дипотношений. Учитывая эту особенность израильского общества, КПИ исходила из того, что отсутствие отношений между странами наносит урон и Советскому Союзу, и израильтянам и вызывает возмущение советских евреев. Положение КПИ как единственного открытого канала связи с СССР давало ей возможность за счет этой инициативы повысить свой авторитет среди израильтян.

Предложение израильских коммунистов было принято не сразу. Приглашение израильских общественных деятелей было не простым шагом. Принятие такого решения означало официальное приглашение в Советский Союз сионистских общественных деятелей. Хотя советское руководство в своей идеологической борьбе старалось отделять «сионистские круги, захватившие власть в Израиле», от израильского народа, но было и понимание того, что практически все еврейское население (кроме коммунистов и ультраортодоксов)

отождествляет себя с сионизмом, с сионистским движением. Потенциальные члены делегации должны были занимать умеренные позиции по ближневосточному урегулированию и по отношению к СССР, но, тем не менее, они были представителями сионистских партий. С учетом проарабских настроений советского руководства не исключено, что на положительное решение Москвы повлиял и тот факт, что в состав руководства КПИ (РАКАХ) входили уважаемые арабские лидеры, которые поддерживали эту идею.

В Израиле не все относились однозначно к той посреднической роли в отношениях с СССР, которую пыталась исполнять КПИ в 1970-х – 1980-х гг. Правые круги резко выступали против этой роли КПИ. В очерке, опубликованном в газете «Маарив» в 1987 г., говорилось об опасности того, что КПИ становится необходимым звеном связи в контактах между Израилем и Советским Союзом, а также другими странами социалистического лагеря. Очерк содержал вывод о том, что «правительство Израиля должно предотвратить положение, при котором РАКАХ (КПИ – *Н.С.*) является тем, кто выдает «входной билет в страны советского блока»¹².

По мере того, как развивался процесс восстановления отношений между СССР и Израилем, КПИ теряла свое положение посредника в этом вопросе. После прибытия в Израиль советской консульской группы (1987 г.) она не являлась больше единственным открытым каналом связи с Израилем. Но пока КПСС была партией власти в Советском Союзе, КПИ оставалась активным фактором в вопросах касающихся отношений между СССР и Израилем. Так, например, советскую консульскую группу наряду с послом Голландии в аэропорту встречал заместитель генсека КПИ Т. Туби.

3.2. Израильские делегации

Вопрос о принятии первой делегации, как и всех последующих делегаций, решался в Международном отделе ЦК КПСС¹³. Было принято решение пригласить в Москву группу левых (умеренных) израильских общественных деятелей. В Москве долго обсуждался вопрос, кого пригласить, в Израиле обсуждался вопрос, кого рекомендовать на поездку, и велись переговоры с теми, кто мог бы согласиться поехать в Москву. Было решено, что приглашение будет исходить от Советского комитета защиты мира (СКЗМ).

Следует отметить, что в Израиле существовал Комитет за мир, но в 1965 г. он отошел от Всемирного комитета защиты мира, подконтрольного Советскому Союзу, и стал менее активным. В Государственном архиве Российской Федерации сохранилась переписка Израильского Комитета за мир с СКЗМ¹⁴, из которой следует, что СКЗМ не пожелал развивать отношения с независимым комитетом, который мог занимать позиции, не совпадающие с советскими. Во второй половине 1980-х гг., Израильский комитет активизировал свою деятельность, а официальная делегация СКЗМ, посетившая Израиль в 1989 г., восстановила с ним отношения.

Визит первой делегации общественных деятелей Израиля в Советский Союз состоялся практически одновременно с первой секретной поездкой Примакова в Израиль, но, скорее всего, израильские коммунисты не были осведомлены о тайной миссии Примакова.

В состав израильской делегации входило шесть человек. Это были общественно-политические деятели, имевшие разные политические взгляды: Я. Рифтин, один из руководителей Независимого левого сионистского социалистического союза, который вышел из партии МАПАМ после ее присоединения к Маараху в январе 1968 г.; журналист, парламентский комментатор Дж.Я. Розенталь; профессор Д. Мирон из Тель-Авивского университета; журналист Н. Ялин-Мор, бывший депутат Кнессета и член руководства движения «За мир и безопасность» (в сороковые годы был членом руководства ЛЕХИ); М. Эйдельберг, один из старейших руководителей Движения дружбы Израиль–Советский Союз и Р. Любич – член политбюро компартии Израиля.

При отсутствии дипотношений организовать такой визит было не так просто. Для его проведения был создан «Инициативный комитет за улучшение отношений с Советским Союзом». Будущие делегаты были членами этого Комитета. Приглашение от Комитета защиты мира было адресовано созданному комитету и персонально каждому члену делегации. Делегация прибыла в Москву через Румынию.

Советская сторона придавала большое значение этой первой делегации. Приглашая израильских общественных деятелей, руководство Советского Комитета защиты мира ставило перед собой основную задачу довести до израильян советскую позицию по ближневосточному урегулированию. С советской стороны поэтому для встреч с ними привлекались прежде всего специалисты-ближневосточники, международники широкого профиля. На встрече с

гостями из Израиля 6 сентября 1971 г. присутствовали, например, Брагинский И.С., доктор наук, проф. Института Азии АН СССР, Никитина Г.С., кандидат наук, ответственный сотрудник Института Азии АН СССР, Полторак А.И., доктор юридических наук, ответственный сотрудник Института государства и права АН СССР, Султанов А.Ф., кандидат наук, ответственный сотрудник Института Африки АН СССР, Свердлов Г.М., кандидат наук, ответственный сотрудник ИМОиМЭ АН СССР¹⁵. Во встрече участвовали также представители СКЗМ, Комитета солидарности с народами Азии и Африки, КСЖ, ВЦСПС, а также деятели культуры.

Из краткого протокола встречи в Советском комитете защиты мира можно сделать вывод, что речь в основном шла о ближневосточном урегулировании. В то же время, для израильтян было важно донести до советской стороны свою точку зрения относительно возможностей влияния советской позиции на формирование общественного мнения в Израиле. Я. Рифтин, например, отмечал, что СССР может помочь миролюбивым силам в Израиле. Эта помощь, по его словам, может заключаться в том, «чтобы с советской стороны оценка государства Израиль была точной, пропорциональной, объективной»¹⁶. М. Эйделберг высказывал аналогичное мнение. Он говорил о том, что «Советский Союз находится в объективе всего мира, и что советской прессе необходимо быть осторожной и конкретной в освещении событий на Ближнем Востоке, тогда и прогрессивным силам Израиля будет легче привлечь массы на свою сторону»¹⁷. Советские участники встречи в своих выступлениях делали акцент прежде всего на вопросе антисоветской пропаганды в Израиле и на Западе. Каждая из сторон говорила о своем, и иногда казалось, что они не слушают друг друга.

Отчет о пребывании делегации, составленный Советским комитетом защиты мира, содержал не столько реальную, сколько желаемую властями оценку визита делегации: «В августе Комитет принимал группу общественных деятелей Израиля, выступающих против агрессивного курса правительства Тель-Авива, за политическое урегулирование ближневосточного конфликта. В Комитете, а также на местах, где побывали гости – Ленинград, Одесса, Кишинев состоялись обстоятельные беседы с представителями советской общественности, на которых аргументировано излагалась позиция советской общественности по актуальным проблемам борьбы за мир и сотрудничества между народами и, в частности, по проблемам ликвидации последствий израильской агрессии в духе резолюции ООН.

По возвращении в Израиль члены группы выступили перед общественными кругами Израиля с рассказами о своей поездке в СССР. Эти выступления, как о том свидетельствуют поступившие сообщения, содействовали разоблачению антисоветской, враждебной делу мира политики сионистов и правительства Израиля и его союзника – империализма США»¹⁸.

В телеграмме, присланной членами делегации по возвращении в Израиль, они выражали благодарность за теплый прием, и указывали, что широкая общественность проявляет огромный интерес к их рассказам о поездке в Москву, несмотря на то, что определенные экстремистские круги пытаются помешать их выступлениям¹⁹.

В ходе визита израильская пресса ежедневно передавала подробные сообщения о пребывании делегации в Советском Союзе. Израильское руководство довольно серьезно следило за первым после шестидневной войны визитом израильской делегации в Советский Союз, хотя в «группу шести» входили известные, но не особенно влиятельные общественные деятели. О готовившемся визите израильский МИД заблаговременно проинформировал тогдашнего израильского посла в Вашингтоне И. Рабина²⁰. (Судя по документам министерства иностранных дел Израиля, израильские послы в Вашингтоне информировали американского госсекретаря о всех шагах, предпринимаемых во внешнеполитической сфере). В связи с предстоящим возвращением «группы шести» директор департамента «Европа 3» МИДа Й. Кохэн подготовил на имя генерального директора М. Кармила записку, в которой он рекомендовал среди прочего «организовать в аэропорту тихую демонстрацию новых иммигрантов из Советского Союза», присутствовать на встречах, где члены группы будут рассказывать о своих впечатлениях, избегать насилия, но вместе с тем побеспокоиться о том, чтобы предпринимались попытки сорвать их выступления, где бы они ни проходили, и, по возможности, ограничить вообще их выступления в СМИ²¹.

Вопреки этим рекомендациям по возвращении «группы шести» в Израиль в аэропорту состоялась широкая пресс-конференция. Они также выступали на встречах и собраниях общественности в Тель-Авиве, Хайфе, Иерусалиме, в ряде других небольших городов, в кибуцах и нескольких арабских поселениях. В целом встречи проходили в спокойной и благоприятной обстановке и вызывали большой интерес. Правда, были случаи, когда представители правой организации «Бейтар» пытались сорвать эти мероприятия.

Первый визит общественных деятелей в СССР после разрыва отношений имел широкий отклик в Израиле. Практически у всех членов делегации брали интервью, которые были опубликованы в разных газетах. Кроме того, газеты «Гаарец», «Давар», «Ал-хамашмар», «Джерузалем Пост», «Едиот Ахронот», «Зо Гадерех» и «Кол Гаам» опубликовали статьи отдельных членов делегации с впечатлениями о Советском Союзе²². Была выпущена брошюра с отчетом о визите.

Вторая делегация общественных деятелей Израиля была приглашена в Москву на две недели. Она прибыла в Москву 4 мая 1972 г. В ее состав вошли д-р Х. Дарин-Драбкин, член руководства МАПАМ, Т. Гожански, член руководства РАКАХ, Ицхак Гемлер, член Левого сионистского социалистического союза, Зива Ярив, известная израильская журналистка, которая в течение нескольких лет публиковала свои злободневные фельетоны на страницах ежедневной газеты «Едиот Ахронот», поэт Меир Визелтер, д-р Эмиль Тума, редактор «Аль-Иттехад» – органа РАКАХ на арабском языке и адвокат Абдель Хафез Дарауше. Перед вылетом из Израиля, делегация опубликовала заявление, в котором было сказано, что члены делегации, которые получили личные приглашения, представляют широкий спектр политических позиций в Израиле. «Они выезжают в Советский Союз, полагая, что каждый шаг, который способствует продвижению взаимопонимания между общественностью Израиля и Советского Союза, служит делу мира и интересам государства Израиль»²³.

Делегация остановилась в гостинице «Россия». В программе поездки по стране предусматривалось посещение Ленинграда, Минска и Киева. В отличие от первой эта делегация не имело столь широкого резонанса в Израиле. По всей вероятности, сам состав делегации и позиции некоторых ее членов не способствовали этому. Арабы-члены делегации резко выступали против политики израильского правительства, в то время как, например, журналистка З. Ярив, придерживавшаяся сионистских взглядов, хоть и критиковала свое правительство, но не выступала резко против него. В Москве визит этой делегации также не произвел большого впечатления. Более того, опубликованные З. Ярив серии статей о визите в газете «Едиот Ахронот», по-видимому, не отвечали ожиданиям советских организаторов визита.

В сентябре 1975 г. в Москву прибыла делегация в составе двух депутатов Кнессета – Д. Закина от партии МАПАМ и А. Левенбрауна от РАКАХ, двух независимых журналистов Д. Шахама и А. Капелюка,

а также председателя Инициативного комитета за улучшение отношений с Советским Союзом Я. Рифтина. 1975 год характеризовался особо интенсивными контактами советской стороны с израильтянами на разных уровнях, что объяснялось, видимо, еще сохранявшейся в Москве надеждой подключиться к процессу урегулирования на Ближнем Востоке. Почти одновременно с визитом этой делегации в Нью-Йорке в период сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялась одна из редких в те годы встреч Громыко с израильским министром иностранных дел И. Алоном.

Первая многочасовая политическая встреча состоялась в СКЗМ. Если в 1971 г. журналисту Дж.Я. Розенталю, входившему в состав первой израильской делегации, было отказано во встречах с советскими коллегами по перу и с представителями Верховного Совета СССР, то в 1975 г. члены делегации встречались с главным редактором еженедельника «Новое время», с ближневосточными комментаторами центральных советских газет «Правда» и «Известия», с депутатом Верховного совета, главным редактором «Литературной газеты» А. Чаковским²⁴.

В дискуссиях израильтяне, как всегда, выделяли вопрос о возобновлении отношений между СССР и Израилем, подчеркивая, что это будет способствовать усилению позиций умеренных и реально мыслящих кругов в Израиле в их борьбе за миролюбивую политику. Однако в ответ по-прежнему звучала советская аргументация о том, что без изменения израильской внешней политики возобновление отношений будет расцениваться как отступление Советского Союза от своей принципиальной линии в ближневосточном урегулировании, как поддержка неприемлемого для СССР курса израильского правительства. Депутат Кнессета Д. Закин не был согласен с этой аргументацией, но остался удовлетворенным желанием Москвы расширять связи и диалог в этом направлении²⁵.

Израильтяне обратили особое внимание на то, что их советские собеседники подчеркивали необходимость разъяснять общественности в Израиле, что разрыв дипломатических отношений не означает непризнания права еврейского государства на существование. Но враждебная Советскому Союзу пропагандистская кампания, которую ведет Израиль, является еще одной причиной, чтобы не торопиться с восстановлением отношений.

Израильтяне очень чутко реагировали на любые нюансы в высказываниях своих собеседников. Им казалось, что в отличие от

политиков журналисты и ученые-ближневосточники стремятся к более объективному освещению ситуации на Ближнем Востоке, что они готовы более подробно обсуждать как политику Израиля, так и арабских стран, не ссылаясь постоянно на официальные заявления советского руководства²⁶

Члены делегации, вернувшись в Израиль, очень активно делились своими впечатлениями о поездке, которые, как это ни странно, нередко опровергали устоявшиеся в израильской печати представления о жизни в Советском Союзе. На собрании общественности в доме журналистов в Тель-Авиве в октябре 1975 г. А. Капелюк говорил, что большое впечатление на него произвело заметное чувство внутреннего спокойствия у советских граждан в сочетании с социальной уверенностью, которую им дает режим, при котором они живут. Он отметил также особое впечатление, которое произвело на него настоящее равноправие советских женщин, в чем можно было убедиться даже за короткий визит.

Д. Шахама поразило то, что в Советском Союзе никто, даже пенсионеры не откладывают деньги. Он заявил, что визит в СССР полностью изменил его представление о Советском Союзе как о «полицейском государстве». К тому же он убедился, что советские люди не менее счастливы, чем израильтяне²⁷. Серия статей Шахама в одной из центральных израильских газет «Едиот Ахронот» была написана в очень благожелательном для СССР тоне²⁸.

Очередная группа израильских общественных деятелей посетила СССР лишь через три года, в декабре 1978 г. В состав делегации вошли четыре депутата Кнессета: Йоси Сарид из МАИ, Нафтали Федер из МАПАМ, Авраам Меламед из МАФДАЛ, Туфик Туби из КПИ, а также известный израильский адвокат Амнон Зихрони и член Политбюро РАКАХ Узи Бурштейн.

В совместном заявлении делегации, опубликованном накануне поездки, содержались положения, соответствовавшие позиции СССР по ближневосточному урегулированию. Члены делегации заявили о признании легитимных прав всех народов, включая палестинский, а также о необходимости участия Советского Союза в процессе переговоров. Для СКЗМ такое заявление было важным, поскольку даже самые умеренные голуби в Израиле были сторонниками кэмп-дэвидских соглашений, заключенных при посредничестве США и отражавших американское видение ближневосточного урегулирования. Такое заявление указывало на то, что в Израиле

имеются отличные от официальной политики позиции. Это служило своего рода оправданием для приглашения в Москву тех, кто придерживался таких взглядов. Однако в центральной советской прессе и других средствах массовой информации не было никаких сообщений о визите израильской делегации.

«Приглашение израильской группы общественных деятелей в Москву пробудило ожидания с обеих сторон баррикады», – писал в то время известный журналист ведущей израильской газеты «Гаарец» Дан Маргалит. «В Иерусалиме надеялись, что Москва предложит политическое послание для Израиля, которое Советский Союз не заинтересован передавать по дипломатическим каналам или посредством разведывательной службы. Советская сторона надеялась, что в результате визита Йоси Сариды, Нафтали Федера, Авраама Меламеда и Амнона Зихрони, к которым присоединились Туфик Туби и Узи Бурштейн, в умеренном сионистском крыле проявится определенная открытость по отношению к Советскому Союзу»²⁹.

Делегация посетила Ленинград, республики Прибалтики. Все ее члены за исключением коммунистов встречались с активистами еврейского движения, постоянно передавали в израильские средства массовой информации отчеты о своей поездке.

В Израиле этот визит вызвал большой интерес. Все средства массовой информации комментировали его ход. Тогда еще молодой депутат Кнессета Й. Сарид в интервью израильскому телевидению, рассказывая о своих впечатлениях, обратил внимания, среди прочего и на низкий уровень благосостояния советских граждан. Делегации удалось побеседовать с политическим обозревателем газеты «Правда» и заместителем председателя СКЗМ Ю. Жуковым, и по этому поводу газета «Гаарец» писала: «Западные журналисты знают, что получить интервью у члена Политбюро очень нелегко. Но и попасть на прием к Ю. Жукову не легче»³⁰.

По завершении 10-дневного визита, члены делегации передали советской прессе согласованное израильское заявление. В весьма взвешенном заявлении было сказано: «Мы верим, что на основе уважения легитимных прав и безопасности всех государств и народов, включая палестинский народ, можно будет идти вместе к установлению справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке ... этот процесс предусматривает участие Советского Союза»³¹.

В Израиле правые политические круги скептически отнеслись к этому визиту. Так, например, журналист Н. Дунбиц, имевший ко-

лонку в газете «Маарив», возмутился этим визитом и вполне положительными впечатлениями, которыми делились члены делегации. Неоднократно в своей статье он подчеркивал, что члены делегации были тщательно подобраны. Он обвинял их в том, что они доверились принимающей советской стороне; вспоминая сталинские времена, он писал, что, встречаясь с евреями и активистами «алии» (еврейского движения – *Н.С.*), они ставили под угрозу безопасность этих людей. Он упрекал депутатов Кнессета в том, что они вообще согласились «принять приглашение посетить СССР в то время, когда там происходит разгул антисемитизма»³².

Общее обострение международной обстановки на рубеже 1970-х – 1980-х годов, ухудшение советско-американских отношений, израильское вторжение в Ливан в 1982 г., вызвавшее широкие протесты в мире, – все эти факторы «отложили» на несколько лет дальнейшие советско-израильские контакты по общественной линии. Только в конце октября 1985 г. по приглашению СКЗМ в СССР с кратким визитом прибыла израильская делегация. В ее состав входили депутаты Кнессета Туфик Туби (КПИ), Давид Либаи (МАИ), Виктор Шем-Тов (МАПАМ), а также д-р Дотан (историк из Тель-авивского университета) и Авраам Меламед – активист РАКАХ. Делегация находилась в Москве 2 дня, один день в Ленинграде и 3 дня в Ташкенте. В советских средствах массовой информации, как и в прошлом, не было никакой информации о визите делегации.

Визит делегации состоялся уже после нашумевшей встречи советского посла Ю. Воронцова с израильским послом О. Софером в июле того же года в Париже. На встречах в СКЗМ и Институте востоковедения АН СССР советские представители указали на то, что «политическая пакетная договоренность между правительствами Израиля и Советского Союза может обеспечить стабильный и устойчивый мир на Ближнем Востоке. Такая договоренность должна включать в себя следующие пункты: согласие Израиля на проведение международной мирной конференции по Ближнему Востоку; признание Израилем права на самоопределение палестинцев и параллельно признание палестинцами права Израиля на существование в безопасных границах. При этом отношения между СССР и Израилем не будут восстановлены пока не сложится положение, которое аннулирует результаты агрессии 1967 г.»³³.

Комментируя, состоявшиеся в Москве встречи, депутат Кнессета В. Шем-Тов отметил, что в то время как израильяне затрагивали

в своих выступлениях ближневосточный конфликт с региональной точки зрения, советская сторона рассматривала его с позиций глобального противостояния. Около половины времени каждой встречи было посвящено анализу отношений между Востоком и Западом. Советская сторона критиковала присоединение Израиль к разработкам, связанным с программой «звездных войн», считая, что это способствует усилению напряженности на глобальном уровне. Советские представители также указывали, что мир в регионе невозможен без участия Советского Союза³⁴.

Таким образом, в 1970-х – 1980-х годах сложилась традиция, в соответствии с которой СКЗМ периодически приглашал в Советский Союз группу деятелей из Израйля. В состав каждой из приезжавших в Москву делегаций входили люди разных профессий и социального статуса, но в основном это были представители левого и крайне левого фланга израильского общественно-политического спектра. Помимо уже названных деятелей в Москву приезжали О. Намир, неоднократно избиравшаяся в Кнессет, позже являвшаяся министром труда; Ш. Алони – депутат Кнессета, которая долгие выступала в защиту прав человека в Израйле и одна из наиболее ярких представительниц израильского «лагеря мира». Побывали в гостях в Москве известные в то время в Израйле Чарли Битон и Кохави Шемеш, лидеры организации «Черные пантеры», боровавшейся за права евреев – выходцев из восточных стран.

В зависимости от уровня делегаций им организовывали встречи с советскими представителями разного уровня. Так, например, депутаты Кнессета встречались с директором Института США и Канады АН СССР Г. Арбатовым, а также сотрудником этого Института А. Кисловым, с бывшим тогда директором Института востоковедения АН СССР Е. Примаковым, с А. Бовиным, являвшимся обозревателем газеты «Известия» и т. д. В 1987 г. О. Намир имела возможность встретиться непосредственно с представителем международного отдела ЦК КПСС.

В 1988 г. советская сторона пыталась организовать секретную встречу между членами прибывшей в Москву очередной израильской делегации и представителями ООП. Со стороны израильтян согласились на эту встречу лишь писатель Б. Барабаш и упоминавшийся выше Ч. Битон. Даже для самого «левого» депутата Кнессета Ш. Алони такая встреча оказалась неприемлемой, так как партия РАЦ, которую она возглавляла, еще не признавала ООП.

Помимо проведения диалога по политическим вопросам целью израильских делегаций было ознакомление с положением евреев в Советском Союзе. Практически все делегации вне рамок официальной программы посещали синагоги, встречались с представителями еврейских общин, с еврейскими активистами, с «отказниками»³⁵. Депутаты Кнессета были заинтересованы во встречах с теми представителями советского правящего класса, кто участвовал в формировании советской ближневосточной политики, кто принимал решения по вопросам эмиграции. Но, как правило, общение с представителями органов власти ограничивалось депутатами Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик, которые в те времена не обладали какими-либо реальными полномочиями в решении внешнеполитических проблем. О своей поездке депутаты Кнессета докладывали руководству своей партии и руководству страны. Так, например, Д. Закин (партия МАПАМ) в 1975 г. встречался с премьер-министром И. Рабиным и министром иностранных дел И. Алоном перед поездкой в Москву и по возвращении. О. Намир (МАИ) и Хайа Гросман (МАПАМ) встречались с И. Шамиром до и после поездки в СССР в 1987 г. Члены делегаций не были осведомлены о конфиденциальных контактах между двумя странами и считали себя первопроходцами. Отчасти, возможно, так и было.

В 1987 г. на фоне нарастания в израильских политических кругах разногласий по вопросам ближневосточного урегулирования руководство Компартии Израиля обратилось в Советский комитет защиты мира с просьбой о проведении в СССР круглого стола советской и израильской общественности по проблемам разблокирования конфликтной ситуации на Ближнем Востоке³⁶. Развивавшиеся в СССР процессы либерализации открывали возможности для проведения такого мероприятия при участии руководителей ряда политических партий Израиля и депутатов Кнессета и некоторых представителей академических кругов. Впервые после разрыва отношений между двумя странами планировался очень высокий уровень делегации – руководители основных политических партий Израиля: генеральный секретарь Партии труда, депутат Кнессета У. Барам, генеральный секретарь партии МАПАМ Э. Гранот, генеральный секретарь КПИ, депутат Кнессета М. Вильнер, председатель партии РАЦ, депутат Кнессета Ш. Алони, а также депутат Кнессета О. Намир, депутат Кнессета Х. Гроссман и председатель фракции ХАДАШ в Ги-

стадроте Б. Гонен. Также планировался высокий для такого уровня мероприятий состав советских участников.

Организационная работа затянулась на длительное время. Активную роль в этом процессе играл заместитель Генерального секретаря КПИ, депутат Кнессета Т. Туби. Он непосредственно должен был согласовывать с советской стороной кандидатуры будущих членов делегации. Были назначены встречи в аппарате ЦК КПСС и обговорены многие детали.

Израильская пресса широко комментировала предстоящую встречу. Генеральный секретарь партии МАПАМ Э. Гранот в своем интервью положительно оценивал возможность проведения диалог по региональным проблемам с советскими представителями соответствующего уровня. Он указывал на важность того факта, что на этот раз приглашены представители сионистских партий, принадлежащие к лагерю миролюбивых сил. Тон его высказываний свидетельствовал о большой заинтересованности израильской стороны в поисках общего языка с Советским Союзом³⁷. Правда, были и другие мнения. Обозреватель газеты «Давар» Ш. Шафир, например, выражал опасения, что такие контакты с Москвой, тем более при активном посредничестве коммунистов, могут вызвать в США вопросы относительно надежности Израиля как долгосрочного союзника и повредить его популярности среди американцев³⁸.

Однако судьбу этого мероприятия решила направленная М.С. Горбачеву докладная записка за подписью Э. Шеварднадзе, В. Чебрикова, Ю. Склярова и В. Загладина³⁹, ставившая под сомнение целесообразность проведения в Москве советско-израильского круглого стола по вопросам ближневосточного урегулирования⁴⁰. Вероятно, появление этой записки было связано с аппаратной борьбой между ЦК КПСС и МИД СССР. Министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе, боровшийся за преобладающую роль своего министерства в выработке внешнеполитического курса, не хотел уступать аппарату ЦК, постепенно сдававшего свои позиции, хоть какую-то заметную роль в процессе сближения с Израилем. В июле 1987 г. в Израиль прибыла советская консульская группа. Газеты широко освещали приезд советских дипломатов и царившее ожидание как в политических кругах, так и среди общественности. Переключение внимания израильских на мероприятие, проводимым под эгидой ЦК КПСС, по-видимому, было нежелательно.

Израильтян уведомили, что из-за внутренних организационных причин мероприятие переносится на более поздний срок. «Левые» сторонники проведения этого форума, предполагавшие использовать его во внутривосточной борьбе в преддверии парламентских выборов 1988 г. в Израиле, не скрывали своего разочарования.

Два года спустя, в декабре 1989 г., когда неофициальные и полуофициальные отношения между Советским Союзом и Израилем набирали темп, на очередном заседании Политбюро было принято решение «поддержать предложение руководства Компартии Израйля о проведении в Москве по линии Советского комитета защиты мира круглого стола общественности СССР и Израйля по вопросам ближневосточного урегулирования»⁴¹. Однако время для такого мероприятия было упущено. В Израиле на постоянной основе уже находилась консульская группа. Конфиденциальные контакты сменились на открытые встречи. Переговоры о созыве мирной конференции перешли на более высокий уровень. Советский Союз снял запрет на эмиграцию, в том числе в Израиль. Наряду с групповыми и индивидуальными визитами общественных деятелей рос и расширился культурный обмен.

После 1971 г. помимо Комитета защиты мира израильские делегации приезжали в СССР по линии Общества дружбы с зарубежными странами (ССОД), Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС), Комитета молодежных организаций (КМО), который курировал ЦК ВЛКСМ, и Комитета советских женщин (КСЖ). Инициатором этих поездок выступала компартия Израйля, а в состав делегаций входили коммунисты и ветераны КПИ, приближенные к КПИ люди и представители коммунистической молодежи. Нередко участие в такой делегации (особенно по линии ССОД) было знаком благодарности за многолетнюю деятельность в рядах КПИ. Визиты этих делегаций носили отчасти информационно-ознакомительный характер. Например, в 1988 г. с посещением Ленинграда и Еревана, в 1989 г. – Ленинграда и Киева и т. д. Далеко не всегда в советских организациях, принимавших гостей из Израйля, имелись соответствующие специалисты-страноведы, и это сказывалось на эффективности визита.

Визиты делегаций профсоюзных деятелей имели свою особенность. Поскольку между СССР и Израилем не было дипломатических отношений, ВЦСПС не имел официальных связей с израильской профсоюзной организацией Гистадрут. По профсоюзной линии приезжали профсоюзные активисты КПИ и ХАДАШ. Начиная с середины 1980-х гг. в состав делегаций по линии ВЦСПС включались и профсоюзные деятели не коммунисты, активно выступавшие в защиту прав трудящихся. Их приглашали на съезды ВЦСПС (1972 г., 1977 г., 1982 г., 1987 г.), на Первомайские и Октябрьские празднования. В рамках мероприятий, которые ВЦСПС организовывал для иностранных делегаций, по соображениям безопасности израильских гостей включали в состав группы европейских, но не ближневосточных стран. В состав израильских делегаций в обязательном порядке входили евреи и арабы.

Комитет советских женщин долгие годы поддерживал постоянную связь с израильскими женскими организациями и, прежде всего с Израильским движением демократических женщин (ТАНДИ). Представительницы международного отдела этой организации были хорошо знакомы с ситуацией в Израиле и даже побывали там с визитом.

Одним из значимых мероприятий тех лет, которое организовал Комитет советских женщин, стал широкий Международный женский форум за разоружение, состоявшийся в Москве 19 июня 1987 г. В его работе участвовала большая израильская делегация, в которую вошли 15 человек: депутат Кнессета Ора Намир (Маарах), депутат Кнессета Хайка Гросман (МАПАМ), Ада Ахарони (профессор литературы в университете Хайфы, секретарь союза писателей Хайфы, член МАИ), Соня Эйдельберг, Рут Любич, Рут Шницер, Филиция Лангер, Ципора Шарони и др – представительницы разным женских организаций в основном левого толка. Депутат Кнессета от Маараха Наава Арад участвовала в качестве наблюдателя от Социалистического Интернационала.

Предстоящий отъезд женской делегации в Москву получил широкий отклик в израильской прессе. Впервые после 1963 г. КПИ, которая определяла формат делегации, включила в состав делегации представительниц еврейских сионистских партий. Перед отлетом они опубликовали воззвание к миру на Ближнем Востоке: «Только мир сможет обеспечить существование, безопасность и процветание Израиля как демократического государства, обеспечивающего

полное равенство своим гражданам независимо от национальности и религиозной принадлежности и осуществляющего равноправие женщин»⁴².

Участники Форума смогли оценить изменения политического климата в СССР: они не только присутствовали на официальных мероприятиях, но и получили возможность встретиться с так называемыми отказниками – советскими евреями, которым под тем или иным предлогом было отказано в эмиграции⁴³. Известная израильская политическая деятельница О. Намир привезла с собой тайное послание Ш. Переса, адресованное сотруднику ЦК А. Зотову, с которым Ш. Пересу предстояло встречаться в Риме. Несмотря на происходившие перемены для передачи такого послания пришлось прибегнуть к конспиративным мерам.

3.3. Советские делегации в Израиле

Большую роль в развитии связей СССР с израильской общественностью играло Движение дружбы Израиль–СССР, неразрывно связанное с КПИ. Начиная с семидесятых годов была возобновлена традиция, когда по приглашению Движения в Израиль приезжали советские делегации на празднование Дня Победы 9 мая. Центральным мероприятием визитов было участие членов делегации в торжественном митинге в Лесу Красной Армии, где они были почетными гостями.

Мемориальный лес был создан после окончания Второй мировой войны по решению руководства Лиги «V» – Ассоциации поддержки и солидарности с сражающимся Советским Союзом (общественная организация еврейской общины в Палестине 40-х гг. прошлого века). Торжественное открытие мемориала состоялось 22 июня 1950 г.⁴⁴. Кампания по его созданию объединила практически все политические и общественные силы Израиля, проявлявшие симпатию к Советскому Союзу.

Визиты советских делегаций в Израиль не носили политический характер, поскольку советские представители не встречались с официальными лицами. Но вместе с тем они несли определенную политическую нагрузку. Каждая из советских делегаций состояла из 4–5 человек, состав которой определялся в международном отделе ЦК КПСС. Состав был стандартным. В обязательном порядке

в делегацию включались работник ССОДа, сотрудник спецслужб, фронтовик, один из членов делегации обязательно был еврейской национальности. Далее допускались варианты⁴⁵. В состав делегаций входили деятели культуры и искусства, представители советских общественных организаций и т. д. Среди членов делегаций в разные годы были Йосиф Кобзон, Муслим Магомаев, Надежда Кадышева, Ян Френкель, Юрий Антонов и другие.

Если в советской прессе визиты израильских делегаций в СССР и советских делегаций в Израиль практически не освещались, то израильская пресса широко комментировала эти визиты и публиковала впечатления израильтян, посетивших СССР. Журналисты, изучая состав каждой делегации, пытались найти какие либо знаки, указывающие на возможное возобновление отношений. Одна из таких делегаций ССОД во главе с А. Бовиным прибыла в Израиль в мае 1979 г. через Бухарест, на празднование 38 годовщины победы над фашистской Германией. Еще до прибытия делегации в Израиле полагали, что ее состав и численность указывают на попытку Советского Союза подготовить израильское общественное мнение к возможному сближению, которое приведет к возобновлению дипотношений между странами. Однако, как отмечала корреспондент газеты «Гаарец» Иеудит Винклер, «встречи с членами делегации и особенно беседа с главой делегации А. Бовиным сразу развеяли эти предположения: ответы были стереотипны и не выходили за рамки известных старых клише. Лишь то там, то здесь можно было заметить оттенок, который оставляет место для предположения, что не все озвученные позиции являются однозначными и окончательными»⁴⁶.

Вспоминая свой первый визит в Израиль, А. Бовин писал в своем дневнике: «Перед нашим отъездом из Москвы было четко сформулировано три «нельзя». Нельзя посещать оккупированные территории ... Нельзя встречаться с эмигрантами из Союза. Нельзя вступать в контакты с официальными лицами»⁴⁶. И хотя, отвечая на вопросы И. Винклер, члены делегации утверждали, что не встречались с жителями Западного берега даже в пределах зеленой линии⁴⁸, Бовин свидетельствует о другом: «...и на территориях побывали. И к знакомым евреям ходили в гости. И учинили дискуссию с членами Кнессета»⁴⁹.

Следует отметить, что визит советской делегации состоялся после подписания соглашений в Кэмп-Дэвиде. Бовин заявил, что он не заинтересован во встрече с официальными лицами, поскольку позиция Израиля известна. Нелегко было Бовину «отбивать» на-

ступление израильских журналистов с вопросами о переменах в египетско-советских отношениях. Но он твердо стоял на позиции, что поиск всеобъемлющего урегулирования не может ограничиваться формулой, содержащейся в сепаратных соглашениях между Египтом и Израилем.

Объясняя свое отношение к этим соглашениям, Бовин отметил, что само по себе мирное соглашение с Египтом не может привести к решению конфликта, поскольку его главным вопросом является палестинская проблема. Советский Союз не отрицает никакого мирное соглашение, добавил А. Бовин, поскольку любой шаг, который предотвращает войну, уже положительный, но эти ограниченные соглашения не приведут к основной цели – всеобщему урегулированию⁵⁰.

В 1970-х – первой половине 1980-х годов советские делегации, приезжавшие в Израиль на празднование Дня победы, были фактически единственным каналом, позволявшим представителям советской общественности познакомиться с израильской действительностью. Обычно программа посещения Израиля предусматривала поездку по крупным городам, знакомство с жизнью в кибуцах, проведение встреч с журналистами. Израильцы прежде всего интересовало два вопроса: какова перспектива нормализации отношений между двумя странами и ситуация со свободой выезда из СССР. Ответы членов советских делегации соответствовали тем стандартным заготовкам, которые они получали в ходе проводившегося перед поездкой инструктажа. Общение делегаций ограничивалось довольно узким кругом представителей коммунистических и левых организаций Израиля.

Начавшиеся в Советском Союзе в середине 1980-х гг. политические перемены заметно повлияли на развитие общественных связей между двумя государствами. Расширился состав участников советских делегаций, в программы их визитов стали включаться встречи с представителями официальных кругов, с израильскими парламентариями, представителями местных органов управления. Так, например, делегация ССОД, прибывшая в Израиль в 1987 г. на празднование 42-ой годовщины Победы, встречалась с депутатами Кнессета и общественными деятелями, была в гостях у муниципалитетов г. Хайфы, г. Назарета, ряда арабских местных советов в Западной Галилее.

Приехавшая в 1989 г делегация передала Музею «Холокоста и героизма» в кибуце Лохамей хагеттаот документы о евреях Белоруссии – участниках войны, а также горсть священной земли, где стоял фашистский лагерь смерти Тростенец⁵¹.

Расширялся состав израильских участников праздничных мероприятий, проводившихся по случаю Дня Победы в Лесу Красной Армии. На них стали приглашать целый ряд организаций ветеранов участников войны, инвалидов войны и бывших заключенных лагерей смерти, с которыми КПИ ранее не сотрудничала.

На протяжении нескольких лет Движение дружбы Израиль–СССР призывало проводить государственную церемонию, посвященную Дню победы. Впервые такая церемония, посвященная 45-ой годовщине Победы над фашистской Германией, состоялась в Кнессете 9 мая 1990 г. В церемонии участвовали президент страны, председатель Кнессета, премьер-министр и депутаты Кнессета. Участвовали представители организаций ветеранов войны, инвалидов войны и бывших заключенных концентрационных лагерей, а также Движение дружбы Израиль–СССР. В ней приняла участие и советская делегация⁵².

Общение с представителями различных политических течений и организаций, с арабскими жителями Израиля давало возможность членам советских делегаций по-новому оценить все многообразие израильской действительности, а порой и просто пересмотреть свои представления о ней. Так, на состоявшейся 18.05.1989 пресс-конференции членам советской делегации бы задан вопрос, насколько отличается то, что они знали об Израиле, от того, с чем они познакомились. Один из членов делегации отметил, что глубокое впечатление на него произвела встреча с представителями движений за мир – Есть предел, Мир сейчас, Ад кан, Дай лакибуш и др. «Мы очень мало знали об этих организациях, в основном знали о деятельности КПИ, а сейчас картина стала более полной». Другой член делегации, молодой юрист М. Борщевский ответил, что ожидал увидеть антагонизм между евреями и арабами внутри страны, однако не заметил антиеврейских чувств среди арабов Израиля⁵³.

Если до второй половины 1980-х гг. советские делегации приезжали в Израиль практически только на празднование Дня Победы, то в годы перестройки эта практика была преодолена, и число делегаций значительно возросло. В январе 1987 г. Израиль посетила официальная делегация СКЗМ, в которую входили директор института генетики АН и вице президента Советской организации врачей против ядерного оружия Н. Бочков; сотрудник СКЗМ Б. Макаренко и политический комментатор газеты «Известия» К. Гейвандов. Впервые за много лет советская делегация встретилась с депутатами Кнессета. В этой встрече, проходившей в здании израильского пар-

ламенты, приняли участие депутаты Шевах Вайс, Ахарон Ариэль, Менахем Хакоэн, Давид Либаи, Ора Намир и Хаим Рамон от Маараха, Шуламит Алони, Йоси Сарид, Деди Цукер от РАЦ, Элиэзер Гранот и Хая Гросман от МАПАМ, Меир Вильнер, Туфик Туби и Чарли Битон от ХАДАШ. В ходе беседы были подняты вопросы ближневосточного урегулирования, отношений Советского Союза и Израиля, положения евреев в СССР, отношения к сионизму и т. д. Крайне правые депутаты Геула Кохэн, Ювал Нееман, Элиэзер Вальдман, Хаим Друкман, возглавившие группу своих сторонников, предприняли попытку сорвать эту встречу. К ним присоединился и известный праворадикальный израильский политик М. Кахане. Усилиями охраны Кнессета безопасность советских гостей была обеспечена, но они смогли воочию убедиться, какого накала в Израиле достигает политическая борьба между приверженцами различных идеологических направлений.

С этих пор поток советских гостей, посещавших Израиль, постоянно нарастал. В Израиль стали приезжать не только журналисты, ученые, общественные деятели, но и советские парламентарии, представители других советских органов власти. Встречи с советскими гражданами, получившими возможность более свободно высказывать свою точку зрения, вызывали у израильтян повышенный интерес. Так, побывавший в Израиле в феврале 1989 г. заместитель директора Института США и Канады АН проф. Р. Богданов говорил на встрече с израильской общественностью в Тель-Авиве о том, что разрыв отношений с Израилем был неправильным шагом, что в течение долгого времени отношения с Израилем развивались в нездоровой атмосфере, в том числе из-за ограничений выезда из СССР. Снятие этой проблемы открывает путь для восстановления отношений. Однако и Израиль должен пойти на уступки в том, что касается дипломатических шагов в сфере политического урегулирования ближневосточного конфликта⁵⁴.

Аналогичные идеи высказывал во время своих первых визитов в Израиль в 1990 г. и ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений В. Носенко. В 1980-х годах он возглавлял занимавшееся изучением Израиля подразделение в Институте востоковедения АН СССР и был хорошо осведомлен о том ущербе советским интересам на Ближнем Востоке, который был причинен ошибочным решением о разрыве дипломатических отношений с Израилем в 1967 г. В своих выступлениях Носенко особо подчеркивал, что антиизраильские настроения нелегко преодолева-

ются в советских ведомствах, вырабатывающих внешнеполитическую линию⁵⁵.

Израильтян очень интересовало отношение советского руководства, советской общественности к проявившимся на волне перестройки всплескам антисемитизма в советских публикациях, в деятельности некоторых организаций, например таких, как «Память». Советские гости объясняли, что в условиях плюрализма мнений в Советском Союзе неизбежно выявляются и экстремистские направления. Советское общество должно накопить опыт как для идеологической, так и для законодательной борьбы с ними, что и будет способствовать преодолению экстремистских тенденций⁵⁶.

В 1990 г., когда уже был открыт беспрепятственный выезд из Советского Союза для всех желающих, советские представители в беседах с израильтянами особо подчеркивали положительную роль, которую советская иммиграция может играть в развитии советско-израильских отношений⁵⁷.

3.4. Израильские гости в СССР

В годы отсутствия дипломатических отношений между двумя странами число израильских граждан, приехавших в СССР на различные международные мероприятия, значительно превышало число советских представителей, посещавших Израиль. На международные мероприятия, проводившиеся в СССР, израильяне приезжали по приглашению конкретного оргкомитета. Получение советской визы практически всегда было сопряжено с трудностями и для их преодоления требовалось вмешательство оргкомитета.

В состав израильских делегаций всегда включались люди, получавшие специальные инструкции от организации, известной под названием Бюро по связям («Лишкат хакешер» или «Натив»). Так было с делегацией на фестивале молодежи, со спортивными, научными и другими делегациями⁵⁸.

В Москву приезжало немало израильтян, имевших второе гражданство. Так, летом 1969 г. проф. Надав Сафран из Центра ближневосточных исследований в Гарвардском университете посетил Москву и встречался с советскими специалистами по Ближнему Востоку⁵⁹.

В июле 1971 г. проф. М. Ринер из Техниона участвовал в Международном конгрессе по механике, проходившем в Ленинграде.

В конце августа 1971 г. группа из 10 врачей была приглашена в Москву на Международный конгресс по хирургии⁶⁰.

Группа израильских врачей (9 человек), членов Израильской ассоциации геронтологов, участвовала в работе IX Международного конгресса по геронтологии в Киеве в июле 1972 г.⁶¹.

В ежегодной конференции Международной ассоциации по философии им. Гегеля, проходившей в Москве в августе 1974 г., участвовали известный израильский философ, социолог Шломо Авинери и д-р Эдна Кригер из Тель-Авивского университета. О поездке в Москву Ш. Авинери доложил в письме непосредственно премьер-министру. В нем Ш. Авинери рассказал о трудностях с получением визы и прохождением паспортного контроля в Шереметьево, о свободе своего передвижения по Москве, о встрече с ленинградскими студентами⁶².

В 1979 г. в Москве состоялся Международный конгресс общественных наук, на который была приглашена израильская делегация. В состав делегации вошли 25 исследователей-политологов, советологов, а также сопровождавшие их лица. На сессиях Конгресса выступали с докладами Я. Рои, А. Селла, А. Ариан, А. Ясур, Я. Ишай, З. Кац, О. Шапиро. В рамках программы Конгресса израильтяне посетили Ленинград и Киев. О пребывании в Москве и поездках в Ленинград и Киев д-р З. Кац написал обширную статью в еженедельном приложении к газете «Маарив»⁶³.

В Москве, по словам З. Кац, израильтяне пользовались полной свободой. Они посещали синагогу, встречались с представителями еврейской общины, с «отказниками», активистами «алии». В Киеве ситуация была совершенно иной. С евреями Киева у них состоялась лишь одна спонтанная встреча. Другие встречи с еврейскими активистами не состоялись. Заместитель директора «Интуриста» по вопросам безопасности предупреждал некоторых ученых, что они не должны встречаться с отказниками и другими еврейскими активистами, и они действительно воздерживались от таких встреч. Те израильтяне, кто пытались игнорировать это предупреждение, постоянно находились под контролем органов безопасности. Сам д-р З. Кац то и дело попадал в конфликтные ситуации с представителями власти.

Среди крупных специалистов по Ближнему Востоку израильские политологи отметили Е. Примакова, на выступлении которого на Конгрессе они присутствовали. Будучи тогда директором Института

востоковедения АН, он, по их настоятельной просьбе, принял группу израильских политологов.

На встречах и в беседах израильтян с советскими учёными обсуждались вопросы ближневосточного урегулирования, восстановления дипломатических отношений. Как отмечал З. Кац, во всех беседах затрагивался вопрос о влиянии израильского лобби на политику США. По словам З. Каца, «в Москве немало израилюведов, которые не менее компетентны, чем специалисты по Израилю в других странах мира». Среди молодых специалистов по Израилю израильтяне отметили Владимира Носенко, Сергея Рогова.

Начиная с 1977 г. торгово-промышленная палата Израиля направляла делегацию для участия в Московской Международной книжной выставке-ярмарке. Израильтяне придавали большое значение этому мероприятию и использовали его в самых разных целях в условиях отсутствия дипотношений. Особое значение имела первая ярмарка периода перестройки осенью 1987 года, когда уже наметились изменения в отношении к Израилю. Израильтяне подготовили обширный видео- и аудиоматериал об Израиле на темы еврейской истории и традиции. Он пользовался большим спросом не только у евреев – потенциальных эмигрантов, но и у гебраистов, студентов, изучающих иврит, а также специалистов по Израилю и Ближнему Востоку.

Период отсутствия дипломатических отношений между Советским Союзом и Израилем не был «глухой» порой полного неведения о жизни друг друга. Большую роль в поддержании пусть эпизодических, но довольно регулярных контактов играла Компартия Израиля, ряд других левых организаций. Несмотря на сложную политическую обстановку люди в обеих странах стремились навстречу друг другу. Их связывала культурно-историческая общность, совместная борьба против фашизма в годы Второй мировой войны, просто личные и семейные отношения. Не удивительно, что в период перестройки в СССР контакты по общественной, культурной, спортивной линии развивались опережающими темпами задолго до восстановления официальных дипломатических отношений между двумя государствами. Более подробно о них будет сказано в разделе, посвященном восстановлению отношений между двумя странами.

- 1 Ближневосточный конфликт. 1947–1967. Т. 2. Док. № 204. С. 454–458; Петер Д. Что должно решаться на съезде // Кол Гаам 15.07.1965; *Шафран Н.* Шалом леха коммунизм (Прощай, коммунизм) (иврит). Израиль, 1983. С. 194; АВП РФ. Ф. 089. Оп. 18. П. 35. Д. 5. Л. 40–47.
- 2 Государственный архив Израйля. Фонд: Правительственные министерства, папка 4078/2–5; док. 29.12.1965 (иврит). Ук. соч. *Шафран Н.* С. 200.
- 3 Ук. соч. *Шафран Н.* С. 201.
- 4 СССР и ближневосточное урегулирование. С. 158.
- 5 Зо Гадерех. 18.11.87.
- 6 Зо Гадерех. 22.02.1969.
- 7 Зо Гадерех. 22.02.89.
- 8 Заключительные выступления М. Вильнера на второй сессии Всеизраильской конференции КПИ 13.01.1990 // Зо Гадерех. 24.01.1990.
- 9 Статья Т. Туби в газете Зо Гадерех. 13.03.91
- 10 Зо Гадерех. 20.03.1991.
- 11 Беседа автора с Й. Гожанским, Тель-Авив, 16.04.2010.
- 12 *Сегев Шмуэль.* Незванный посредник. Маарив. 30.06.1987 по З.Г. 15.07.1987.
- 13 Зо Гадерех 23.03.88.
- 14 ГАРФ, фонд 9539, опись 1, дела 1545, лист 18 (1972).
- 15 ГАРФ, фонд 9539, опись 1, дело 1439, л. 13–14.
- 16 ГАРФ, фонд 9559, дело 1439, л. 5.
- 17 ГАРФ, фонд 9559, дело 1439, л. 9.
- 18 ГАРФ, фонд 9539, опись 1, ед. хранения 1447, лист 3.
- 19 ГАРФ, фонд 9539, опись 1, ед. хранения 1465, «1971», лист 15.
- 20 Государственный архив Израйля. Фонд: Правительственные министерства, папка 4604/8–57, док. от 17.08.1971.
- 21 Государственный архив Израйля. Фонд: Правительственные министерства, опись СССР – отношения с Израилем на неправительственном уровне, папка 4604/8–57. Док. 186.
- 22 ГАРФ, фонд 9539, опись 1, дело 1465, лист 17. Письмо «Группы шести» СКЗМ от 07.11.1971.
- 23 Маарив. 02 мая 1972 г.
- 24 Турей хасмол. 13.10.1975.
- 25 Аль Гамишмар. 16.10.75.
- 26 Едиот Ахронот. 24.10.75.
- 27 Турей хасмол. 13.10.1975.
- 28 Едиот Ахронот. 24.10.75.
- 29 Гаарец. 07.12.1978.
- 30 Гаарец. 17.12.1978.
- 31 Гаарец. 07.12.1978.
- 32 Маарив. 05.01.1979.
- 33 Аль Гамишмар. 31 октября 1985.
- 34 Там же.
- 35 «Отказники» – граждане СССР, которым власти отказывали в разрешении на эмиграцию.
- 36 См. подробнее: *Локшин А.* Завеса истории // *Лехаим.* Октябрь 2006. № 10 (174).
- 37 Зо Гадерех. 19.08.1987.
- 38 Давар. 06.07.1987.

- ³⁹ Э. Шеварднадзе – министр иностранных дел СССР в 1985–1990 гг.; В. Чебриков – председатель КГБ СССР в 1982–1988 гг.; Ю. Скляр – заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС в 1986–1988 гг.; В. Загладин – член ЦК КПСС, советник М. Горбачева.
- ⁴⁰ См. Приложение к разделу.
- ⁴¹ Выписка из протокола № 175 заседания Политбюро ЦК КПСС от 29 декабря 1989 года. О нашей дальнейшей линии в отношении Израиля. Российский Государственный архив Новейшей истории (РГАНИ) Ф. 89. ОП. 9. Д. 68. ЛЛ. 1–10).
- ⁴² Маарив. 18.06.1987; Аль Гамишмар. 19.06.1987.
- ⁴³ Гаарец. 19.06.87 – комментарий Йоси Галили.
- ⁴⁴ *Любич Р.* Бахарти лихйот бемаавак (Я выбрала жить в борьбе). Тель Авив. 1985. С. 287.
- ⁴⁵ *Бовин А.* 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства. М.: Захаров, 2000. С. 49.
- ⁴⁶ Гаарец. 20.05.79.
- ⁴⁷ Ук. соч. *Бовин А.* С. 51.
- ⁴⁸ Гаарец. 20.05.1979.
- ⁴⁹ Ук. соч. *Бовин А.* С. 51.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Зо Гадерех. 17.05.1989.
- ⁵² Маарив. 19.05.1980.
- ⁵³ Зо Гадерех. 09.05.1990.
- ⁵⁴ Зо Гадерех. 17.05.1989.
- ⁵⁵ Зо Гадерех. 24.05.1989.
- ⁵⁶ Зо Гадерех. 02.03.1989.
- ⁵⁷ The Jerusalem Post. 07.11.1990.
- ⁵⁸ Там же. См. подробнее о Натив в разделе 1.3 Гл. 1 «Советско-израильские отношения в 1948–1967 гг.»
- ⁵⁹ Государственный архив Израиля. Фонд: МИД, папка 4221/7–з7, док. от 16.09.1969.
- ⁶⁰ Государственный архив Израиля. Фонд: Правительственные министерства, папка 4604/9–з7, док. от 14.04.1971.
- ⁶¹ Государственный архив Израиля. Фонд: МИД, папка 5369/3–з7, док. от 16.03.1972.
- ⁶² Государственный архив Израиля. Фонд: Канцелярия премьер-министра папка 820 (1–2), док. от 2.10.1974.
- ⁶³ «7 ямим в 7 лейлот», еженедельное приложение к газете «Маарив». 12.10.1979 (иврит).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Докладная записка Генеральному Секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву

Товарищу М.С. Горбачеву

В соответствии с Вашим указанием о проведении в Москве в конце августа советско-израильского круглого стола по вопросам ближневосточного урегулирования представляем свои соображения.

Целесообразность проведения такого мероприятия в намеченные сроки вызывает большие сомнения.

В соответствии с принятыми решениями периодически осуществляются контакты по линии МИД СССР и Израиля. Последняя такая встреча состоялась на днях в Бонне. Содержание и итоги этих консультаций представляются полезными. Имеется в виду их продолжить. Перес просит о встрече в Нью-Йорке.

Наши контакты с Израилем в соответствии с указанными решениями носят тщательно выверенный, дозированный характер, что помогает нам продвигать с израильского угла процесс ближневосточного урегулирования, в то же время избегая отрицательной реакции со стороны арабов.

С генсеком ЦК Компартии Израиля М. Вильнером в период его пребывания в Москве на праздновании 70-летия Октябрьской революции можно было бы обстоятельнее обсудить этот вопрос, прояснить полезность подобного мероприятия.

С учетом этих соображений считаем целесообразным отложить проведение круглого стола и вернуться в этом вопросе в конце года.

Просим рассмотреть.

Э. ШЕВАРДНАДЗЕ
В. ЧЕБРИКОВ
Ю. СКЛЯРОВ
В. ЗАГЛАДИН

04 сент. 1987 г.

Антисионизм – передовой рубеж идеологической борьбы

Обличительная критика сионизма в СССР была одной из характерных особенностей борьбы на идеологическом фронте. Сионизм в партийной пропаганде непомерно демонизировался как ни одна другая национальная идеология. Будучи изначально идейной базой еврейского национального движения, нацеленного на реализацию права еврейского народа на создание собственного государства, в советской интерпретации сионизм приобрел значение одного из главных идеологических врагов внутри страны и на международной арене.

Советские партийные органы и, прежде всего, Отдел пропаганды ЦК КПСС уделяли этому направлению идеологической борьбы пристальное внимание. Так, например, заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС А. Яковлев указывал в своей записке, что в 1970–1971 гг. было издано 59 названий книг общим тиражом 2 млн. экземпляров на русском, украинском, литовском, английском, французском, немецком, испанском и арабском языках, в которых «разоблачается реакционная, антисоветская сущность теории и практики современного сионизма»¹.

Выходивший в Москве на языке идиш ежемесячный журнал «Советиш Гемланд» и издававшаяся в Биробиджане газета «Биробиджанер штерен» вынуждены были, чтобы сохранить себя, следовать генеральной линии КПСС и публиковать материалы, осуждающие сионизм и Израиль.

На разоблачение сионистской идеологии были брошены и научные силы из институтов Академии наук СССР. В 1971 г. по решению ЦК КПСС в Институте востоковедения Академии наук СССР был образован Отдел по изучению Израиля². Некоторые аспекты внутренней и внешней политики Израиля и сионистская идеология в той или иной степени изучались и в других институтах Академии наук – в Институте международного рабочего движения, в Институте социологии, в Институте США и Канады в рамках тематики, связанной с политикой США на Ближнем Востоке, в Институте ми-

ровой экономики и международных отношений, в Институте государства и права.

Исторически сионизм рассматривался большевиками, а затем коммунистами как враждебная идеология. Абсолютизация национальной идеи, характерная для сионизма, противоречила марксистско-ленинской концепции общественного развития как борьбы классов. Сионизм, выдвинувший тезис о единстве и особенности еврейского народа, разоблачался коммунистическими теоретиками как реакционная идеология, препятствовавшая объединению еврейского пролетариата с трудящимися других национальностей в борьбе с классами эксплуататоров. В первые десятилетия существования Советского государства, когда шли интенсивные процессы стирания этнического самосознания, искоренения религиозных традиций любого вероисповедания борьба с сионизмом была менее актуальной. Но в конце 1940-х гг., когда в международную повестку дня встал вопрос о Палестине, и особенно после образования Государства Израиль, призывавшего к переселению всех евреев мира, критика сионизма заняла свое место в арсенале советской пропаганды. Сталинские гонения против евреев в конце 1940-х гг., апогеем которых стало «дело врачей», воспитывали отношение к еврейскому населению как к предателям, «пятой колонне», состоящей из «агентов мирового сионизма».

В это время в научных работах и публичных лекциях специалисты по Ближнему Востоку разъясняли реакционную роль сионистов, отвлекающих еврейские массы от участия в революционной борьбе, отделяющих еврейских тружеников от их товарищей других национальностей в противостоянии капиталистической эксплуатации³. В советском дискурсе сионистские организации непосредственно связывались с реакционной политикой империализма. В вышедшей в 1958 г. книге К. Иванова и Н. Шейниса «Государство Израиль, его положение и политика» авторы пытались поставить под сомнение право Израиля на существование, поскольку он «под руководством реакционных сионистов, стал на сторону самых ярых врагов народов Востока и не только Востока»⁴.

В период «оттепели», связанной с именем Н.С. Хрущева, оскорбительно критический тон в отношении сионизма, иудаизма был несколько снижен. В 1963 г. под эгидой Украинской академии наук в Киеве была опубликована книга Т.К. Кичко «Иудаизм без прикрас»⁵. Содержавшиеся в ней одиозные оценки сионизма, иудаизма были резко раскритикованы в советской печати как оскорбительные для

верующих, граничащие с антисемитизмом и искажающие израильскую действительность⁶. Книга была изъята из обращения.

В конечном счете, все же возобладал взгляд на сионизм как идеологию, главным содержанием которой является воинствующий шовинизм и антикоммунизм. В выработанной советскими авторами формулировке сионизм определялся как идеология, система организаций и политическая практика крупной еврейской буржуазии, сросшейся с монополистическими кругами США и других империалистических держав⁷.

Антисионистская пропаганда в СССР особенно усилилась с ростом национального самосознания советских евреев вследствие войны 1967 г. Молниеносная победа Израиля над арабами, демонстрация неоспоримого превосходства военной мощи и силы духа молодой нации произвели огромное впечатление на еврейскую общественность во всем мире. У советских евреев израильские свершения вызвали необыкновенный подъем национальных чувств. Это, в свою очередь, повлекло не только активизацию борьбы за свободу выезда, но и всколыхнуло национальное самосознание: повысился интерес к изучению иврита, к возрождению еврейских традиций в быту и в духовной сфере.

Советские власти строго дозировали любые проявления этно-национального сознания, не говоря уж об ограничениях в религиозной сфере. Еврейские активисты выходили за эти рамки дозволенного. Еврейское движение, развиваясь параллельно с политическим диссидентством в СССР, становилось в оппозицию властям, принимало на себя роль подрывного элемента, разрушающего фундаментальные устои социалистического строя. Особенно после 1967 г. любые проявления симпатии к Израилю даже в среде нееврейской студенческой молодежи, как, например, ношение израильских значков, рассматривались как поддержка сионизма.

В секретной справке КГБ о враждебной деятельности так называемых сионистских элементов внутри страны, направленной в ЦК КПСС 17 мая 1971 г., указывалось: «Сионисты стремятся оказывать идеологическое воздействие на еврейское население СССР, с тем, чтобы вызвать среди него негативные проявления и создать националистическое подполье». Цели их деятельности сотрудники госбезопасности видели в том, чтобы изменить политику Советского Союза на Ближнем Востоке, нанести удар по сплоченности советского народа, вызвать антисемитские настроения у советских людей, а у евреев активизировать эмиграционные настроения⁸.

Это пробуждение национального сознания происходило не без подпитки из-за рубежа. После 1967 г. борьба за освобождение советских евреев приобрела небывалый международный размах. Израиль, лишившись даже тех ограниченных легальных связей с советским еврейством, которые обеспечивали дипломатические отношения, развернул в сотрудничестве с американскими еврейскими организациями широкомасштабную кампанию под лозунгом: «Отпусти мой народ!» Целенаправленная разъяснительная работа о притеснениях евреев в СССР, об ограничении права на эмиграцию велась не только в еврейских общинах всех стран мира. В деятельность по оказанию давления на Советский Союз в вопросах соблюдения прав человека втягивались правительства и парламентарии западных стран, различные общественные и неправительственные организации. Международное воздействие на СССР оказывалось разнообразными способами: обсуждения в комитетах ООН, слушания в конгрессе США, частные запросы и инициативы руководителей государств, встречи западных политиков с «отказниками», массовые движения протеста против политики СССР в отношении евреев в разных странах, многочисленные конференции с участием руководителей Израиля, кампании в защиту конкретных «узников Сиона» и «отказников»⁹ и т. д. Еврейские лоббисты активно действовали на поле конференции государств – участников Хельсинского соглашения, стремясь превратить проблему советских евреев в центральный вопрос этого форума.

В феврале 1971 г. в Брюсселе состоялась первая Всемирная еврейская конференция, посвященная исключительно проблемам советских евреев. В конференции участвовало полторы тысячи делегатов, представлявших практически все еврейские общины западного мира из тридцати восьми стран. В работе конференции приняли участие Д. Бен-Гурион, М. Бегин, главный раввин Израиля А. Элиав, писатели С. Беллоу, А. Шлэнский, Э. Визель, член Верховного Суда США А. Голдберг, член английского Парламента лорд Б. Дженнер. Конференция приняла Брюссельскую программу, определив в ней цели и направления деятельности, методы ведения борьбы в поддержку советских евреев. Важным итогом работы конференции стало открытие с одобрения израильского «Натив» организаций в поддержку советских евреев в Соединенных Штатах, Европе и Израиле¹⁰.

Тема преследований в СССР по национальному признаку, советского антисемитизма многие годы была в центре внимания западных средств массовой информации. Большую роль в распространении

запретной для советских граждан информации играли зарубежные радиовещательные станции – ВВС, радио «Свобода», «Голос Израиля» и др. Различными нелегальными путями в СССР попадала печатная продукция агитационного характера. Закрытость советского общества, всепроникающий контроль органов государственной безопасности над жизнью советских граждан приводили к тому, что еврейским активистам для установления связей с зарубежными организациями приходилось прибегать к средствам, считавшимся в СССР противозаконными – к помощи иностранных посольств, корреспондентов западных изданий, работавших в Москве. Для получения информационных материалов, необходимой учебной литературы или культовых предметов использовались также каналы туризма, научно-технического, культурного, торгового обмена.

Советская идеологическая машина, отлаженная на оценку любого инакомыслия как результата вражеских происков, приписывала все проявления еврейского национального самосознания исключительно давлению сионизма. Но получаемая извне целенаправленная информация ложилась на подготовленное протестное сознание, бунтовавшее против зашоренности и несвободы советского культурно-политического пространства. Советская власть, державшаяся на строгом соблюдении марксистско-ленинских идеологических канонов, не могла допустить их размывания националистической идеологией. Сионизму, несшему в себе угрозу расшатывания ценностных ориентаций социалистического общества и их подмену так называемыми буржуазными установками, был вынесен суровый приговор. Советские граждане, уличенные в тайных контактах с иностранцами, в распространении запрещенной литературы, обвинялись в антигосударственной деятельности, против них фабриковались дела о шпионаже, что влекло за собой суровые сроки заключения. Одним из наиболее известных «узников совести» был А. Щаранский, ставший впоследствии крупным израильским общественным и политическим деятелем. В 1978 г. он был осужден советским судом на тринадцать лет лишения свободы по ложному обвинению в действиях, причиняющих ущерб государственной безопасности. Только усилиями западной общественности, американской администрации и лично американских президентов – Дж. Картера и Р. Рейгана – Щаранский вышел на свободу в 1986 г. и эмигрировал в Израиль.

С 1970-х годов «еврейский вопрос» играл особую роль в советско-американских отношениях, что в первую очередь было связа-

но с усилением позиций произраильского или, как его называли в советской публицистике, сионистского лобби в американской политике. Как уже было сказано выше, действия еврейского лобби, блокировавшегося с наиболее антикоммунистически настроенными силами в американском конгрессе, наносили большой ущерб политике разрядки между СССР и США. Свою роль в этом играл и Израиль. Помимо необходимости увеличения иммиграционного потока его политика исходила из того, что ослабление конфронтационных тенденций в отношениях двух сверхдержав может грозить снижением американской мотивированности для предоставления помощи ближневосточному партнеру, прежде всего в военной области. Руководство Израиля и его спецслужбы внесли свой вклад в продавливание в американском Конгрессе поправки Джексона-Вэника, которая исключала предоставление льготного статуса странам, ограничивавшим свободу эмиграции для своих граждан. По утверждению Я. Кедми, бывшего руководителя одной из израильских разведслужб «Натив», «этот законодательный акт был задуман, подготовлен и направлен работниками Натив»¹¹. На многие годы эта поправка стала источником довольно злобных претензий советской стороны к «сионистским лоббистам», которых обвиняли в разжигании «холодной войны».

Борьба еврейских организаций за увеличение американской помощи Израилю для укрепления его обороноспособности в противостоянии с враждебными силами в арабском мире, нацеленными на его уничтожение, рассматривалась в СССР как борьба сионизма с национально-освободительными движениями, наносившая удар и по советским позициям на Ближнем Востоке. В публикациях по ближневосточной тематике и вопросам урегулирования арабо-израильского конфликта авторы, исходя из идеологических установок, подчеркивали агрессивный внешнеполитический курс Израиля по отношению к арабам. При этом многие советские газеты и информационные агентства имели своих корреспондентов в арабских странах, а в Израиле, естественно, их не было, поэтому советские журналисты и другие авторы получали одностороннюю информацию и смотрели на Израиль глазами арабов. Поддерживая арабские режимы, они обходили молчанием их угрозы в адрес Израиля.

Выше уже упоминалось о том, что на Западе, прежде всего в США, действовал ряд экстремистских еврейских группировок, среди которых особо выделялась «Лига защиты евреев». Их деятель-

ность принимала различные насильственные формы от хулиганских выходов против советских граждан, попыток срыва культурных и спортивных мероприятий с участием советских представителей до настоящих террористических актов – поджогов, взрывов советских загранучреждений. Протесты такого рода не вызывали симпатий у многих американских евреев, даже придерживавшихся сионистских убеждений, и это было хорошо известно советским дипломатам, работавшим в Вашингтоне. Недаром в одной из телеграмм из посольства от 7 июля 1970 г. среди рекомендаций относительно борьбы с сионистским влиянием в США указывалось, что необходимо накапливать морально-политический потенциал в работе с умеренными силами еврейской общины¹².

Однако в арсенале советской идеологической пропаганды не было средств, чтобы разбираться в различных политических направлениях ни среди американских евреев, ни в самом Израиле. Советские критики сионизма утверждали, что попытки буржуазных исследователей характеризовать это идеологическое направление как совокупность разнородных и враждовавших друг с другом течений направлены лишь на то, чтобы усугубить путаницу в вопросе о том, что же на самом деле представляет из себя так называемое «сионистское движение»¹³. Попытки академических исследователей разъяснить неоднородность сионизма, показать различия, например, между идеологией социал-сионистов и сионистов-ревизионистов неизменно сталкивались с откровенными запретами идеологических инстанций как-либо освещать эти темы.

В советском антиссионистском наступлении Израилю отводилась роль руководящей силы международного сионизма. Публицисты «первой волны» антиссионистской пропаганды (конец 1960-х – 1970-е годы) особенно усердствовали в обличении Израиля как «гнездилища сионизма», как проекта для «обогащения толстосумов из международного сионистского концерна»¹⁴. Характерной особенностью литературы этого жанра стало грубое извращение исторических событий, подтасовка, а порой и просто фальсификация фактов, касающихся создания Израиля, его внутренней и внешней политики, искаженное представление причин и характера арабо-израильского конфликта. Наиболее odioзные авторы утверждали, что международный сионизм создавал еврейское государство, а так называемый сионистский капитал обеспечил его существование для того, чтобы превратить его в центр влияния на евреев, проживающих в других

странах мира, и создать таким образом резерв штрейкбрехеров революционного движения и иной империалистической агентуры¹⁵. Читателя усиленно убеждали в том, что сионисты из соображений увеличения притока европейских евреев в Палестину не стремились предотвратить преследования евреев гитлеровским режимом. Трагедия европейского еврейства оставалась за скобками этих «исследований». О Холокосте, гитлеровской политике массового уничтожения евреев советские критики сионизма почти не упоминали. А ведь прошло совсем немного времени с тех пор, как А.А. Громыко с трибуны ООН в мае 1947 г. выдвигал в качестве аргумента в поддержку создания еврейского государства именно то трагическое обстоятельство, «что ни одно западноевропейское государство не оказалось в состоянии обеспечить защиту элементарных прав еврейского народа и оградить его от насилий со стороны фашистских палачей». Было бы несправедливо не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление стремления к созданию своего государства, – говорил тогда советский представитель¹⁶.

Эти заявления, а также неизменная поддержка СССР на протяжении всех последующих десятилетий права Израиля на существование говорят о том, что у советского руководства было адекватное понимание и здравая оценка истории возникновения еврейского государства и его существования во враждебном ближневосточном окружении. Но когда соображения «высокой» политики потребовали внедрить в умы советской общественности представление о порочности Израиля как орудия сионизма и империализма, была открыта дорога авторам, которые не гнушались никакими средствами. Их «произведения» выпускались немислимо огромными тиражами: самые odioзные антисиионистские пасквили Е. Евсеева «Фашизм под голубой звездой» и Ю. Иванова «Осторожно: сионизм!» были изданы, соответственно, тиражом 75 тыс. экземпляров и 200 тыс. экземпляров. В своих конспирологических измышлениях по поводу происков международного сионизма они, по-видимому, вдохновлялись в том числе и небезызвестными антисемитскими фальсификациями насчет всемирного еврейского заговора, которые были популярны и у черносотенцев, и у фашистов.

В отечественных работах уже периода перестройки встречаются попытки опровергнуть то, что критика Израиля была продиктована в том числе и антисемитизмом. Высказывается точка зрения, что критике подвергался экспансионизм Израиля, его сотрудничество

с Западом, его политика на оккупированных территориях. К тому же указывается, что советские читатели, привыкшие искать смысл между строк, часто понимали публикации в прямо противоположном смысле¹⁷. Этот анализ представляется не вполне корректным и честным. При отсутствии информационной свободы в СССР самые грубые подлоги и передергивания антиссионистских авторов часто принимались на веру. Они будили законсервированные на уровне обыденного сознания националистические предрассудки и настраивали людей не только против еврейского государства, но и против евреев. Одной из иллюстраций настроений советских людей может служить инцидент, происшедший на универсиаде в 1973 г. Израильская команда из 26 спортсменов, участвовавшая в ней, была освистана, а евреи-болельщики на трибунах в спровоцированной драке были жестоко избиты¹⁸.

В среде советской интеллигенции звучали отдельные голоса, предупреждавшие о пагубности развернутой антиссионистской, антиизраильской кампании. В 1975 г. известный востоковед академик М.А. Коростовцев направил письмо Суслову по поводу брошюры В. Бегуна «Ползучая контрреволюция». Советский ученый писал, что эта публикация раздувает антисемитские чувства, а это в свою очередь играет на руку сионистам¹⁹.

Произведения В. Бегуна, которые до сих пор находят спрос в Интернете, отличались особо напористой ненавистью в разоблачении сионизма и подводили читателей к мысли о враждебности еврейства советскому социалистическому строю. В опубликованной в 1989 г. статье отечественные исследователи С. Рогов и В. Носенко выявили схожесть гитлеровской антисемитской аргументации в «Майн кампф» с антиссионистскими измышлениями Бегуна²⁰. Однако в более ранние советские времена ни специальные комиссии ученых, ни высшие партийные и государственные инстанции не находили в подобных публикациях ничего предосудительного. Все они проходили проверку Главлита²¹, и нигде не оговаривалось, что они отражают только личную позицию автора, но не официальную точку зрения. Государственная поддержка таких изданий, их положительная оценка рецензентами не могли восприниматься во всем мире иначе, как пестование антисемитизма.

Партийное руководство сознавало негативные последствия этой ситуации как для имиджа СССР на международной арене, так и для межнациональных отношений внутри страны. Один из секретарей

ЦК М.В. Зимянин на встрече с представителями еврейской общечественности отмечал, что, к сожалению, за разоблачение реакционной сущности сионизма взялись люди, примитивно понимающие задачу, не учитывающие многих тонкостей проблемы. Они оказывают партии «медвежью услугу». Их выступления многими, особенно людьми еврейской национальности, воспринимаются как антисемитские²². Для исправления ситуации был предпринят поистине макиавеллевский шаг: Ю.В. Андропов, став генеральным секретарем ЦК КПСС, предложил в декабре 1982 г. обсудить вопрос «о привлечении и советских граждан еврейской национальности к активному участию в контрсионистской пропаганде», поскольку «известные люди еврейской национальности воздерживаются, за редким исключением, от публичной оценки сионизма»²³.

29 марта 1983 г. ЦК КПСС принял решение о создании Антисионистского комитета советской общественности (АКСО). Его главной задачей было решительное разоблачение идеологии и политической практики сионизма. Среди его членов были ученые, общественные деятели, представители литературы, искусства.

Создание Антисионистского комитета стало очередным звеном государственной антиизраильской, антисионистской кампании. Основная его деятельность заключалась в осуждении сионизма, политики Израиля и эмиграционных настроения среди советских евреев. Он не пользовался уважением среди советской общественности, многие советские евреи отмежевывались от него. Однако были и те, кто видел в этом Комитете «национальную еврейскую организацию», к которой можно обратиться за помощью и поддержкой. Комитет действительно сумел оказать помощь целому ряду людей. Он просуществовал до октября 1994 г.²⁴.

В потоке пропагандистских разоблачений происков империализма и сионизма особняком стояли академические исследования, посвященные Ближнему Востоку. В 1968 г. вышла монография Г.С. Никитиной «Государство Израиль». Израиль рассматривался в ней с традиционных марксистско-ленинских позиций как «буржуазное государство, правящая верхушка которого тесно связана с американским монополистическим капиталом и проводит антинародную политику, отвлекая трудящихся от классовой борьбы проповедью

национализма». Тем не менее, в 1979 г. израильский ученый З. Кац, побывавший в Москве, отмечал, что это наиболее полная книга об Израиле, которая была опубликована в СССР, хотя она и изобилует неточностями²⁵.

Многолетняя коллективная работа сотрудников Института востоковедения АН СССР завершилась выпуском в 1988 г. «Новейшей истории арабских стран Азии»²⁶, в которой подробные разделы были посвящены истории Палестины между 1917 г. и 1948 г., а также Палестинскому движению сопротивления. Еврейская колонизация Палестины и политика Израиля в ближневосточном конфликте оценивалась в них в русле советских идеологических установок, но при этом авторы опирались на большой объем научного материала, переплутанного из западных исследований.

Выходившие в этот период книги академика Е.М. Примакова²⁷ также были выдержаны в том идеологическом ключе, которого требовала марксистско-ленинская методология. Но в них давался очень скрупулезный анализ ближневосточных событий, основанный на документальном материале, личном опыте и впечатлениях. Для исследователя ближневосточных проблем они и сегодня дают интересный материал для размышлений.

В 1980-х гг. в Советском Союзе стали появляться работы об Израиле, в которых хоть и с марксистско-ленинских позиций, но уже без оскорбительных пропагандистских выпадов рассматривались отдельные аспекты его внутренней и внешней политики. В работах И. Звягельской, Т. Карасовой, Л. Барковского израильская действительность подвергалась критическому анализу, но уже имела более «человеческое лицо», а не «звериный лик сионизма»²⁸. В 1986 г. усилиями отдела Израиля Института востоковедения АН СССР был опубликован первый научный справочник «Государство Израиль»²⁹. Его авторский коллектив состоял из высококвалифицированных специалистов, и хотя они постоянно испытывали давление идеологической цензуры, но им удалось довольно полно осветить все аспекты израильской жизни – от природно-географических условий до политических проблем и культуры. Не обошлось и без курьезов. Один из составителей справочника рассказывал, что, представив книгу на рецензию в ЦК КПСС, как это полагалось, он столкнулся с недоумением рецензента по поводу того, что в ней упоминалось о древнеиудейском царстве, и получил выговор за слишком подроб-

ный физико-географический очерк, в содержание которого никак не укладывалась критика сионизма.

С начала 1980-х годов предпринимались попытки пересмотреть слишком нелепые и явно расходившиеся с действительностью формулировки, внедрявшиеся антиссионистской пропагандой в предыдущие годы. Так, например, известный отечественный американист указывал на несостоятельность термина «сионистский капитал», доказывая, что сложившиеся в США промышленно-финансовые группы независимо от присутствия в них еврейской буржуазии давно утратили этническую принадлежность и являются составной частью американского крупного капитала³⁰.

Более взвешенное, но еще не освобожденное от идеологических догм изучение Израиля в предперестроечный период вносило свой вклад в продвижение советской научной мысли и публицистики по пути более свободного, объективного анализа событий и на Ближнем Востоке и в «третьем мире» в целом.

- 1 РГАНИ. Фонд 5, опись № 63, дело 109.
- 2 См. подробнее: Приложение III.
- 3 *Луцкий В.Б.* Палестинская проблема. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 9 августа 1946 г. в Центральном парке культуры и отдыха им.Горького в Москве. Издательство «Правда». М. 1946. С. 14.
- 4 *Иванов К., Шейнис Н.* Государство Израиль. Его положение и политика. М.: Госполитиздат, 1958.
- 5 *Кичко Т.К.* Иудаизм без прикрас. Киев. АН УССР. 1963.
- 6 Правда. 04.04.1964.
- 7 *Иванов Ю.* Осторожно: сионизм! М.: Изд-во политической литературы, 1970. С. 4.; *Рокотов С.М.* Сионизм – орудие агрессивных империалистических кругов. М.: Международные отношения, 1983. С. 23–24.
- 8 РГАНИ. Фонд 5, опись № 63, дело 108.
- 9 «Узники Сиона» – см. Гл. II, сн. 147. «Отказники» – см. Гл. 3, сн. 35.
- 10 *Кашеровский Ю.* «Мы снова евреи» Очерки по истории сионистского движения в Советском Союзе. Том 2, часть IV, глава 21. Иерусалим. 2007 // <http://pubs.ejwiki.org/wiki/>
- 11 Израильская спецслужба Натив. Операция «Большая алия» [Электронный ресурс] http://nativ.h12.ru/kedmi_1.htm Код доступа: 25.09.2014.
- 12 РГАНИ. Фонд 5, опись № 62, дело 57.
- 13 Ук. соч. *Иванов Ю.* С. 43.
- 14 См.: Ук. соч. *Иванов Ю.; Евсеев Е.* Фашизм под голубой звездой. М.: Молодая гвардия, 1971.
- 15 Ук. соч. *Иванов Ю.* С. 55.
- 16 Советско-израильские отношения. Т. 1. С. 216.
- 17 Ук. соч. *Васильев А.* С. 322–323.
- 18 Массаджера 26.8.73// Государственный архив Израиля. Фонд: МИД, папка 5369/5 лз – Док. от 26.08.73
- 19 РГАНИ, фонд 5, опись 68, дело 414.
- 20 *Рогов С., Носенко В.* Что сказал «А» и что сказал «Б» // Советская культура, 9 февраля 1989 г. С. 6.
- 21 Главное управление по делам литературы и издательств – советская организация, осуществлявшая цензуру печатных произведений и защиту государственных секретов в средствах массовой информации.
- 22 *Шейнис Б.* Не дай умереть ребёнку. (Из воспоминаний киносценариста). М. 2010
- 23 [Электронный ресурс] <http://www.ejwiki.org> Код доступа 23.05.2014
- 24 См. подробнее Приложение I.
- 25 «7 ямим ве 7 лейлот», еженедельное приложение к газете «Маарив» (иврит). 12.10.1979.
- 26 Новейшая история арабских стран Азии. М.: Наука, 1988.
- 27 *Примаков Е.М.* Анатолия ближневосточного конфликта. М.: Мысль, 1978; *Примаков Е.М.* История одного сговора. М.: Политиздат, 1985.
- 28 *Звягельская И.* Роль военной верхушки в партийно-политической системе Израиля. М.: Наука, 1982; *Карасова Т.* Блок Маарах в партийно-политической системе Израиля. М.: Наука, 1988; *Барковский Л.* Арабское население Израиля. М.: Наука, 1988.
- 29 Государство Израиль. Справочник. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.
- 30 Ук. соч. *Рокотов С.* С. 28–29.

| Советско-израильские отношения в период между 1985–1991гг. Восстановление дипломатических отношений

5.1. Изменения в региональной политике

Коренной поворот в подходе к Израилю был предопределен важными изменениями в советском внешнеполитическом курсе на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Серьезный пересмотр советских внешнеполитических ориентиров, в том числе и в отношениях с «третьим миром», был вызван осознанием того факта, что экспансионизм предыдущих десятилетий, основывавшийся, с одной стороны, на стремлении продвигать собственные идеологические установки по всему миру, а с другой – на чисто прагматической борьбе за сферы влияния, приводил к весьма негативным последствиям для безопасности и международного престижа Советского Союза. Эта политика стимулировала формирование враждебных СССР коалиций, давала возможность западным лидерам использовать реальную или мнимую советскую угрозу для консолидации противостоящих ей сил по всему миру. К тому же содержание и поддержка «братских» партий и дружественных Советскому Союзу режимов ложились тяжким бременем на советскую экономику, и без того страдавшую многими изъянами. Развязанная СССР и США в ходе борьбы за глобальное лидерство гонка вооружений также пагубно отражалась на экономическом развитии страны, блокируя хозяйственные преобразования, проведение которых было поставлено в повестку дня новым руководством во главе с М.С. Горбачевым.

Задачи внутренних политических и экономических реформ требовали создания более благоприятного международного климата, снижения накала напряженности по всем внешнеполитическим направлениям. Если еще в 1981 г. в Отчетном докладе ЦК КПСС двадцать шестому съезду партии выражалось традиционное осуждение

империалистов за их стратегические замыслы, подрывающие независимость освободившихся от колониальной зависимости стран¹, то совсем другие ноты звучали в Политическом докладе ЦК КПСС двадцать седьмому съезду КПСС, проходившему в феврале 1986 г. Здесь уже говорилось о необходимости «найти пути более тесного и продуктивного сотрудничества с правительствами, партиями, общественными организациями и движениями, которые действительно озабочены судьбами мира на Земле, со всеми народами ради создания всеобъемлющей системы международной безопасности»². В этих формулировках проявлялось стремление выработать более прагматичный, деидеологизированный подход к выстраиванию внешнеполитического курса, который соответствовал бы экономическим возможностям СССР и задачам реформ, в меньшей степени подчинялся идеологической концепции классовой борьбы и военно-го соперничества с Западом.

Этот интеллектуальный поиск привел к разработке нового политического мышления, которое можно определить как новаторский, хотя и не лишенный идеализма, прорыв в сфере международных отношений. Возникшая внешнеполитическая концепция предлагала опираться в деятельности государства на международной арене на общечеловеческие ценности, а не на классовые интересы и соображения идеологического престижа или силовую практику. Новое политическое мышление предусматривало преодоление стереотипов, основанных на правилах игры с нулевым вариантом, когда любые успехи соперника рассматривались как собственное поражение и, наоборот, любые его провалы зачислялись в свой актив. В этой игре, по образному выражению крупнейшего российского исследователя международных отношений Г.И.Мирского, «третий мир» «представлялся увесистой гирей: на чью чашу весов во всемирной борьбе эта гиря ляжет – тот получит серьезное преимущество»³.

В рамках нового политического мышления была выдвинута концепция взаимозависимого мира, проблемы которого могут решаться только посредством достижения баланса интересов всех стран. Правда, кардинальные сдвиги в советском внешнеполитическом мышлении были восприняты на Западе, прежде всего в США, как капитуляция СССР, как свидетельство неоспоримой победы Запада в многолетнем противоборстве. В интерпретации многих западных идеологов и политиков, ослабление Советского Союза открывало возможность впредь строить международные отношения, исходя ис-

ключительно из собственных представлений о добре и зле и руководствуясь собственными эгоистическими интересами. В американских правящих кругах утверждалось видение однополярного мира, в котором Соединенным Штатам принадлежала роль бесспорного лидера, управляющего глобальными процессами, корректирующего внутреннее развитие тех или иных стран.

При всем идеализме, оторванности от реальности внешнеполитических концепций времен перестройки советскому руководству удалось все же существенно снизить конфронтацию между СССР и США, другими западными странами, положить конец «холодной войне» между Востоком и Западом, сократить за счет этого конфликтный потенциал в Азии, Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке. Это произошло, как считают многие современные авторы, «не благодаря взаимным компромиссам, а за счет ухода Советского Союза из тех зон мира, которые были его сферами влияния»⁴. Однако были и существенные приобретения именно благодаря постепенной, на первых порах трудноразличимой за прежней антиимпериалистической фразеологией трансформации советской внешней политики по всем направлениям.

На Ближнем Востоке в течение десятилетий Советский Союз, несмотря на прагматизм в политических и экономических связях с рядом стран, делал ставку прежде всего на те государства или группировки в антиколониальных движениях, которые в той или иной степени придерживались антизападной, прежде всего антиамериканской ориентации. Академик Е.М. Примаков четко обозначал круг советских партнеров на Ближнем Востоке, отнеся к ним Египет (времен президента Г.А. Насера), Сирию, Ирак, Ливию, Алжир, Народно-Демократическую Республику Йемен⁵.

Однако в партийной платформе, представленной на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 г., содержались уже новые установки на развитие отношений со странами так называемой капиталистической ориентации, в том числе с консервативными арабскими режимами. Частью новой советской политики по расширению связей с ближневосточными государствами независимо от их идеологической ориентации стало установление дипломатических отношений в конце 1985 г. с Оманом и Объединенными Арабскими Эмиратами, в 1988 г. – с Катаром, в 1990 г. – с Бахрейном.

Менялся и подход к проблеме арабского единства, столь важного, с советских позиций, для урегулирования арабо-израильского кон-

фликта. Теперь единство действий арабов предлагалось выстраивать не на «антиимпериалистической основе», а на «конструктивной и реалистической платформе»⁶.

Важную роль в улучшении советских позиций в арабском мире сыграл начавшийся в феврале 1988 г. вывод советских войск из Афганистана. Ведшаяся советскими войсками война в Афганистане крайне негативно воспринималась в мусульманском мире, поэтому при встречах с арабскими руководителями в 1988 г. советская сторона всячески подчеркивала свою решимость добиваться скорейшего политического урегулирования афганской проблемы⁷.

Более гибкая и конструктивная региональная политика заставила советское руководство прийти к выводу о необходимости улучшения советско-египетских отношений, удар по которым был нанесен разворотом президента А. Садата в сторону Запада в начале 1970-х гг., а затем его курсом на сепаратные переговоры с Израилем и заключением кэмп-дэвидских соглашений. В мае 1988 г. состоялся первый с 1977 г. визит в Москву высокопоставленного египетского руководителя – министра иностранных дел И.А. Магида, в ходе которого он встречался с Горбачевым и Шеварднадзе. Египет постепенно восстанавливал свои позиции в арабском мире, преодолевая возникшую после Кэмп-Дэвида изоляцию: в ноябре 1987 г. Лига арабских государств приняла резолюцию, в которой каждой стране предоставлялось право самостоятельно решать вопрос о восстановлении дипломатических отношений с Египтом. Москва спешила не упустить возможность налаживания отношений с самым влиятельным арабским государством, тем более что египетское руководство активно поддерживало идею созыва международной конференции по Ближнему Востоку. Визит египетского министра иностранных дел завершился подписанием ряда важных соглашений в экономической области.

Совершая турне по Ближнему Востоку в феврале 1989 г., Шеварднадзе стал первым советским министром иностранных дел, посетившим Каир за последние пятнадцать лет. В египетской столице он встретился не только с президентом Х. Мубараком и главами ряда арабских стран, но и с палестинским лидером Я. Арафатом и министром иностранных дел Израиля М. Аренсом. Это подчеркивало признание Советским Союзом центральной роли Египта в урегулировании ближневосточных проблем.

Что касается традиционных союзников – Сирии и ООП – началась тенденция более решительного сдерживания их радикализма как в отношении Израиля, так и в решении других региональных проблем. Советское руководство настойчиво предупреждало президента Сирии Х. Асада, посетившего Москву с официальным визитом в апреле 1987 г., о недопустимости развязывания новых военных действий в регионе и призывало решать конфликты, как бы это ни было трудно, политическими средствами⁸. Именно в ходе этого визита было сделано одно из первых заявлений Горбачева о том, что отсутствие у СССР отношений с Израилем не может считаться нормальной ситуацией⁹. Хотя в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Советский Союз продолжал поставки вооружений Сирии, но советские дипломаты ясно давали понять сирийскому руководству, что Москва не будет поддерживать милитаризацию страны сверх «разумной оборонной достаточности», а тем более военные провокации против Израиля¹⁰.

В русле нейтрализации радикальных тенденций среди палестинцев развивались и отношения между СССР и ООП. Москва играла активную роль посредника в примирении различных фракций внутри ПДС в 1987–1988 гг. после того, как провалилась совместная инициатива Арафата–Хусейна по решению палестинской проблемы¹¹. Отсутствие единства в рядах ООП, а также ее непримиримая позиция в отношении Израиля расценивались советским руководством как препятствие на пути продвижения к урегулированию конфликтной ситуации на Ближнем Востоке. Во время визита Я. Арафата в Москву в апреле 1988 г. М.С. Горбачев впервые на встрече с лидером палестинцев публично заявил, что наряду с самоопределением палестинского народа признание государства Израиль, учет интересов его безопасности являются необходимыми элементами установления мира и добрососедства в регионе на принципах международного права¹².

В публикациях в советской прессе этого периода стали проскальзывать пока еще крайне робкие замечания о том, что признание ООП международно-правовой базы по ближневосточному конфликту необходимо для его решения. Один из известных тогда политических обозревателей К. Гейвандов писал в «Известиях»: «Признание ООП резолюции 181 заложит основу для соблюдения норм международного права в арабо-израильском конфликте»¹³.

В июле 1988 г. король Хусейн заявил о прекращении каких-либо политических связей Иордании с Западным берегом. «Иорданский вариант» решения палестинской проблемы, таким образом, становился неактуальным, но открывалась перспектива для более самостоятельной роли ООП в осуществлении самоопределения палестинского народа. Этому способствовало и развивавшееся на оккупированных территориях с конца 1987 г. палестинское восстание – интифада. Складывалась ситуация, когда руководство ООП должно было проявить гибкость, продемонстрировать готовность выработать реалистичную стратегию как ответственная сторона политического процесса.

Советский Союз, с середины 1970-х гг. поддерживавший идею независимой палестинской государственности на Западном берегу и в Газе, подталкивал руководство ООП к открытому признанию принципа двух государств в решении конфликта. Активная работа советской дипломатии с наиболее радикальными силами в ООП – Демократическим фронтом освобождения Палестины и Народным фронтом освобождения Палестины способствовала тому, что эти организации не препятствовали провозглашению в одностороннем порядке Государства Палестина в ноябре 1988 г. на XIX сессии Национального совета Палестины в Алжире. Впервые ООП, преодолев левацкие, экстремистские тенденции, в официальном документе заявляла о создании арабского государства в Палестине не вместо, а наряду с Израилем. Одновременно Я. Арафат выступил с публичным заявлением о признании ООП резолюции 181 ГА ООН от 1947 г. о разделе Палестины и резолюции 242 Совета Безопасности ООН от 1967 г., требовавшей ухода Израиля с оккупированных территорий в обмен на установление мира¹⁴. Этот шаг свидетельствовал о размывании прежней непреклонной палестинской позиции, отрицавшей право на существование Государства Израиль.

Советский Союз признал провозглашение палестинского государства, но не само государство, аргументировав свою позицию тем, что в советской практике не было прецедента признания государства, территория которого находится под иностранной оккупацией и которое не имеет правительства¹⁵. В то же время Советский Союз заявлял, что решения Алжирской сессии НСП открывают путь к созыву международной конференции по Ближнему Востоку¹⁶.

5. 2. Развитие советской позиции по ближневосточному урегулированию

Для ближневосточного региона особую важность представлял пересмотр советской политики в отношении региональных конфликтов. «При формировании советского подхода к любому региональному конфликту вопрос о степени ответственности каждой из участвующих сторон за его возникновение, как правило, подменялся вопросом, в каких отношениях она находится с Советским Союзом и Соединенными Штатами», – указывал известный российский ближневосточник В.И. Носенко¹⁷. Такие представления соответственно формировали и политику в сфере ближневосточного урегулирования, которая в первую очередь исходила из интересов собственных «клиентов» и пренебрегала интересами их оппонентов.

Инерция этих представлений сказывалась еще долго в период перестройки. Израильская политика по-прежнему подвергалась жесткой критике во многих официальных документах советского правительства и выступлениях его представителей. Сам Горбачев, не говоря уж о консервативной части советского политического руководства, неоднократно указывали, что источником конфликта является агрессивная политика Израиля в отношении арабов, а это не могло не восприниматься как предвзятая оценка ответственности за конфликт.

Всё же новое советское руководство, преодолевая конфронтационную схему международных отношений и взяв за основу своей внешнеполитической деятельности принцип баланса интересов, вырабатывало иной подход к региональным конфликтам. Касаясь Ближнего Востока, М.С. Горбачев писал: «Мы понимаем, что при существующем положении вещей трудно добиться гармонии интересов конфликтующих сторон. Но надо искать, надо пытаться привести к какому-то общему знаменателю интересы арабов, Израиля, его соседей, других государств»¹⁸. Акценты в советской позиции по урегулированию конфликта постепенно сдвигались в сторону большей объективности. Право палестинского народа на самоопределение непосредственно увязывалось с признанием права на безопасность Израиля. «Мы исходим из того, что израильский народ и государство Израиль имеют право на свою безопасность, потому что не может быть безопасности одного за счет другого», – говорил Горбачев в

одном из своих выступлений перед журналистами в Москве в июне 1988 г.¹⁹. Признание справедливости требований обеих сторон, беспристрастность в подходе к ним медленно пробивали себе дорогу.

Принцип всеобъемлющего урегулирования в решении арабо-израильского конфликта оставался краеугольным камнем советской дипломатии на Ближнем Востоке. Он должен был найти свое воплощение в проведении международной конференции при гарантированном участии в ней СССР. Участие в урегулировании являлось своего рода международным пропуском, удостоверявшим легитимность интересов Советского Союза в регионе и его присутствия там. Любые сепаратные переговоры между арабскими странами и Израилем, как показал опыт 1970-х гг., давали преимущества американцам, успешно перехватывавшим роль посредника. Однако с 1973 г., когда после октябрьской войны СССР удалось добиться проведения в Женеве международной конференции по ближневосточному урегулированию, Советский Союз на последующих этапах был фактически отстранен, а частично и самоустранился от прямого участия в решении арабо-израильских проблем. Переигрывать американцев на дипломатическом поприще в ближневосточных делах далеко не всегда оказывалось под силу. Негативную роль в этом играло и отсутствие дипломатических отношений с Израилем. Этот фактор имел большое значение среди мотивировок, подталкивавших советское руководство в его продвижении к установлению контактов с израильскими представителями.

Вопрос об участии СССР в ближневосточном урегулировании и необходимости изменения израильского подхода к нему ставился уже на самом раннем этапе, открывавшем «новую эру» в отношениях двух стран. По инициативе советской стороны в июле 1985 г. состоялась закрытая встреча советского и израильского послов во Франции Ю. Воронцова и О. Софера, которая проходила в парижской квартире всемирно известного пианиста Д. Баренбойма. Советский дипломат, признав, что разрыв дипломатических отношений с Израилем в 1967 г. был ошибкой, поднял вопрос о необходимости созыва международной конференции с участием Советского Союза. При этом он указал, что «мы не можем согласиться с переговорами только под американской эгидой»²⁰. Встреча была совершенно секретной, однако, в израильскую прессу просочилась информация о ней, которая вызвала массу догадок и домыслов о ее возможном содержании.

В сентябре 1985 г. президент Всемирного еврейского конгресса Эдгар Бронфман во время своего визита в Москву передал М. Горбачеву личное послание премьер-министра израильского правительства Ш. Переса, в котором говорилось о необходимости налаживания конструктивного диалога в целях последующей нормализации отношений. Ответное послание Горбачева, утвержденное в ЦК КПСС, было составлено вполне в традиционном советском стиле: «У нас не было и нет предубеждений против Израиля, – говорилось в нем. – Но мы не можем игнорировать его агрессивную, экспансионистскую политику. Образно говоря, Тель-Авив немало задолжал международному сообществу, в том числе и Советскому Союзу. И если теперь у кого-то в израильском руководстве начинает пробуждаться реализм, понимание, что подобный курс заводит Израиль в тупик, крайне для него опасен, то это можно было бы расценить как движение в правильном направлении»²¹. В послании содержался призыв к коренному изменению Израилем подхода к урегулированию. Советские требования в этот период оставались прежними: отношения с Израилем не могут быть восстановлены до тех пор, пока не будут освобождены территории, захваченные в 1967 г. Перес не замедлил с ответом. В интервью телекомпании Эй-Би-Си он заявил: «Я считаю, что, если русские хотят играть какую-то роль в той или иной международной дипломатической кампании, касающейся Ближнего Востока, они должны установить отношения с Израилем. При всем уважении к Советской России мы не собираемся менять свой подход к этому вопросу»²².

Развитие ситуации на Ближнем Востоке и в мире требовало более гибких подходов и компромиссных решений. В 1980-х гг. арабо-израильский конфликт постепенно смещался с авансены региональной политики. На горизонте замаячила более значимая региональная угроза в лице иранской шиитской теократии с ее гегемонистскими претензиями. Это способствовало восстановлению региональных позиций Египта, который как крупнейшая арабская страна, населенная мусульманами–суннитами, становился важным участником общеарабского противостояния Ирану.

Менялось и отношение арабов к Израилю. Уже в плане урегулирования конфликта, выдвинутом в 1981 г. саудовским наследным принцем Фахдом, а затем в общеарабском Фесском плане, появившемся в 1982 г., содержалось косвенное признание Израиля как регионального государства, имеющего право на существование в мире²³. В 1985–1987 гг. Израиль вел активные переговоры с иордан-

ским королем Хусейном о вариантах урегулирования, включая созыв международной конференции; в 1986 г. Перес, будучи премьер-министром в коалиционном правительстве, встречался с королем Марокко Хасаном. Эти факты говорили о том, что советские дипломатические усилия по расширению своего участия в ближневосточном урегулировании не могут быть успешными без восстановления отношений с Израилем.

Неожиданно благоприятные условия для продвижения советских инициатив сложились в связи с вскрывшимися в конце 1986 г. тайными сделками США по продаже оружия Ирану в обмен на освобождение взятых в заложники американских граждан. Скандальное дело «Иран – контрабанды»²⁴ подрывало американские позиции в арабском мире и создавало своеобразный дипломатический вакуум на Ближнем Востоке. Этим не преминула воспользоваться Москва, выдвинув предложение о создании в рамках Совета Безопасности ООН подготовительного комитета с участием всех постоянных членов СБ для принятия необходимых мер по созыву мирной конференции по Ближнему Востоку²⁵. Это предложение нашло широкую поддержку в ООН, а также было одобрено на VIII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран и получило поддержку государств-членов Организации исламской конференции.

В это же время в беседе с израильским премьер-министром Пересом в сентябре 1986 г. на 41-ой сессии ГА ООН Шеварднадзе особо подчеркивал, что если бы СССР и Израиль нашли бы общий язык в отношении политического урегулирования на Ближнем Востоке, то можно было бы вести дело к нормализации советско-израильских отношений»²⁶.

В следующие годы, развивая свою позицию о проведении полноценной, действенной конференции по ближневосточному урегулированию, советская сторона настойчиво стала увязывать вопрос о восстановлении дипломатических отношений с Израилем с его согласием на участие в такой конференции. Впервые ясно и четко об этом заявил Горбачев после встречи в верхах с Рейганом в Москве в июне 1988 г. «Я посвящу вас еще в одно – мы сказали: когда начнется конференция – нормальная, действенная конференция, а не просто зонтик для сепаратных переговоров, – форум, который был бы взаимосвязан с двусторонними, трехсторонними, другими формами работы, мы готовы будем заняться вопросом урегулирования дипломатических отношений с Израилем», – говорил советский Генсек на своей пресс-конференции²⁷. Вслед за Горбачевым советский ми-

нистр иностранных дел Э. Шеварднадзе, встречаясь 9 июня 1988 г. в Нью-Йорке с премьер-министром Израиля И. Шамиром, вновь подчеркивал: «Что касается вопроса о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Израилем., то с советской стороны было указано, что с началом работы действенной и эффективной международной конференции Советский Союз будет готов заняться его решением...»²⁸. Именно согласие Израиля на участие в международной конференции стало одним из основных советских условий для нормализации отношений с ним.

В то же время, в стремлении добиться воплощения своих идей по созыву широкого международного форума для решения конфликта СССР вынужден был несколько смягчать, по крайней мере, внешне, былую резкость своей позиции. Первые лица советского государства в этот период говорят лишь о самоопределении палестинского народа, форму реализации которого должны определить сами палестинцы вместе с дружественными им арабскими народами. Обычные формулировки о необходимости создания палестинского государства не используются. Нет упоминаний и об обязательном самостоятельном участии ООП в вероятном международном форуме²⁹. Возможно, это были тактические жесты, предназначенные для израильского руководства, которое, как ни в чем другом, было едино в негативном отношении к ООП и созданию палестинского государства. С Израилем в этих вопросах солидаризировались и США.

Обусловленность восстановления дипломатических отношений с Израилем в официальной советской формулировке «развертыванием переговорного процесса» вызывала критику со стороны некоторых «прорабов перестройки»³⁰. Они считали, что «великой державе негоже взимать плату за исправление собственной ошибки»³¹, т. е. предъявлять какие-либо требования Израилю за весьма сомнительный с политической и нравственной точки зрения разрыв отношений. Все же с сегодняшних позиций представляется, что советская настойчивость не была лишена здравого смысла. Благодаря в том числе и советскому давлению на израильское руководство удалось созвать Мадридскую конференцию в октябре 1991 г., впервые за десятилетия усадить за стол переговоров практически всех участников ближневосточного конфликта. Хотя в дальнейшем мирный процесс захлебнулся в потоке непримиримых претензий сторон, был перечеркнут отсутствием политической воли в продвижении навстречу друг другу, но это был важный прорыв в региональных международных отношениях, создававший прецедент для будущих поколений.

Нужно отметить, что в середине 1980-х гг. арабо-израильский конфликт уже не рассматривался советским руководством как главный и единственный источник напряженности и военной опасности в регионе. Выход на региональную арену мусульманского фундаментализма как следствие Хомейнистской революции в Иране, серьезно менял всю конфигурацию политических сил. Как это ни странно, лишь немногие аналитики, и в их числе известный израильский историк и политолог, профессор Иерусалимского университета Ш. Авинери, обратили внимание на то, что в Советском Союзе главным дестабилизирующим фактором на Ближнем и Среднем Востоке теперь называли угрозу, исходящую от исламского фундаментализма³². В нем видели вызов самому существованию светских арабских режимов, а также опасность перетекания мусульманского фанатизма на территории советских среднеазиатских республик. Для Израиля перспектива распространения идей исламской революции в ареале сопредельных стран и территорий также выглядела мрачно. Если до сих пор СССР и Израиль находились в противоположных лагерях, то теперь появился угрожающий региональной стабильности элемент, враждебный им обоим. Переоценка региональных угроз способствовала выявлению общих интересов у СССР и Израиля.

5.3. Израильский вопрос в контексте советско-американских отношений

Возможность осуществления всесторонних преобразований внутри страны и на внешнеполитическом направлении, поставленных в повестку дня М.С. Горбачевым и его единомышленниками, во многом зависела от встречных шагов, на которые готов был пойти традиционный соперник – Соединенные Штаты. Это касалось и вопросов разоружения, позволявшего высвободить ресурсы для развития гражданских отраслей экономики, и налаживания двустороннего экономического взаимодействия, в том числе для привлечения американских инвестиций и кредитов.

Одним из препятствий для развития отношений в экономической сфере служила известная поправка Джексона-Вэника, принятая Конгрессом США в 1974 г. Она была непосредственно связана с существовавшими в Советском Союзе ограничениями на эмиграцию, которые затрагивали и евреев, желавших переселиться в Израиль.

Американские конгрессмены рассматривали эти меры как нарушение прав человека и установили запрет на предоставление режима наибольшего благоприятствования странам, в которых вводились подобные ограничения³³.

Советское руководство понимало, что для развития нормальных экономических связей с США, для создания благоприятного климата доверия необходимо ломать стереотипные представления об СССР в вопросах соблюдения прав человека и свободы эмиграции. Именно эти вопросы напрямую затрагивали интересы советского еврейского населения, лоббированием которых активно занимались произраильские сионистские организации в Соединенных Штатах. Западные и израильские обозреватели не раз отмечали, что советские руководители были склонны преувеличивать влияние Израиля и произраильского лобби на формирование американского внешнеполитического курса. Но уже на одной из своих первых встреч с президентом Р. Рейганом в Рейкьявике в октябре 1986 г. М. Горбачев мог ощутить, какое большое внимание американское руководство уделяет вопросам положения евреев в СССР. Хотя саммит был посвящен прежде всего проблемам разоружения, американская сторона также передала советскому руководителю списки еврейских «отказников» и лиц, содержащихся в заключении по религиозным и политическим мотивам. Как свидетельствуют документы, Израиль, действительно, прилагал немало усилий для того, чтобы вопрос о выезде евреев не уходил из поля зрения американской администрации в процессе улучшения отношений с СССР. Так, в декабре 1985 г. израильский посол в Вашингтоне М. Розен настоятельно рекомендовал своему правительству призвать США и остальные государства свободного мира срочно оказать свое влияние на СССР в том, что касается еврейской эмиграции³⁴.

Израильские руководители постоянно заявляли о том, что для Израиля главным интересом в его отношениях с Советским Союзом является обеспечение прав советских евреев, прежде всего их права на эмиграцию. В связи с улучшением советско-американских отношений Перес, например, на очередном заседании Исполкома ВСО в Иерусалиме в 1987 г. призывал «поставить вопрос о евреях в Советском Союзе в центр системы отношений между Востоком и Западом»³⁵.

В Москве сознавали, что курс на расширение контактов с Израилем, смягчение эмиграционной политики способствовали бы

улучшению имиджа Советского Союза в глазах американской общественности и политиков, устранили бы из советско-американского диалога одну из самых чувствительных проблем. Однако изменения в советской эмиграционной политике произошли далеко не сразу. Довольно противоречивую оценку в Израиле и на Западе получило Постановление Совета министров СССР № 1064 (Д) от 28 августа 1986 г. о внесении дополнений в Положение о въезде в СССР и о выезде из СССР, которое вступило в силу с 1 января 1987 г. С одной стороны, в соответствии с ним, упрощалось рассмотрение просьб об эмиграции, в том числе сокращалось время ожидания ответа³⁶. Но с другой стороны, новые правила ограничивали возможности выезда рамками воссоединения семей.

Дополнения в Положение о въезде и выезде касались всех граждан Советского Союза. Они были приняты в рамках нового политического курса страны. Однако Перес поспешил заявить, что если «СССР готов выпустить 10 тысяч евреев, желающих выехать, – это значит, что русские выполняют одно из двух выдвинутых Израилем условий для их полноправного участия в ближневосточном мирном процессе и в международной конференции»³⁷.

С 1987 г. в эмиграционной сфере начали происходить ощутимые сдвиги: советским евреям было выдано 8 011 эмиграционных виз в Израиль. В 1988 г. эта цифра почти удвоилась³⁸. С 1987 г. начали также выпускать «отказников» – советских евреев, которым под тем или иным предлогом в течение длительного времени отказывали в получении выездных виз. В 1989 г. были сняты ограничения на эмиграцию. Более 70 тыс. советских евреев эмигрировали в этот год, но только 12 тыс. из них оказались в Израиле, в то время как большинство переселились в США³⁹, получив статус беженцев. В октябре 1989 г. в США из опасений большого наплыва еврейских беженцев из СССР и не без давления израильских лоббистов были введены квоты на въезд, что поставило преграду отсеву советских эмигрантов в направлении США на перевалочных пунктах в Европе. В результате почти вся еврейская эмиграция из СССР в последующие годы направлялась в Израиль. В 1990 г. ее численность составила более 185 тыс. человек, а в 1991 г. около 148 тыс.⁴⁰. Если принять во внимание, что с 1945 г. по 1980 г. еврейская эмиграция из СССР составила 253 тыс. человек⁴¹, то изменения, действительно, происходили фундаментальные.

Открытие эмиграции для советских евреев, а также развитие связей с Израилем не прошло незамеченным в еврейских сионистских

кругах США. Лидеры американских сионистских организаций стали более восприимчивыми к советским просьбам употребить свое влияние в поддержку отмены поправки Джексона-Вэника. В марте 1987 г. в Москве побывали М.Абрам, лидер двух крупнейших еврейских организаций в США, и Э. Бронфман, президент Всемирного еврейского конгресса. Они согласились в обмен на послабления в эмиграционной политике и расширение прав и свобод советских евреев в культурной и религиозной сферах содействовать пересмотру вопроса о законодательных поправках, противоречивших советским интересам⁴². В 1991 г. Э. Бронфман был весьма радушно принят в Москве министром внутренних дел Б. Пуго благодаря тому, что он выступал с требованием отмены антисоветской поправки в американском законе⁴³.

Лидеры перестройки, правда, испытывали большое давление и со стороны консерваторов в советском руководстве, и со стороны арабов, требовавших прекратить массовый «исход» советских евреев. С ростом эмиграции советских евреев в Израиль критические выступления арабов сосредоточивались на демографическом аспекте проблемы: советская эмиграция, с их точки зрения, создавала резерв для заселения оккупированных территорий, что в свою очередь приводило к росту численности еврейского населения на них и обеспечивало Израилю новые аргументы для их удержания под своим контролем. Масла в огонь подливали заявления израильского премьер-министра И. Шамира о том, что «для большой иммиграции нужен большой Израиль» и что «нам необходимо пространство для расселения всех этих людей»⁴⁴.

Не желая подрывать свои позиции в арабском мире, советское руководство вынуждено было искать способы, чтобы успокоить своих арабских партнеров. Советские дипломаты указывали, что советская эмиграционная политика, в том числе и в отношении евреев, исходит из того, что любой гражданин СССР имеет право выехать из страны в любом направлении и вернуться обратно. Эта политика никак не связана с поощрением расселения эмигрантов на оккупированных Израилем арабских землях, а предотвращение создания еврейских поселений входит в компетенцию международного сообщества⁴⁵.

Для успокоения арабов советские инстанции долгое время откладывали решение вопроса об организации прямых авиарейсов из СССР в Тель-Авив. Этот вопрос неоднократно поднимался израильскими представителями на встречах с советскими представителями. Хотя отсутствие

прямого сообщения не могло ограничивать эмиграцию, а экономически прямые авиарейсы могли бы быть выгодны советской стороне, но демонстрационный эффект этой меры был рассчитан непосредственно на арабский мир.

Горбачев время от времени делал заявления о том, что советская сторона может приостановить выдачу разрешений на выезд, если иммигрантов из СССР будут расселять на оккупированных территориях. Однако в ответ тут же раздавалась угроза Вашингтона: «Если вы будете настаивать на этом, мы не сможем предоставить вам режим наиболее благоприятствуемой нации»⁴⁶. Только с принятием в 1991 г. «Закона о порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР», который вступил в силу с 1993 г., когда СССР уже не существовало, вопрос эмиграции получил, наконец, цивилизованное регулирование.

5.4. Расширение связей с Израилем

В конце 1980-х гг. потепление советско-израильских отношений ознаменовалось возобновлением торгово-экономического сотрудничества, расширением разнообразных культурных и научных обменов, контактов в гуманитарной сфере. В 1989 г. были заключены первые контракты о совместном производстве медицинского оборудования, о сотрудничестве в области сельского хозяйства. В январе 1990 г. был подписан официальный протокол об учреждении советского торгового представительства в Тель-Авиве и израильского – в Москве⁴⁷.

В 1988–1990 гг. особенно интенсифицировались обмены с Израилем по всем гуманитарным направлениям, в том числе в области культуры, науки, спорта. В январе 1988 г. с серией выступлений в Израиль прибыл Булат Окуджава, в начале марта приехала Алла Пугачева, в июне – кинорежиссер Эльдар Рязанов. Алла Демидова читала в концертных залах Израйля нелюбимый советской властью «Реквием» Анны Ахматовой, Евгений Евтушенко собирал на свои концерты полные залы, как когда-то во времена советской «оттепели» в 1960-х гг. в Москве. С большим успехом выступали «Виртуозы Москвы», грузинский ансамбль «Ореро», цыганский театр «Ромэн».

Культурные визиты не всегда проходили гладко. Так, на первом выступлении в Иерусалиме ансамбля «Омск» в сентябре 1987 г. должны были присутствовать премьер-министр И. Шамир и ми-

нистр иностранных дел Ш. Перес. Но под давлением со стороны организаций, которые боролись за освобождение «узников Сиона», их приезд был отменен⁴⁸. Рецидивы враждебности еще не раз давали о себе знать с обеих сторон.

Значительными событиями в культурной сфере стали гастроли в Израиле солистов балета всемирно известного Большого театра, а также показ спектаклей БДТ им. Товстоногова, Малого театра, театра Станиславского, выступления ансамбля «Березка». В январе 1990 г. в СССР состоялись ответные гастроли знаменитого еврейского театра «Габима», основанного в 1917 г. в Москве К. Станиславским и Е. Вахтанговым. Его спектакли шли на иврите. В 1931 г. театр обрел свой постоянный дом в Тель-Авиве. Выступления «Габимы» состоялись на сцене «Театра на Таганке», который в тот период возглавлял Н. Губенко, являвшийся одновременно и министром культуры СССР. Это способствовало теплоте приему коллектива театра «Габима». По воспоминаниям одного из свидетелей тех первых культурных обменов, израильского журналиста и дипломата Й. Тавора, «приезд театра «Габима» был неординарным событием, на спектакли пришла вся московская интеллигенция»⁴⁹. В начале 1990 г. в Москве, Ленинграде и Риге побывала израильская филармония.

Еще одной приметой сближения двух стран стали спортивные встречи. В начале января 1989 г. в Москве состоялась встреча между советскими и израильскими баскетболистами, ответный матч проходил в Тель-Авиве. До этого обе команды встречались только на чужих полях. В конце января того же года в Израиле побывала футбольная команда «Динамо» (Киев). Сборная СССР по футболу посетила Израиль в мае 1990 г. Впервые специалисты по Ближнему Востоку и Израилю из советских академических институтов получили возможность своими глазами увидеть изучаемую страну, а израильские ученые посетили советскую Академию наук.

Израильские журналисты стали не редкими гостями советской столицы и других городов. В 1990 году делегация армейской радиостанция «Галей ЦАХАЛ» провела радиомост между Москвой и Тель-Авивом. Советские журналисты, со своей стороны, все чаще стали знакомиться со страной, против которой была направлена их критика в предыдущие годы.

В середине 1980-х годов при содействии израильского Движения дружбы была организована первая поездка группы хасидов в Умань, где находится могила рабби Нахмана, одного из наиболее почитае-

мых духовных авторитетов хасидизма. Вскоре это место стало местом паломничества мирового хасидизма.

Этот перечень можно было бы продолжать еще долго с учетом того, что активные гуманитарные и даже торговые обмены начали осуществляться по линии двусторонних связей между Израилем и советскими республиками. Иногда эти контакты развивались опережающими темпами по сравнению с политическими установками Москвы, что создавало конфликтные ситуации между центром и республиками. Так, например, в сентябре 1989 г. израильскому министру сельского хозяйства пришлось отложить визит в Эстонию, а в августе того же года А. Шарон не смог приехать в Грузию из-за того, что Москва хотела «проучить» республиканские власти за их слишком большую поспешность в стремлении к независимым действиям⁵⁰.

В то же время в ноябре 1989 г. – январе 1990 г. три израильских министра побывали в Москве. Министр сельского хозяйства А. Кац-Оз, приехавший по приглашению Академии наук СССР, подписал ряд соглашений о сотрудничестве в области производства сельскохозяйственной продукции и планирования водных ресурсов⁵¹. Визит министра по делам религий З. Хаммера свидетельствовал о том, что в СССР происходят важные изменения в продвижении к свободе вероисповедания, распространяющейся на все конфессии. Э. Вейцман, занимавший в тот период должность министра науки и развития, встретился в Москве с Шеварднадзе, который обещал через контакты с Ираном оказать содействие в выяснении судьбы израильских солдат, пропавших в Ливане⁵².

В сентябре 1990 г. в ходе визита министра финансов Израиля И. Модая и министра энергетики и инфраструктуры, науки и технологии Ю. Неемана между Советским Союзом и Израилем были подписаны торгово-экономические соглашения. Израильские министры были приняты М. Горбачевым, избранным в марте 1990 г. президентом СССР. В израильских левых кругах такое радушие советского лидера в отношении министров-ликудовцев вызвало недоумение и разочарование: Ю. Нееман, например, будучи знаменитым ученым, был известен как сторонник трансфера (перемещения арабов из Израиля) и жестокого подавления палестинцев⁵³. Однако угрожающее экономическое положение СССР в тот период, видимо, заставляло его лидера игнорировать идеологические взгляды гостей из Израиля. Бывший депутат Кнессета Д. Меридор, который входил в состав той делегации, вспоминал в частной беседе, что советское руководство,

просило израильское правительство о финансовой помощи⁵⁴. Просьба не могла быть удовлетворена, поскольку Израиль сам переживал тогда экономические трудности и нуждался в помощи извне.

В это время интенсифицировались и научные контакты между двумя странами. Если представители точных и естественных наук были знакомы друг с другом по публикациям и по международным форумам, то для ученых гуманитарной сферы это были первые встречи. Одними из первых в Москве побывали профессор Тель-Авивского университета И. Рабинович, глава Центра ближневосточных и африканских исследований им. М. Даяна А. Сасер, профессор Иерусалимского университета Ш. Авинери и др. Активную роль в продвижении совместных проектов с академическими институтами сыграл в это время Г. Городецкий, ставший в начале 1991 г. директором Центра по изучению России и Восточной Европы им. Камингса при Тель-Авивском университете.

Расширение общественно-культурных и научных обменов, первые политические контакты положительно влияли на общественное мнение как в Израиле, так и в Советском Союзе. Наметился сдвиг в политическом и психологическом понимании друг друга. Не будет преувеличением сказать, что эти общественные и культурные связи внесли свой вклад в «смягчение» отношения израильского общества к Советскому Союзу в целом и его ближневосточной политике в частности, создавая более благоприятную атмосферу и для восстановления дипломатических отношений.

Сдвиги в советско-израильских отношениях со всей очевидностью проявились в ходе ликвидации последствий сильнейшего землетрясения в Армении 7 декабря 1988 г., в результате которого пострадали и остались без крова десятки тысяч человек. Израиль оперативно подключился к направлявшейся со всего мира технической и гуманитарной помощи. Сразу же после землетрясения одна из первых иностранных групп спасателей прибыла в Армению из Израиля. Известный израильский пацифист Эби Натан привез в грузинский порт Потти на своем корабле «Мир» (Сфинат Хашалом) группу специалистов для оказания помощи. При отсутствии дипломатических отношений они не сразу получили разрешение въехать в СССР. Лишь спустя сутки они прибыли на место катастрофы. Эта была объединенная команда спасателей, в которую вошли отряд спасателей израильской армии (ЦАХАЛ) и команда врачей скорой помощи, которая привезла с собой необходимое оборудование и первую партию из 100 доз крови. Бригада израильских спасателей из 80 человек, во

главе с командиром Гражданской обороны⁵⁵ бригадным генералом А. Верди работала в Ленинакане. Об израильской помощи писали в советской прессе и передавали по радио и телевидению. Власти Армении благодарили израильскую команду за отважный труд и оказанную профессиональную помощь.

Движение дружбы Израиль – СССР стало инициатором сбора средств для оказания помощи пострадавшим и закупки медицинского оборудования. Среди тех, кто отозвался на его призывы, были Армянская церковь в Иерусалиме, Организация израильских деятелей искусств, муниципалитет г. Тель-Авива. По их инициативе 30.12.1988 в Тель-Авиве состоялся уникальный благотворительный концерт с участием ведущих израильских певцов, актеров, эстрадных групп и филармонического оркестра. Все доходы были пожертвованы в пользу пострадавших в Армении.

Израильские врачи также оказали помощь Советскому Союзу в июне 1989 г., когда в Башкирии произошел чудовищный по силе взрыв продуктопровода Западная Сибирь–Урал–Поволжье. Тогда было много пострадавших от ожогов. Израильские военные врачи, считавшиеся одними из лучших специалистов по лечению ожогов, прибыли в Москву для оказания необходимой помощи⁵⁶.

Летом 1990 г. на Памире трагически погибли четверо израильских альпинистов, в том числе сын известного израильского общественного деятеля, публициста М.Агурского, выходца из СССР. Израиль также оказал тогда помощь в спасательных операциях.

Развитию взаимного доверия в высшей степени способствовала выдача Израилем преступников, угнавших пассажирский самолет из советского аэропорта в Минводах и направивших его в Израиль. 1 декабря 1988 г. в г. Орджоникидзе (Владикавказ) группа из четырех преступников захватила в заложники 30 школьников и учительницу. Прибыв в аэропорт Минеральные Воды, они потребовали самолёт для вылета за границу. После долгих препирательств по поводу страны, куда собрались лететь захватчики, их главарь выбрал Израиль, полагая, что при отсутствии дипломатических отношений между странами Израиль не выдаст их Советскому Союзу.

Израильское руководство предложило Москве свое содействие и согласилось принять самолет, хотя ряд высокопоставленных офицеров подозревали советскую сторону в организации провокации и советовали министру обороны сбить самолет⁵⁷. Освободив детей – заложников и получив взамен оружие и деньги, угонщики вылетели в Израиль. Как только Ил-76 вошел в воздушное пространство Израиля,

его стали сопровождать два самолета местных ВВС. После посадки в аэропорту Бен-Гурион самолет был блокирован, чтобы предотвратить возможность взлета. Представители израильских спецслужб поднялись на борт, потребовав от угонщиков, чтобы те вышли из самолета без оружия и сели на летном поле. Террористы испытали шок. Такого приема они явно не ожидали. У них отобрали пистолеты, обрез и мешки с деньгами и препроводили в тюрьму Абу-Кебир.

В диспетчерской вышке аэропорта за прибытием самолета следили тогдашний министр обороны И. Рабин, зам. начальника генерального штаба Э. Барак и глава управления разведки израильской армии А. Липкин-Шахак. Для израильской стороны было важно удостовериться, что угон самолета и угонщики не связаны с евреями. Тогда израильтяне были готовы выдать преступников и вернуть самолет⁵⁸. В ходе переговоров по процедуре передачи террористов возникла еще одна неожиданная проблема. Согласно израильским законам нельзя выдавать людей другому государству, если их ожидает смертная казнь. По советскому законодательству угонщикам самолета, которые к тому же захватили заложников, грозила смертная казнь. Израильские партнеры потребовали гарантий: террористы не должны быть приговорены советским судом к смертной казни. Важную роль в координации усилий по разрешению кризиса сыграл Г. Мартиросов, глава советской консульской группы, который имел полномочия принимать решение по таким вопросам. В критической непредвиденной ситуации он взял на себя ответственность принять от имени своего государства политическое решение и заверил израильскую сторону, что смертной казни не будет. Разрешение на взлет было дано, и началась процедура передачи преступников. Впоследствии советский дипломат Г. Мартиросов был награжден правительственной наградой за мужество, проявленное в урегулировании этого сложного инцидента⁵⁹.

В Советском Союзе оценили конструктивную позицию Израиля в ходе этого инцидента, высокую эффективность израильских служб безопасности в пресечении преступной деятельности международного масштаба. Гуманитарная помощь Израиля Советскому Союзу в чрезвычайных ситуациях также способствовала тому, что демонизировавшийся на протяжении десятилетий советской пропагандой «сионистский агрессор» постепенно стал представляться вполне нормальным партнером, живо откликавшимся на нужды людей, попавших в сложные обстоятельства. «Гуманизация» образа еврейского государства в глазах советских людей создавала положительный

общественный настрой в отношении нормализации отношений с Израилем.

5.5. Внутриполитическая либерализация в СССР и отношения с Израилем

Впервые за многие десятилетия перестройка и политика гласности открыли возможности для дискуссии в советском обществе по вопросам внешней политики, пробудили к жизни плюрализм мнений, соперничество различных групп интересов и общественных институтов в том, что касается внешнеполитического курса страны. Процесс принятия внешнеполитических решений все еще был закрытым таинством, производимым на заседаниях политбюро ЦК КПСС и в кулуарах внешнеполитического ведомства. Однако власти, открыв дорогу для демократических перемен, теперь все же вынуждены были прислушиваться и к общественному мнению по вопросам мировой политики и роли СССР на международной арене.

Несмотря на упорное сопротивление перестройке консервативной части советского истеблишмента на всех уровнях, в прессе стали допускаться дискуссии по вопросам, которые ранее освещались исключительно в соответствии с установками директивных органов. Появились научно-публицистические статьи, опровергавшие господствовавший взгляд на сионизм как злейшего врага «прогрессивного человечества». Ряд авторов высказывали резко критические суждения по поводу антисюнистской литературы, широко распространявшейся в СССР, черносотенный, антисемитский дух которой был оскорбителен для национальных чувств еврейского населения. В этих публикациях предлагалось задуматься о причинах, по которым десятки тысяч евреев отказывались от советского гражданства и выезжали кто куда, в том числе и в Израиль⁶⁰.

Наиболее либеральные позиции занимали такие общественно-политические журналы, как «Огонек» и «Новое время», которые оказывали большое влияние на формирование общественного мнения в тот период. Они раньше других изданий сумели освободиться от старых догм и клише. Так, уже в 1987 г. «Огонек» занял последовательную позицию против антисемитизма. Еженедельник «Но-

вое время», посвященный внешнеполитическим вопросам, не сразу сумел отойти от советской официальной пропаганды. Но в отличие от других газет и журналов он старался избегать антисемитской аргументации в своих публикациях.

Гласность, ставшая в период перестройки принципом более открытого, свободного функционирования средств массовой информации, позволяла беспрепятственно обсуждать и внешнеполитические проблемы, в том числе и вопросы восстановления дипломатических отношений с Израилем. В августе 1989 г. в газете «Известия» была опубликована статья ее обозревателя А. Бовина, в которой он один из первых выступил с настойчивым призывом возобновить отношения с Израилем. Через несколько месяцев он вернулся к этой теме с обзором большой почты, полученной редакцией после публикации его статьи. Из присланных писем следовало, что девять из десяти читателей выступали за возобновление отношений с Израилем. Аргументируя свою позицию, они указывали, что Советский Союз не разрывал дипломатические отношения с самыми одиозными режимами, как например, кровавый правитель Уганды Иди Амин или людоед (в прямом смысле слова) Бокасса в Центрально-Африканской Республике или террористический военный режим в Аргентине. Корреспонденты Бовина считали, что восстановление отношений с Израилем пойдет на пользу положению СССР на Ближнем Востоке, а также будет способствовать понижению градуса антисемитизма внутри страны⁶¹.

Действительно, в условиях демократизации и гласности реанимировались различные радикальные формы русского национализма и ксенофобии, которые активно эксплуатировали антисемитские, антисионистские мотивы. Приверженцы этого направления утверждали, что за распространением в СССР русофобии стоят силы, идеализирующие сионистскую идеологию и заинтересованные в том, чтобы уравнивать русский национализм с фашизмом. Наиболее ярые оппоненты нового курса создали в конце 1980-х гг. Комитет против восстановления дипломатических отношений с Израилем, представители которого обрушились с особенно резкими нападками на бывшего тогда членом политбюро А.Н. Яковлева за то, что он якобы продвигает во власть евреев и оказывает давление на Горбачева в целях восстановления отношений с Израилем. Открытостью печати воспользовались националистические круги. Рупорами антиизраильских, антисемитских настроений стали газеты «Советская

Россия», «Ленинградская правда», «Московская правда», «Красная звезда», журналы «Наш современник», «Молодая гвардия».

Большую известность в конце 1980-х гг. приобрело общество «Память», идеологическую платформу которого отличали радикальная ксенофобия и антисемитизм. Его деятельность вызывала большое беспокойство и у советских евреев и в Израиле. Хотя эта организация насчитывала не более нескольких сотен человек в Москве и нескольких десятков в других городах, и ее идеология вызывала массовые протесты в советском обществе, но само ее существование усиливало тревожные настроения среди еврейского населения, умело подогревавшиеся агитаторами из израильских служб, занимавшихся организацией выезда советских евреев. Страхи советского еврейства основывались на историческом опыте гонений против евреев в царской России, на антисемитизме, подспудно тлевшем и в советское время. На рубеже 1980-х–1990-х гг. к этому добавились опасения, что в случае хаотичного развития событий в СССР евреи могут стать их первыми жертвами, и центральное правительство будет не в состоянии их защитить.

Совсем недавно стало известно, что эти чрезмерно нагнетавшиеся страхи и ожидание чуть ли не нового холокоста на территории Советского Союза якобы привели к тому, что, по распоряжению премьер-министра И. Шамира, в Израиле в обстановке строжайшей секретности была разработана операция по спасению двух миллионов советских евреев. Ее авторы – Моссад, представители «Натив» и армии – предусмотрели мельчайшие детали действий многочисленных агентов спецназа, которые должны были проникнуть на советскую территорию и в течение полугода вывезти два миллиона человек в Израиль. Особенно обильное финансирование команда разработчиков операции получила в августе 1991 г., когда в Москве была предпринята попытка государственного переворота. Попавшие в средства информации сведения об этой операции удивляют своим прожектерством и оторванностью от исторической реальности. Нельзя не согласиться с одним из израильских экспертов в области международных отношений, который, комментируя их, сказал, что «80-е и 90-е годы никак не могут сравниться с тем, что происходило в мире в 30-е или 40-е... Мы чересчур чувствительны из-за того, что пришлось пережить евреям Европы, и это мешает нам трезво рассматривать ситуацию»⁶².

Между тем, в Советском Союзе происходило существенное изменение отношения властей к общественной, культурно-просветитель-

ской деятельности евреев. В 1985–1986 годах эти изменения были мало ощутимы, но в 1987–1989 годах произошел прорыв. Без каких-либо возражений со стороны органов власти был создан целый ряд еврейских организаций, которые занимались вопросами культуры, как, например, Еврейский Культурный Центр им. С. Михоэлса, общество «Шолом», Московское Еврейское Культурно-Просветительское Общество (МЕКПО) и т. д. В декабре 1989 г. в Москве прошел первый съезд еврейских организаций страны, на котором было принято решение о создании Конфедерации Еврейских Организаций и Общин СССР (Ваад).

5.6. Политическая ситуация в Израиле и отношения с СССР

Во внутривнутриполитической жизни Израиля с середины 1980-х гг. вопросы отношений с Москвой вплелись в политическую борьбу между лейбористами и ликудовцами. Когда в марте 1985 г. М.С. Горбачев был избран Генеральным Секретарем ЦК КПСС, в Израиле действовало коалиционное правительство, сформированное после выборов в июле 1984 г. по новой ротационной схеме. Лидеры двух основных партийных объединений Маараха и Ликуда Ш. Перес и И. Шамир сменяли друг друга на посту премьер-министра раз в два года. При этом бывший премьер становился заместителем действующего и главой министерства иностранных дел.

Представляя два различных идеологических лагеря в израильской политике, Перес и Шамир по-разному оценивали и перспективы улучшения отношений с СССР, и возможности советского участия в процессе ближневосточного урегулирования. Хотя Израиль в целом проявлял большую заинтересованность в восстановлении отношений с Советским Союзом, новая советская открытость порождала ряд вопросов у части его руководства, особенно в правом лагере. С одной стороны, перестройка распахнула ворота для выезда советских евреев, чего Израиль добивался на протяжении десятилетий. Но, с другой стороны, вырисовывалась перспектива ослабления политической вовлеченности Советского Союза в ближневосточные дела, уменьшения его заинтересованности в поддержке арабов. В результате, как опасались в Израиле, могло сложиться представление

о том, что угрозы, исходящие от его арабских соседей, ослабевают, а это в свою очередь, было чревато пересмотром масштабов помощи, предоставляемой еврейскому государству Соединенными Штатами. Кроме того, израильтяне боялись, что более тесное американо-советское взаимодействие в деле продвижения ближневосточного урегулирования приведет к усилению давления на Израиль и вынудит его пойти на шаги в ущерб своим интересам. Исходя из этого, некоторые авторы считают, что для И. Шамира и его единомышленников восстановление дипломатических отношений с СССР вообще не являлось приоритетной задачей⁶³.

В то же время, советская нацеленность на проведение международной конференции по ближневосточному урегулированию совпала с интересами руководства Маараха, и, прежде всего самого Ш. Переса. Будучи премьер-министром и министром иностранных дел в коалиционном правительстве, он предпринимал немало усилий в этом направлении в расчете на то, что проведение такого международного форума ускорит новые выборы в Израиле и вернет власть лейбористам.

В октябре 1985 г. на сессии Генассамблеи ООН Перес, являвшийся тогда премьер-министром, впервые высказался за проведение международной конференции с участием постоянных членов СБ ООН. Встречей с Шеварднадзе в период работы этой сессии ГА ООН он открыл череду регулярных контактов между советским и израильским руководством. Уже во время этой первой беседы он связал проведение международной конференции по Ближнему Востоку и участие в ней СССР с необходимостью предварительного восстановления отношений между двумя странами. Впоследствии, когда в израильских правящих кругах утвердилось ликудовское отрицательное отношение к мирной конференции, произошла интересная инверсия: как уже было отмечено выше, советское руководство стало выдвигать условием восстановления дипломатических отношений согласие Израиля на участие в этом международном форуме.

Продвигавшаяся Пересом в этот период идея международной конференции, в рамках которой должны вестись переговоры между Израилем и Иорданией с участием проиордански настроенных палестинцев с Западного берега, представляла собой версию так называемого «иорданского варианта» ближневосточного урегулирования⁶⁴. Он расходился с теми установками, которые лежали в основе советской ближневосточной политики: сама суть «иорданского варианта»

заклучалась в том, чтобы отстранить ООП от процесса урегулирования и не допустить создания самостоятельного палестинского государства. Тем не менее, благоприятная позиция Переса в отношении участия СССР в конференции по Ближнему Востоку, его готовность увязывать советско-израильские отношения с продвижением мирного процесса создавали необходимые предпосылки для разнообразных контактов с высокопоставленными советскими представителями.

Особый резонанс имела состоявшаяся в апреле 1987 г. встреча Переса, уже занявшего, в соответствии с правилами ротации, должность министра иностранных дел, с заместителем заведующего международным отделом ЦК КПСС К. Брутенцом и его советником А. Зотовым. Она состоялась в Риме на проходившем там заседании Социнтерна. Сам Перес, склонный несколько преувеличивать результативность своих контактов с СССР, назвал эти длившиеся шесть часов переговоры «первым серьезным прямым диалогом между двумя странами»⁶⁵. Однако Перес не был согласен с советской концепцией мирной конференции. Через несколько дней после встречи с советскими представителями состоялись его секретные переговоры с иорданским королем в Лондоне, на которых он рассказал, что советская сторона считает, что конференция не должна навязывать какие-либо решения участникам конфликта, но может только разработать принципы, на которых эти решения должны основываться. Это, с точки зрения израильского министра иностранных дел, было неприемлемо. «Решения должны происходить из свободных, двусторонних переговоров между ближневосточными сторонами, а конференция должна лишь обеспечивать полезное обрамление под эгидой международного сообщества», – разъяснял он свою позицию иорданскому монарху⁶⁶.

Пересу не удалось добиться падения правительства национально-го единства, используя проблему ближневосточного урегулирования. После выборов 1988 г. Ликуд укрепил свои позиции. Правительство, в котором уже не была предусмотрена ротация, возглавил И. Шамир, называвший международную конференцию «приснившимся Пересу кошмаром» и «национальным самоубийством». Шамир считал, что решения конференции будут неизбежно носить принудительный характер, а с учетом известных позиций ее вероятных участников они, скорее всего, окажутся неприемлемыми для Израиля. На встрече Шеварднадзе с Шамиром в Нью-Йорке в июне 1988 г. советский министр иностранных дел говорил о том, что международная кон-

ференция могла бы предусмотреть гарантии СССР и США по обеспечению существования и безопасности Израиля. Однако Шамир отклонил это предложение. Отвечая Шеварднадзе, он сказал: «Мы не заинтересованы в гарантиях со стороны великих держав. Опыт показал нам, что самая лучшая гарантия – это наша возможность защитить себя»⁶⁷.

В 1989 г. Шамир выдвинул собственный план урегулирования, который основывался на принципах прямых переговоров между сторонами конфликта, но без участия ООП, и предполагал решение палестинской проблемы в рамках автономии, как это было заявлено в кэмп-дэвидских соглашениях. Советская официальная реакция на план Шамира отличалась резко негативными оценками. Однако, по замечаниям некоторых наблюдателей, интересам Москвы в тот период не соответствовало полное отрицание израильских инициатив, т. к. это могло нанести ущерб зарождавшемуся новому духу сотрудничества в советско-американских отношениях, сулившему советской дипломатии более активную роль в политических процессах на Ближнем Востоке⁶⁸. Поэтому на встрече с израильским министром иностранных дел М. Аренсом в ООН в сентябре 1989 г. Шеварднадзе говорил о том, что в плане Шамира есть «разумные элементы»⁶⁹.

Израильские правые всегда скептически оценивали возможности Советского Союза как участника урегулирования конфликта. В декабре 1989 г. М. Аренс заявлял: «Советы хотят участвовать в мирном процессе, но Ближний Восток не является для них самым важным регионом. После событий в Европе представление о Советском Союзе как сверхдержаве, равной Соединенным Штатам, требует пересмотра»⁷⁰. Хотя в дальнейшем эта позиция корректировалась в сторону более положительной оценки роли СССР, но недоверие израильских руководителей, мотивированное предыдущими десятилетиями советской политики в отношении Израиля, являлось серьезным фактором, тормозившим нормализацию отношений.

Особое раздражение у израильского руководства вызывало условие продвижения к урегулированию ближневосточного конфликта, которое советская сторона выдвигала для восстановления дипломатических отношений. В израильской прессе появлялись заявления правительственных чиновников о том, что Израиль не примет никаких условий и не собирается платить никакую цену за восстановление отношений с СССР⁷¹. По мере того, как под давлением американской администрации Шамир вынужден был смириться с проведением

международной конференции под эгидой США и СССР, участие в ней Советского Союза в роли ко-спонсора он обусловил восстановлением отношений между СССР и Израилем⁷².

5. 7. Основные этапы нормализации советско-израильских отношений

Советско-израильские отношения с 1985 г. развивались на фоне серьезных перестановок в советских властных структурах. С политической арены постепенно уходило старшее поколение советских руководителей, с именами которых в прошлом связывалась самая непримиримая антиссионистская политика. В 1982 г. умер секретарь ЦК КПСС М. Суслов, которого неофициально называли главным партийным идеологом и который занимал весьма жесткие позиции по вопросам борьбы с сионизмом. В 1985 г. ушел в отставку маршал А. Епишев, начальник Главного политического управления Вооруженных Сил СССР, который также считался одним из сторонников антиссионистского курса. Бывший советский посол в Вашингтоне А. Добрынин, отличавшийся довольно либеральными взглядами, в 1986 г. стал секретарем ЦК по международным вопросам и руководителем Международного отдела ЦК, сменив старого партийного аппаратчика Б. Пономарева, занимавшего эту должность с 1955 г. Наконец, вместо бессменного А. Громыко министром иностранных дел в 1985 г. был назначен Э. Шеварднадзе, у которого не было ни личных, ни политических мотивов, для того чтобы противостоять новому курсу в отношении Израиля.

Первый этап (1985–1986 гг.). В Израиле очень внимательно отслеживали все перемены, происходившие в СССР после избрания М. Горбачева новым Генсеком. Так, казалось бы незначительный штрих – публикация на первой полосе в «Известиях» поздравления президента Х. Герцога с 40-летием победы над нацистской Германией, направленного М. Горбачеву, – вызвал в Израиле много толков. В прежние времена о каких-либо дружественных жестах Израиля в адрес СССР в советской прессе старались не упоминать.

Чрезмерно большое внимание в израильских средствах информации было уделено уже упоминавшейся встрече в Париже в июле 1985 г. советского и израильского послов во Франции Ю. Воронцова и О. Софера. Поскольку о содержании встречи было известно лишь

по некоторым попавшим в печать утечкам, в израильских комментариях делался особый упор на том, что договоренности с СССР по нормализации отношений и еврейской эмиграции не должны обуславливаться территориальными уступками со стороны Израиля⁷³. В то же время, один из самых известных израильских политических обозревателей Дан Маргалит, подчеркивая особое значение этой встречи, отмечал, что она «явилась намеком на новое начало, на новую советскую интонацию»⁷⁴.

В первые перестроечные годы в структуре власти в СССР сохранялась прежняя иерархия: высший партийный орган – ЦК КПСС – продолжал играть ведущую роль в принятии важных внешнеполитических решений. В июле 1985 г. там было принято решение направить в Израиль группу советских представителей для решения вопросов, связанных со статусом проживавших там советских граждан и защитой имущественных интересов СССР в этой стране. Советское руководство не случайно вспомнило о российских владениях на территориях, когда-то составлявших Палестину. На территории Израиля осталось обширное наследие в виде храмов, монастырей, разнообразных построек и земельных участков, которое было создано русскими православными людьми в конце XIX – начале XX вв. Земельные владения, приобретенные в то время Русской Духовной Миссией в Иерусалиме и Императорским Православным Палестинским Обществом, по размеру в шесть раз превышали территорию современного московского Кремля. В отличие от прежних борцов с «религиозным опиумом» прагматики, пришедшие к власти в СССР, не могли не понимать ценности этого имущества.

Однако региональная политика Израиля, в частности бомбардировка штаб-квартиры ООП в Тунисе в октябре 1985 г. помешала началу переговоров о направлении советской группы в Тель-Авив. Советская сторона не могла игнорировать такие факты во избежание негативной реакции арабского мира. К тому же израильяне требовали соблюдения принципа взаимности, то есть добивались согласия на направление аналогичной израильской группы в СССР. Прошел год, прежде чем, в соответствии с решением ЦК КПСС, вопрос о приеме консульской группы стал предметом обсуждений на встрече дипломатов СССР и Израиля в Хельсинки в августе 1986 г. Советские представители категорически отвергли вариант направления аналогичной израильской группы в Москву, сославшись на отсутствие у Израиля в Советском Союзе как имущественных интересов, так и своих граждан. Камнем преткновения на этой встрече стал и

вопрос о положении советских евреев, по поводу которого израильская сторона представила меморандум советской делегации. В нем поднимались вопросы о выезде 11 тысяч отказников, об освобождении всех «узников Сиона», прекращении преследования так называемых еврейских активистов и о прямых авиарейсах в Израиль. Советские дипломаты заявили, что эти вопросы не входят «в рамки их полномочий» и, опираясь на официальную советскую позицию, категорически отвергли «право Израиля выступать от имени советских граждан еврейской национальности»⁷⁵. Они покинули зал заседаний, прервав встречу через 90 минут после ее начала.

Второй этап (1987–1989 гг.). По мере того как перестройка в СССР набирала обороты, ускорился и процесс нормализации советско-израильских отношений. Участились дипломатические контакты между представителями двух стран. Ш. Перес неоднократно встречался с советскими представителями разного уровня. В начале 1987 г. израильская сторона уведомила советскую сторону через советское посольство в Вашингтоне о согласии принять советских консульских работников, не выдвигая при этом никаких условий⁷⁶. Советская группа прибыла в Израиль в июле 1987 г. Ее возглавлял Е. Антипов – заместитель главы консульского департамента МИД СССР. Она имела негласные полномочия помимо выполнения консульских функций, не уклоняться от проведения политических контактов с израильянами⁷⁷.

Израильяне не сняли своего требования об открытии аналогичной миссии в Москве. Визы советской дипломатам выдавались на три месяца и, когда истек второй трехмесячный срок и советская сторона вновь запросила продления виз, Израиль поставил условие: визы будут продлены взамен на согласие на аналогичную израильскую делегацию. Заинтересованность Москвы в сохранении своего присутствия в Израиле перевесила все прочие соображения, и в начале 1988 г. было дано разрешение на открытие израильского представительства. Консульская группа во главе с израильским дипломатом М. Гордоном прибыла в Москву 28 июля 1988 г. Обе консульские группы работали при посольствах стран, представлявших интересы СССР и Израиля в период отсутствия дипотношений – в Тель-Авиве при посольстве Финляндии, в Москве – при посольстве Голландии. На первых порах и советские, и израильские консульские работники сталкивались с большими трудностями – их функции

были ограничены, контакты в обеих странах велись на невысоком рабочем уровне.

В то же время, на международной арене о положительных сдвигах в отношении Израиля говорил и такой факт: осенью 1989 г. Советский Союз впервые за много лет воздержался от голосования в ООН по резолюции о приостановке участия Израиля в сессии Генеральной Ассамблеи, которая ежегодно инициировалась блоком развивающихся стран.

Правда, менее достойным выглядело маневрирование советской дипломатии в те годы вокруг отмены резолюции 3379 ГА ООН от 1975 г., в которой сионизм приравнивался к расизму. Эта оскорбительная для Израиля и несправедливая резолюция, сильно подорвавшая авторитет ООН в глазах израильтян, была принята в период «холодной войны» по инициативе арабских стран, и Советский Союз приложил усилия для ее одобрения. Однако к концу 1980-х гг. и в советском МИДе, и в средствах массовой информации уже складывалась точка зрения на этот документ как анахронизм конфронтационного периода. Отдельные советские дипломаты уже позволяли себе неофициально высказываться в том плане, что, признавая государство, собирающее евреев со всех концов света, нельзя не признавать идеологического движения, на котором оно основывается⁷⁸. Однако в декабре 1989 г. советские представители выступили в ООН против отмены этой резолюции, явно исходя из соображений умиротворения арабов и солидаризировавшихся с ними представителей советских среднеазиатских республик. В комментариях советского заместителя министра иностранных дел В. Петровского по этому вопросу трудно разглядеть логику: «Мы больше не рассматриваем сионизм как расизм, но отмена резолюции сейчас приведет к конфронтации в ООН в то время, когда мы стремимся к всеобщему сотрудничеству»⁷⁹, – говорил он на одной из пресс-конференций этого периода.

Только в 1991 г. на сорок шестой сессии Генеральной Ассамблеи ООН бывший тогда министром иностранных дел Б.Д. Панкин осмелился в своей речи заявить: «Необходимо раз и навсегда отказаться от наследия «ледникового периода» вроде одиозной резолюции, в которой сионизм приравнивается к расизму», что, по его словам, прозвучало, «как выстрел крейсера «Аврора»⁸⁰. При этом представители мусульманских республик в советской делегации настаивали на том, чтобы убрать этот абзац из выступления министра. Негативно отреагировали на него и представители арабских стран. Тем не менее, эта

резолюция была отменена большинством голосов государств-членов ООН 16 декабря 1991 г.

На протяжении периода 1985–1989 гг. МИД СССР постепенно оттеснял ЦК КПСС в диалоге с Израилем. За это время была внедрена практика встреч министра иностранных дел СССР с руководящими деятелями Израиля, развивались рабочие контакты между дипломатами двух стран. Однако решающую роль в процессе продвижения по пути нормализации отношений с Израилем сыграло все же решение Политбюро ЦК КПСС «О нашей дальнейшей линии в отношении Израиля», принятое 29 декабря 1989 г. на основании секретной записки, представленной Э. Шеварднадзе, А. Яковлевым и В. Крючковым. В ней указывалось, что проводившаяся до сих пор линия дозированного развития контактов и политического диалога с Израилем в целом оправдана. Она позволяет оказывать воздействие «на израильское руководство с целью побудить его занять более реалистичную и взвешенную позицию в отношении ближневосточного конфликта»; кроме того, эта политика обеспечивает спад конфронтационных настроений в израильском обществе в отношении Советского Союза и признание его необходимой роли в мирном процессе. Авторы записки признавали, что израильская сторона может использовать развивающийся диалог в целях, расходящихся с советскими интересами, – для ослабления связей СССР с арабскими странами, для активизации работы с советскими гражданами еврейской национальности в целях поощрения эмиграционных настроений. Однако положительный эффект от развития контактов с Израилем, с их точки зрения, перевешивал вероятные негативные последствия⁸¹.

На основании этой записки было принято решение за подписью М. Горбачева, предусматривавшее преобразование консульских групп СССР и Израиля в официальные консульства, расширение связей советских общественно-политических организаций с массовыми израильскими общественными движениями, партиями, а также налаживание межпарламентских связей, расширение торгового, культурного сотрудничества, обменов по линии средств массовой информации⁸².

Следуя этим решениям, Э. Шеварднадзе на встрече с израильским министром науки и развития Э. Вейцманом, приехавшим в Москву в январе 1990 г., сообщил, что СССР готов вести переговоры об урегулировании статуса консульских групп обоих государств с тем, чтобы поднять его до уровня консульств⁸³. В сентябре 1990 г. во время встречи Шеварднадзе с министром иностранных дел Изра-

или Д. Леви в Нью-Йорке было решено преобразовать консульские группы в консульства и тем самым поднять уровень двусторонних отношений. 26 декабря 1990 г. А. Чистяков в Иерусалиме и А. Левин в Москве получили аккредитацию (экзекватуру) в качестве консулов.

Завершающий этап (1990 г. – октябрь 1991 г.). нормализации отношений между СССР и Израилем проходил на фоне кувейтского кризиса (август 1990 г.) и операции «Буря в пустыне», проведенной коалицией стран во главе с США против Ирака (январь 1991 г.). Впервые за много лет СССР выступил на стороне Запада, поддержав резолюцию № 678, предусматривавшую самые жесткие меры против иракской агрессии, и присоединившись к санкциям против Ирака.

В то же время советское руководство усиленно продвигало идею уязки кризиса в Персидском заливе с проведением общерегиональной конференции. Шеварднадзе утверждал, что захват Ираком Кувейта – это одна из многих, очень сложных, взаимосвязанных проблем на Ближнем Востоке, которые требуют скоординированного решения⁸⁴. Его преемник А. Бессмертных, назначенный в январе 1991 г., стал первым советским министром иностранных дел, когда-либо приезжавшим в Израиль. Визит Бессмертных, состоявшийся в апреле 1991 г., проходил в рамках политики активного участия СССР в продвижении арабо-израильского мирного урегулирования и являлся частью большого регионального турне в целях консультаций со всеми сторонами конфликта⁸⁵.

Соединенные Штаты категорически возражали против того, чтобы прекращение агрессии Саддама Хусейна против Кувейта было каким-то образом обусловлено урегулированием палестино-израильского конфликта. Но в американской администрации не могли не оценить роли Советского Союза в развитии ряда положительных тенденций на Ближнем Востоке в последние годы: значительно увеличилась эмиграция советских евреев в Израиль; советская политика способствовала сдерживанию Сирии; в кризисе в Персидском заливе СССР проявил солидарность с США. Поэтому совместные советско-американские заявления в период кувейтского кризиса содержали компромиссные формулировки, являвшиеся результатом изощренного дипломатического труда. Помимо вопросов, связанных непосредственно с ликвидацией иракской агрессии против Кувейта, в них говорилось о том, что необходимо вести активную работу для урегулирования всех остальных конфликтов на Ближнем Востоке и в Персидском заливе. Стороны выражали согласие, что без значимо-

го мирного процесса, который способствовал бы установлению справедливого мира, безопасности и действительного примирения между Израилем, арабскими странами и палестинцами, невозможно будет снизить конфликтный потенциал и нестабильность в регионе⁸⁶.

После войны в Персидском заливе сложились благоприятные условия для подготовки мирной конференции. Соединенные Штаты значительно укрепили свое влияние и престиж в результате войны, и администрация президента Дж. Буша-старшего стремилась использовать свои сильные позиции для всеобъемлющего урегулирования арабо-израильского конфликта, рассматривая это как предпосылку для стабилизации и реорганизации всего Ближнего Востока. США и СССР были готовы к конструктивному сотрудничеству в решении ближневосточных проблем. Благодаря смене советского внешнеполитического курса, ликвидации блокового противостояния начался процесс нормализации отношений не только между СССР и Израилем, но и между восточноевропейскими странами и Израилем. «Восточный блок» больше не являлся спонсором наиболее радикальных и непримиримых сил в арабском мире, а большой приток иммигрантов из СССР заставлял арабов задумываться об изменении демографического баланса в арабо-израильском конфликте.

Серьезную роль в изменении израильской позиции относительно проведения мирной конференции сыграла палестинская интифада – восстание, начавшееся на палестинских территориях в конце 1987 г. С 1988 г. общественное мнение в Израиле стало склоняться в пользу договоренностей с палестинцами, израильтяне не желали больше платить высокую цену за сохранение статус-кво⁸⁷. Этот фактор, а также очень жесткое давление американской администрации, оказывавшееся на Шамира, вынудили израильское правительство утвердить в августе 1991 г. решение об участии в международной конференции.

В сложившейся ситуации советские и американские руководители смогли вплотную приблизиться к осуществлению проекта международного форума по Ближнему Востоку. На советско-американской встрече в верхах, проходившей в Москве в июле-августе 1991 г., Буш и Горбачев заявили о согласии стать ко-спонсорами мирной конференции по Ближнему Востоку, проведение которой было назначено на октябрь месяц.

В западной прессе много рассуждали о «подчиненной роли» советской дипломатии в связи с подготовкой конференции по ближневосточному урегулированию в Мадриде. Впоследствии один из

самых опытных американских переговорщиков А.Д. Миллер, участвовавший и в подготовке Мадридской конференции, и в переговорах в рамках процесса Осло, писал: «Русские в погоне за престижем и респектабельностью, казалось, не обращали внимания на то, что их используют как декоративный орнамент в церемониях, организованных Соединенными Штатами»⁸⁸. Эта довольно высокомерная и в общем-то несправедливая оценка роли ослабевшего СССР, которого американцы уже не рассматривали как опасного соперника на Ближнем Востоке, позволила американским авторам вообще не упоминать о работе советских дипломатов, ведшейся для преодоления сопротивления сирийцев и палестинцев участию в конференции. На самом деле советские усилия в этом направлении сыграли свою положительную роль. В осенние месяцы 1991 г. советские дипломаты работали в условиях неопределенности относительно будущего не только их собственного ведомства, но и всей системы союзной власти. После предпринятой в августе 1991 г. в Москве попытки путча против действовавшей власти во главе с президентом М. Горбачевым судьба союзного государства была поставлена под вопрос. Несмотря на это дипломаты-ближневосточники активно использовали наработанные в прежние годы связи и каналы для давления на арабов. Госсекретарь Дж. Бейкер признавал их роль и в получении согласия сирийского президента Х. Асада на участие в конференции, и в подготовке списка палестинской части совместной иордано-палестинской делегации⁸⁹. Но самым важным вкладом Москвы было то, что она обеспечила этой дипломатической инициативе символическое прикрытие. Если бы конференция проводилась исключительно под эгидой США, это было бы неприемлемо для многих арабов. Советский Союз поддержал их и таким образом дал им возможность пойти на переговоры.

В середине октября 1991 г. госсекретарь США Дж. Бейкер и советский министр иностранных дел Б. Панкин, сменивший Бессмертных после августовского путча, посетили Иерусалим, где объявили о предстоящем 30 октября в Мадриде открытии мирной конференции. Здесь же 18 октября Б. Панкин заявил о полном восстановлении дипломатических отношений с Израилем.

Хронология нормализации отношений между СССР и Израилем свидетельствует о том, что этот процесс был довольно затяжным.

Даже сами участники первых встреч далеко не всегда были уверены в возможности достижения результатов, поскольку обе стороны были связаны целым рядом обязательств перед третьими сторонами, которые ограничивали их свободу действий. Американо-израильский меморандум о взаимопонимании от 1981 г. имел определенно антисоветскую направленность и, предпринимая шаги навстречу Москве, Израиль не мог не оглядываться в сторону Вашингтона. С другой стороны, в советско-арабских договорах о дружбе, и прежде всего это касалось договора с Сирией, предусматривались регулярные консультации по вопросам, представляющим взаимный интерес, в первую очередь по вопросам Ближнего Востока⁹⁰. В отсутствие существенных территориальных уступок со стороны Израиля возникала угроза, что арабы будут рассматривать возобновление дипломатических отношений с ним как нарушение Москвой своих союзнических обязательств.

Установка на приоритетность отношений с арабами еще долгое время была базой для тайного или явного сопротивления новому политическому курсу в отношении Израиля, оказывавшегося на всех уровнях советской внешнеполитической элиты – сотрудниками международного отдела ЦК КПСС, министерства иностранных дел, Комитета Госбезопасности, а также академических институтов. Сказывалось десятилетиями воспитывавшееся у советских специалистов по Ближнему Востоку, и особенно у арабистов, негативное восприятие Израиля как «агрессивного пособника империализма» и видение арабов как традиционных и даже «естественных» друзей Советского Союза. Свою роль играло и давление антисемитских воззрений, которые не являлись редкостью среди советской номенклатуры.

В Израиле идеологические разногласия в политическом руководстве относительно перспектив урегулирования ближневосточного конфликта и роли СССР в этом процессе также замедляли поиски путей для взаимопонимания. После десятилетий враждебной антиизраильской, антисионистской пропаганды в СССР, поддержки им самых непримиримых врагов Израиля в арабском мире у многих в израильском обществе сложилось крайне неприязненное отношение к Советскому Союзу. Оно подпитывалось и необоснованно жесткой эмиграционной политикой, проводившейся Москвой. Восстановление минимального уровня доверия требовало времени.

В результате действия всех этих тормозящих факторов с обеих сторон процесс восстановления дипломатических отношений растянулся на несколько лет.

- ¹ СССР и ближневосточное урегулирование 1967–1988. С. 301.
- ² Там же. С. 386.
- ³ *Мирский Г.И.* Мы и «третий мир» в свете нового политического мышления // СССР в мировом сообществе: от старого мышления к новому. М.: Прогресс, 1990. С. 372.
- ⁴ *Польнов М.Ф.* М.С. Горбачев и новое политическое мышление: истоки, основные идеи и результаты // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 150.
- ⁵ *Primakov E.M.* Soviet Policy toward the Arab-Israeli Conflict // The Middle East. Ten Years after Camp David / Ed. Quandt W.B. Washigton, 1988. P. 387.
- ⁶ Послание Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева Президенту Алжирской Народной Демократической Республики Ш. Бенджедиду. 7 июня 1988 г. // СССР и ближневосточное урегулирование 1967–1988. С. 442.
- ⁷ Сообщение о переговорах Э.А. Шеварднадзе с делегацией ЛАГ 19 марта 1988 г.; Сообщение о переговорах Э.А. Шеварднадзе с премьер-министром Иордании З. ар-Рифаи 20 марта 1988 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. С. 428–430.
- ⁸ *Freedman R.O.* Soviet Policy Towards Israel under Gorbachev. Washington: The Washington Papers /150, 1991. P. 38.
- ⁹ Правда. 25.04.1987.
- ¹⁰ Op. cit. *Freedman R.O.* P. 90.
- ¹¹ В феврале 1985 г. король Хусейн заключил соглашение с Я. Арафатом, предполагавшее продвижение плана самоопределения палестинцев в рамках конфедеративного арабского государства.
- ¹² СССР и ближневосточное урегулирование. С. 431
- ¹³ Известия. 18.09.1988.
- ¹⁴ См. подробнее: Носенко Т.В. Принцип двух государств в урегулировании палестино-израильского конфликта: возможна ли альтернатива? / Проблемы и перспективы урегулирования на Ближнем Востоке. Центр стратегических и политических исследований Института востоковедения РАН. М., 2010. С. 65–89.
- ¹⁵ Op. cit. *Freedman R.O.* P. 121, fn 129.
- ¹⁶ Правда. 19.11.1988.
- ¹⁷ *Носенко В.И.* Советский Союз и «третий мир»: политика и нравственность // СССР в мировом сообществе: от старого мышления к новому. С. 504.
- ¹⁸ *Горбачев М.С.* Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: ИПЛ, 1988. С. 155.
- ¹⁹ СССР и ближневосточное урегулирование. С. 440.
- ²⁰ Op. cit. *Freedman R.O.* P.17.
- ²¹ Записка в ЦК КПСС Э.А. Шеварднадзе и В.М. Чебрикова от 18 сентября 1985 г. // АВП РФ, ф. 029, оп. 29, п. 9, д. 60, л. 7.
- ²² Интервью Ш. Переса телекомпании «Эй-Би-Си» // ТАСС. 22 октября 1985. Лист 4-СВ.
- ²³ Saudi Crown Prince Fahd ibn Abd al-Aziz: The Fahd Plan (August 7, 1981) // The Israeli-Arab Reader. P. 234.
- ²⁴ Деньги, полученные от продажи оружия Ирану, направлялись проамериканским повстанцам «контрас» в Никарагуа.
- ²⁵ Заявление Министра иностранных дел СССР по ближневосточному мирному урегулированию 8 января 1987 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. С. 394–395.
- ²⁶ Запись беседы Э.А. Шеварднадзе с премьер-министром Израиля Ш. Пересом от 22.09.1986 // АВП РФ, ф. 089, оп. 39, п. 49, д. 1, л. 1.

- 27 Из пресс-конференции Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в Москве. 2 июня 1988 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. С. 439.
- 28 Правда. 11 июня 1988 // СССР и Ближневосточное урегулирование. С. 443–444.
- 29 См., например: Сообщение о встрече Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева с Председателем Исполкома ООП Я. Арафатом 10 апреля 1988 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. С. 430–432.
- 30 Так журналисты окрестили особенно активных сторонников курса М.С. Горбачева.
- 31 Ук. соч. *Бовин А. С.* 9.
- 32 New Outlook. Jan.1990. P. 28.
- 33 Поправка Джексона-Вэника отменена в 2012 г.
- 34 Государственный архив Израиля, папка 4439/11–*н*, док. от 31 декабря 1985.
- 35 Аль Гашишмар. 18.06.1987.
- 36 [электронный ресурс] http://www.pravosudie.biz/base1/data_le/sudwsnebn.htm Режим доступа 16.05.2015; Зо Гадерех. 01.04.1987.
- 37 Голос Израиля. 10.02.87.
- 38 Op. cit. *Golan G.* P. 268.
- 39 [Электронный ресурс] <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsourc/Immigration/FSU.html> Режим доступа 20.10.2014
- 40 Там же.
- 41 Ук. соч. *Морозов Б. С.* 17.
- 42 Op. cit. *Freedman R.O.* P. 34.
- 43 *Beschloss M. and Talbot S.* At the Highest Levels. L.: Warner Books, 1994. P. 301.
- 44 Jerusalem Post. 15.01.1990.
- 45 Op. cit. *Freedman R.O.* P. 86.
- 46 Op. cit. *Beschloss M. and Talbot S.* P. 227, 230.
- 47 Op. cit. *Freedman R.O.* P. 78.
- 48 Едиот Ахронот. 17.09.87; Зо Гадерех. 21.09.87.
- 49 Из выступления Й. Тавора в Московском еврейском общинном центре на заседании Клуба любителей еврейской истории 18 февраля 2011 г.
- 50 Op. cit. *Friedman R.O.* P. 124, fn 52.
- 51 Jerusalem Post. 04.12.1989.
- 52 Jerusalem Post. 11.01.1990.
- 53 Зо Гадерех. 09.10.1990.
- 54 Частная беседа с Д. Меридором в ходе Международной конференции в Институте востоковедения РАН в сентябре 2014 г.
- 55 Гражданская оборона – род войск в Израильской армии.
- 56 Ук. соч. *Кедми Я. С.* 265.
- 57 Там же. С. 200.
- 58 Там же. С. 193.
- 59 [Электронный ресурс] <http://www.liveinternet.ru/users/3491023/post115671887/> Режим доступа 25.09.2014.
- 60 *Рогова С. и Носенко В.* «Что сказал «А» и что сказал «Б» // Советская культура. 9.02.1989.
- 61 Известия. 25.01.1990.
- 62 Nrg Maariv: Израиль планировал вывезти два миллиона евреев из СССР // [Электронный ресурс] <http://russian.rt.com/inotv/> Режим доступа 2014-10-14.
- 63 *Майзель С.А.* Евреи в годы перестройки (1985–1991).[Электронный ресурс] <http://rochit.ru/> Литература /Документы Режим доступа 25.03.2014.

- ⁶⁴ *Golan G.* The Soviet-Israeli Rapprochement. Working Paper. The Hebrew University of Jerusalem. 1990. P. 36.
- ⁶⁵ См. подробнее: *Карасова Т.* Политическая история Израиля. Блок Ликуд: прошлое и настоящее. С. 359–362.
- ⁶⁶ New York Times. 10.04.1987.
- ⁶⁷ *Peres S.* Battling for Peace. Memoirs. L.: Orion Books Ltd, 1995. P. 359.
- ⁶⁸ Ук. соч. *Зак М.* С. 62.
- ⁶⁹ Washington Post. 02.06.1989.
- ⁷⁰ Jerusalem Post. 29.09.1989.
- ⁷¹ Jerusalem Post. 12.12.1989.
- ⁷² Jerusalem Post. 01.12.1989.
- ⁷³ Ук. соч. *Карасова Т.* Политическая история Израиля. С. 371.
- ⁷⁴ Аль-Гамишмар. 21.07.1985; Гаарец. 21.07.1985.
- ⁷⁵ Гаарец. 21.07.85.
- ⁷⁶ Problems of Communism. Jan.-Feb. 1987. P. 37.
- ⁷⁷ Записка в ЦК КПСС Э.А. Шеварднадзе, В.М. Чебрикова и А.Ф. Добрынина от 17.03.1987 // АВП РФ, ф. 029, оп. 1, п. 11, д. 69, л. 16.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Op. cit. *Freedman R.O.* P. 83.
- ⁸⁰ Op. cit. *Freedman R.O.* P. 83.
- ⁸¹ *Панкин Б.* Сто оборванных дней. М.: Совершенно секретно, 1993. С. 184.
- ⁸² Ук. соч. *Морозов Б.* С. 244–245.
- ⁸³ Там же. С. 243.
- ⁸⁴ Зо Гадерех. 17.01.90.
- ⁸⁵ Op. cit. *Beschloss M. and Talbott S.* P. 259.
- ⁸⁶ Зо Гадерех 24.4.1991.
- ⁸⁷ Op. cit. *Beschloss M. and Talbott S.* P. 265, 329.
- ⁸⁸ По опросам общественного мнения, проводившимся Иерусалимским университетом в 1991 г., 53% израильтян высказывались за проведение переговоров с палестинцами.
- ⁸⁹ Op. cit. *Miller A.D.* P. 13.
- ⁹⁰ Ук. соч. *Панкин Б.* С. 219, 236.
- ⁹¹ Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Сирийской арабской Республикой от 8 октября 1980 г. Статья 5 // СССР и ближневосточное урегулирование. С. 298.

Залючение

Отношения с Израилем – довольно своеобразная часть истории внешней политики нашей страны. Во взаимоотношениях двух стран играли роль не только чисто внешнеполитические факторы – региональные интересы, глобальная расстановка сил, соображения безопасности, геополитические устремления и стратегические расчеты. В Советском Союзе проживало самое большое по численности после США еврейское население (около 2 млн. человек). Советский режим, налагавший запреты на свободу передвижения своих граждан, фактически препятствовал реализации одной из главных целей сионизма – собиранию евреев в Израиле, на земле, определяемой как их историческая родина. Это изначальное противоречие заложило основы для дальнейшего многолетнего противостояния.

Нельзя отрицать, что в процессе принятия внешнеполитических решений сказывалась и та остаточная нелюбовь к евреям, которую советское общество унаследовало от царской России. Антисемитизм, подспудно дремавший в сознании советских людей, несмотря на интернационалистское воспитание, дал себя знать в полной мере, когда сионизм, особенно в 1970-х годах, был объявлен одним из злейших врагов советского строя и марксистско-ленинской идеологии. Чрезмерной демонизации сионизма противостоял все же более умеренный анализ истории и политики Государства Израиль, содержащийся в работах специалистов из академической среды.

Распространенный в израильских и западных исследованиях тезис о том, что антисемитизм играл чуть ли не решающую роль в выработке политики в отношении Израиля, далеко не всегда находит подтверждение. Документы и частные свидетельства мемуаристов говорят о том, что те, кто принимали внешнеполитические решения, руководствовались, во-первых, установками на соблюдение государственных интересов и, во-вторых, идеологическими догмами. Государственные интересы понимались в то время как продвижение советского влияния, укрепление у власти в различных странах близких по своей «антиимпериалистической» (т. е. антизападной) идеологии сил. Международные отношения рассматривались как продолжение классовой борьбы, и в соответствии с этим определялась расстановка сил в региональных конфликтах. В своей ближневосточной политике Москва ориентировалась на арабские страны, прежде всего

на националистические режимы с их антиимпериалистической риторикой и провозглашенными целями национального и социального освобождения. Израиль, полностью развернувшийся в сторону США и других западных стран в поисках опоры для обеспечения своей безопасности, да и самого выживания, был зачислен в стан противников, объявлен «агрессивным пособником империализма».

В советском дискурсе Израиль рассматривался как «агент империализма», проводящий агрессивную, захватническую политику в отношении арабских стран, избравших независимый путь развития. Именно такой взгляд на характер и цели войны 1967 г. предопределил решение советского правительства о разрыве дипломатических отношений с Израилем. Эта чрезвычайная мера должна была компенсировать те репутационные потери, которые Советский Союз понес в глазах арабского мира, да и собственного народа вследствие сокрушительного поражения арабских армий, вооруженных советским оружием и подготовленных советскими инструкторами, и вследствие невмешательства в ход военных действий.

В Израиле – государстве, в создании которого большую роль играли выходцы из России, довольно значительный слой населения не утратил культурной и эмоциональной привязанности к стране происхождения. У израильской общественности сохранялся большой интерес к Советскому Союзу. Редкие контакты между представителями общественности двух стран в период отсутствия дипотношений всегда привлекали внимание израильтян. Однако этот ресурс в советское время так и не был использован во взаимоотношениях двух государств. В Советском Союзе к израильтянам, даже к представителям компартии относились с большим недоверием, опасаясь их нежелательного влияния на еврейское население. В Израиле общий тон враждебности, задававшийся руководством и большей частью средств массовой информации, выдвигавших против СССР не всегда обоснованные обвинения в усилении напряженности в регионе, настраивал людей на крайне негативное восприятие советской политики.

Опираясь на мощь и поддержку США, Израиль использовал все возрастающее влияние американских еврейских организаций и других произраильских лоббистов для подталкивания американской администрации к ужесточению требований к СССР в вопросах сво-

боды выезда и свободы национального и религиозного самоопределения для евреев внутри советского блока. С одной стороны, это заставляло советские власти несколько ослаблять запреты и ограничения в сфере реализации прав человека, исподволь расшатывало антидемократические устои советской системы. С другой стороны, манипулятивное использование израильским лобби вопроса о положении евреев в СССР зачастую осложняло развитие вполне положительных тенденций в советско-американских отношениях.

С приходом к власти М.С. Горбачева в 1985 г. были предприняты попытки преодолеть конфронтационную модель международных отношений, выстроить отношения с западными странами на основе совместных действий в тех областях, которые важны не только для обеспечения безопасности всех народов, но и для выживания человечества в целом: разоружение, урегулирование региональных конфликтов, экологические проблемы и т. д. Осуществление этих задач требовало большей открытости Советского Союза в отношении с внешним миром, выхода за рамки устоявшихся идеологических догм и политических соображений, диктовавших внешнеполитический курс в предыдущий период. Именно в этом контексте следует рассматривать вопрос о восстановлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Израилем. С обеих сторон действовал ряд факторов, тормозивших этот процесс, поэтому он растянулся на несколько лет. В конечном итоге нормализация отношений, обеспечив обеим странам и народам много преимуществ, доказала свою историческую необходимость.

Приложение I

Антисионистский комитет советской общественности (АКСО)

29 марта 1983 года ЦК КПСС принял решение о создании Антисионистского комитета советской общественности (АКСО). В п. 62 протокола N 101 заседания Секретариата ЦК от 29.03.1983 записано:

1. Согласиться с предложением Отдела пропаганды ЦК КПСС и КГБ СССР о создании Антисионистского комитета советской общественности...

6. Утвердить председателем Антисионистского комитета советской общественности т. Драгунского Д.А. (на общественных началах), первым заместителем председателя – т. Зивса С.Л., заместителем – т. Крупкина М.Б. (освобождёнными).

7. Опубликовать обращение инициативной группы к советской общественности...

8. Поручить Отделу пропаганды ЦК КПСС рассматривать совместно с КГБ СССР планы работы комитета и оказывать необходимую помощь в их осуществлении» (Прил. XII, док. 19, лл. 1-2)¹.

В принятом постановлении говорилось, что ЦК КПСС и КГБ должны позаботиться о создании комитета, руководящий состав которого будет приравнен к высшей номенклатуре. В соответствии с этим были утверждены штаты и должностные оклады работников комитета, (включая персональные надбавки), а также проект Постановления Совмина СССР о материально-техническом обеспечении комитета, (включая средства спецсвязи, транспорт, прикрепление руководителей комитета к поликлинике 4-го Управления Минздрава и столовой лечебного питания), и номенклатура должностей ЦК по руководству комитета².

Три дня спустя, 01 апреля 1983 г. в газете «Правда» было опубликовано обращение «инициативной группы» к советской общественности. Приводим отрывки из этого обращения, которые позволяют судить о позициях Комитета и его деятельности:

«...По своей сути сионизм концентрирует в себе крайний национализм, шовинизм и расовую нетерпимость, оправдание территориальных захватов и аннексий, вооружённый авантюризм, культ политической вседозволенности и безнаказанности, демагогию и идеологические диверсии, грязные маневры и вероломство.

Единой многонациональной семьёй мы строим новое прекрасное общество – коммунизм, и ведём борьбу за мир и дружбу между народами, даём отпор любым попыткам подорвать интернациональную общность советских людей. Абсурдными являются попытки идеологов сионизма выдать критику сионизма, любое осуждение советской общественностью агрессивной политики правящих кругов Израиля за «проявление антисемитизма». Хорошо известно, что советские люди – подлинными интернационалистами – решительно отвергают любые формы шовинизма, в том числе сионизм и антисемитизм.

По велению своего разума и совести мы обращаемся с призывом ко всем советским гражданам:

– рабочим, колхозникам, представителям интеллигенции – принимать активное участие в политическом обличении сионизма, давать твёрдый отпор его проискам;

– к учёным-обществоведам – активизировать научные исследования, аргументировано критикующие реакционную сущность идеологии и агрессивный характер политической практики сионизма;

– к деятелям литературы, искусства, журналистам – ещё полнее раскрывать в своих произведениях и выступлениях антинародный и антигуманный характер диверсионной пропаганды и политики сионизма.

В целях объединения наших усилий мы предлагаем создать добровольную организацию – Антисионистский комитет советской общественности – и призываем граждан – представителей различных национальностей принять активное участие в его работе.

Это позволит ещё более решительно вести работу против идеологии и политической практики сионизма, за социальный прогресс и мир на земле»³.

В этом обращении фактически было изложено отношение советского партийного руководства к сионистскому движению и к Израилю.

В АКССО вошли ученые, общественные деятели, представители литературы, искусства, в том числе композитор Матвей Блантер, народная артистка СССР Ангелина Степанова, кинорежиссер Татьяна Лиознова, писатель Генрих Гофман, поэт Андрей Дементьев и другие. Председателем комитета был избран дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник Д.А. Драгунский. Его первым заместителем стал доктор юридических наук, профессор С.Л. Зивс. В руководство

Комитета также входили заместитель директора Издательства АПН М.Б. Крупкин, заведующий отделом «Литературной газеты», доктор экономических наук И.П. Беляев, писатель Ю.А. Колесников.

Давид Абрамович Драгунский, стоявший во главе АКСО на протяжении всех лет его существования, был участником исторического парада Победы в Москве на Красной площади в 1945 г. В конце войны он принимал участие в работе Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Он действительно считал, что «сионизм наносит вред советским евреям и распространяет клевету против Советского Союза». В годы перестройки Драгунский сумел отстоять АКСО несмотря на то, что в Политбюро ЦК КПСС дважды рассматривался вопрос о его ликвидации. В этот период деятельность Антисионистского комитета значительно сократилась, но он продолжал периодически публиковать свои заявления и статьи. Так, например, Комитет опубликовал в «Правде» (9.08.89) заявление «Не должно быть места сионизму» в ответ на создание еврейским активистом Львом Городецким организации «Иргун Циони» с целью содействия ориентации на израильскую культуру. Комитет осудил сионизм как «крайнюю форму национального эгоизма и шовинизма»⁴.

¹ Выписка из протокола заседания Секретариата ЦК КПСС//[Электронный ресурс] http://www.hrono.info/organ/ukaz_a/akso.php Режим доступа 25.11.2014.

² [Электронный ресурс] <http://ru.wikipedia.org/wiki/> Режим доступа 20.11.2014.

³ Правда. 01.04. 1983.

⁴ Правда. 09.08.1989.

Приложение II

Изучение языка иврит в СССР

На фоне противостояния между Советским Союзом и Израилем, национального подъема и эмиграционных настроений вопрос об изучении языка иврит стал актуальным.

В 1919 г. постановлением СНК иврит в РСФСР был объявлен религиозным языком и преподавание на нём в еврейских школах запрещено. Последнее художественное издание на иврите было осуществлено в 1927 г. – книга Б. Фрадкина «Алей асор» («На десятиструнной лире»), после чего на нём время от времени издавались лишь религиозные материалы (календари, молитвенники) для общинных нужд.

В советской литературе иврит длительное время называли древнееврейским языком, даже когда вопрос его возрождения в Израиле был исторически решён. Этим его подчеркнуто противопоставляли «современному и живому» еврейскому языку – идишу. После создания Государства Израиль встала необходимость иметь профессионально подготовленных специалистов, владеющих ивритом. С 1953 г., когда после смерти Сталина отношение к ивриту до некоторой степени изменилось, в ИВЯ (ныне Институт стран Азии и Африки) при МГУ иврит преподавал Ф.П. Шапиро. В 1963 г. был издан «Иврит-русский словарь» Ф.Л. Шапиро, содержащий обширный грамматический очерк Б.Я. Гранде. Был издан сборник «Поэты Израиля» под редакцией Б. Слуцкого, в который вошли переводы с иврита, идиш, арабского. Немного позже вышел сборник «Рассказы израильских писателей» в переводе с иврита и идиш.

В 1960-х годах советские библиотеки начали получать издававшиеся в Израиле книги на иврите. Поступала также израильская пресса, которая, кроме изданий компартии, находилась в спецхране. В это время обучение ивриту в СССР практически прекратилось. Исключением являлось весьма ограниченное изучение языка в научных целях, например, на востоковедческих отделениях университетов Москвы, Ленинграда, Тбилиси.

После разрыва советско-израильских отношений в 1967 г. преподавание и изучение иврита вне официальных учебных заведений также было запрещено и считалось нарушением закона. Тем не менее, в конце 1960-х – начале 1970-х годов в Москве уже были под-

польные группы, которые изучали иврит. В университетах и в ряде институтов, в некоторых библиотеках можно было найти учебника иврита для начинающих «Элеф миллим», кассеты с записями курса для начинающих – 50 уроков, а также «500 слов на иврите». Учебники нелегально привозили посланники «Натива». Вышедший в 1963 г. иврит-русский словарь Ф. Шапиро с основой грамматики языка иврита стал важным «инструментом» для нелегальных преподавателей. Его невозможно было купить. Приходилось ксерокопировать за деньги, что являлось двойным нарушением закона теми, кто ксерокопировал, и теми, кто просил это сделать. Большой популярностью пользовался учебник «Элеф миллим». Его также ксерокопировали и даже фотографировали, а затем печатали как фотографии.

Преподавать и изучать иврит было большим риском. Уличенных в этом увольняли с работы, отчисляли из вузов, против них под различными предлогами фабриковались обвинения. Некоторые учителя иврита даже были осуждены на тюремное заключение (например, дело Холмянского).

Возможность изучать иврит давали радиопередачи. В 1970-х гг. можно было ловить на ультракоротких волнах израильский внутрений радиоканал «Решет бет» (Второй канал). Глушили только «Голос Израиля» на русском и ежедневное двухчасовое вещание на легком иврите для тех иммигрантов в Израиле, которые плохо владели ивритом.

С учетом развернувшейся борьбы против сионизма и нехватки специалистов по Израилю в тот период в ряде институтов возродили изучение иврита факультативно. В конце 1974 г. в Институте стран Азии и Африки при МГУ была создана первая группа, изучавшая иврит как специальность. Преподавателем был полковник военной разведки И.И. Рабинович. Среди студентов этой группы был А. Крюков, который позже переводил на русский язык целый ряд произведений израильских писателей. Новые группы набирали раз в два года. Аналогичная группа была создана и в Институте военных переводчиков.

Студенты проходили практику в Гостелерадио в редакции вещания на Израиль, а также, работая переводчиками с израильскими делегациями, которые приезжали в Москву по разным общественным линиям. Так, например, окончивший в 1983 г. ИСАА нынешний доцент МГИМО (У) Ю.И. Костенко вспоминает: «Фестиваль молодежи и студентов в Москве в 1985 г. – это был мой первый опыт работы переводчиком с «настоящими» носителями языка ... до

этого момента единственным человеком, из уст которого я слышал ивритскую речь, был уважаемый и любимый мною преподаватель языка иврит, ныне покойный Илья Иосифович Рабинович. Проверить свои знания языка и способности воспринимать речь на иврите было просто негде». Другой нынешний преподаватель иврита «усовершенствовал» свои знания языка на корабле ВМФ в Средиземном море, расшифровывая израильские радиоперехваты. Кстати, по рассказам специалистов «сломать» израильские шифровки не составляло большого труда.

Ситуация с изучением иврита начала изменяться в годы перестройки и всеобщей либерализации. В 1987 г. подпольные преподаватели иврита даже образовали «Игуд а-морим» – профсоюз преподавателей иврита. Его председателями были Зеэв Гейзель, Лев Городецкий и Авигдор Левит.

Со второй половины 1980-х годов, когда в Москву стали приезжать все больше делегаций и частных лиц, практически все студенты, да и бывшие студенты со знанием иврита работали переводчиками, улучшая свои знания языка и одновременно расширяя знания об Израиле. Позже многие студенты, изучавшие иврит в 1970-х – 1980-х гг., стали известными преподавателями-гебраистами, переводчиками, учеными, дипломатами.

Приложение III

История Отдела по изучению Израиля в Институте востоковедения РАН

До начала 1970-х гг. в Академии наук не было специального подразделения, которое занималось бы изучением Израиля. Научные исследования по Израилю проводилось в основном в контексте изучения Ближнего Востока. Так, например, в Институте востоковедения Академии наук израилеведение и связанная с этим идеологическая работа сосредоточивались в Отделе общих проблем. С расширением кампании за права советских евреев на Западе в конце 1960-х – начале 1970-х годов советское руководство поставило задачу осуществления более решительных ответных мер в борьбе с сионистскими кругами как основным застрельщиком антисоветских выступлений.

В записке по этому поводу, направленной в ЦК КПСС 26.02.1971 г., заместитель председателя Совета министров СССР В.Э. Дымшиц писал: «Вызывает недоумение и то, что ни один из институтов не ведет систематической работы по изучению материалов враждебной деятельности сионистских организаций и их методов, разработке предложений по разоблачению и борьбе с ними. Думаю, что в одном из действующих институтов, изучающих социально-экономические проблемы, надо иметь организацию, изучающую весь комплекс вопросов борьбы с сионизмом и собирающую материалы по положению национальных меньшинств в капиталистических странах»¹.

На основании этих предложений в ЦК КПСС было принято решение о создании подразделения «по научной борьбе с сионистской идеологией». Эта задача была возложена на Институт востоковедения АН СССР. 12 мая 1971 г. приказом № 213 по Институту востоковедения был образован Отдел по изучению Израиля в составе двух секторов: 1. Сектор истории и общественно-политических проблем. 2. Сектор экономики². Заведующим сектором истории и общественных проблем был назначен к.и.н. В.И. Киселев. Он был советским представителем в международной редколлегии ежемесячного журнала «Проблемы мира и социализма», который издавался в Праге и курировался непосредственно ЦК КПСС. Это назначение свидетельствовало о большой идеологической ответственности, которая возлагалась на новый Отдел. В состав Отдела вошли сотрудница ИВ АН д.и.н. Г.С. Никитина, которая опубликовала в 1968 г. свою моно-

графию «Государство Израиль», к.и.н., арабист Федченко А.Ф. и секретарь – Гасратян С.М. Постепенно Отдел пополнялся небольшим числом исследователей, для которых тематика была совершенно новой. В ноябре 1974 г. в связи с некоторыми изменениями в структуре Института сектор истории и общественно-политических проблем Отдела по изучению Израиля был переименован в «Сектор истории и культуры Израиля»³.

Сектор изучал ситуацию на Ближнем Востоке, расстановку политических сил в Израиле и в соседних странах, проблемы урегулирования ближневосточного конфликта, историю Израиля и сионизма. Основные работы его сотрудников публиковались в спецбюллетенях Института, которые представляли собой закрытые издания для служебного пользования и не предназначались для широкого читателя. Они и не несли столь «тяжелой» идеологической нагрузки, как открытые публикации.

В этот период в Институте были защищены несколько кандидатских диссертаций по Израилю, которые также носили закрытый характер и попадали в фонд специального хранения (спецхран). Это касалось и высокопрофессиональной диссертации Д.В. Прокофьева на тему «Израильская драматургия».

Спустя пять лет в марте 1979 г. «в целях дальнейшего улучшения работы Отдела по изучению Израиля, расширения исследований, непосредственно касающихся экономических, политических и социальных проблем страны, а также более глубокой разработки вопросов теории и антисоциалистической практики международного сионизма» было решено осуществить укрепление и реорганизацию Отдела, образовав в его составе два сектора: сектор по изучению Израиля и сектор идеологии⁴ (заведующие В.И. Носенко и О.В. Ковтунович). В связи с этим в конце 1970-х годов Отдел расширился за счет новых кадров, среди которых были бывшие сотрудники МИДа и других смежных организаций, некоторые из них работали в разные годы в советских посольствах в странах Ближнего Востока, в том числе и в Израиле. Будучи «идеологически подкованными», в своей новой научной деятельности они сохраняли прежний подход к Израилю, к арабо-израильскому конфликту, что не могло не оказывать влияния на продукцию сектора. Молодому поколению исследователей нелегко было противостоять старшим по возрасту и опыту сотрудникам. В Отделе разворачивались бурные дискуссии по вопросам сионизма, еврейского государства и еврейского народа. Сотрудники, занимав-

шие наиболее одиозные позиции, постепенно уходили, кто на заслуженный отдых, а кого-то руководство Института вынуждено было увольнять.

Отдел пополнялся также и выпускниками Института стран Азии и Африки при МГУ (ИСАА). Некоторые из них уже владели ивритом, т. к. в 1980 г. в ИСАА впервые была открыта группа, изучавшая иврит как основной восточный язык. До этого иврит изучали факультативно.

Большим достижением для себя сотрудники Отдела считали выход в свет в 1986 г. справочника «Государство Израиль». Несмотря на критическое отношение к этому справочнику внутри страны и вне ее, это был первая работа об Израиле, которая содержала не только «критику сионизма и политики правящих кругов». Так, например, благодаря разделу «Культура» советский читатель получал сведения о системе образования и здравоохранения в Израиле, об израильских средствах массовой информации, научно-исследовательских центрах. Впервые в открытой публикации уделялось внимание израильской литературе, кино, изобразительному искусству, музеям и археологии, туризму и спорту.

Работа над составлением справочника проходила несколько лет. По требованию и рекомендациям «товарищей» из международного отдела ЦК КПСС пришлось не один раз переделывать уже готовый текст, поскольку он «в недостаточной степени разоблачал сионистскую идеологию и агрессивную политику Израиля». Дело доходило до того, что даже говоря о спорте, авторы и редакторы вынуждены были подчеркивать, что «израильские правящие круги рассматривали развитие физического воспитания в стране в тесной связи с задачами подготовки армейских кадров, необходимых для ведения агрессивных войн»⁵. Таким образом, для того, чтобы справочник был опубликован, сотрудникам Отдела приходилось жертвовать и научностью, и объективностью. Несмотря на все сложности на этапе подготовки справочник вышел тиражом в 37 000 экземпляров и быстро разошелся по все стране.

Очередные изменения в Отделе по изучению Израиля произошли в 1986 г. (после ухода академика Е.М. Примакова с поста директора Института). В связи с пересмотром направлений исследований на очередную XII пятилетку, наряду с другими изменениями в структуре Института в Отделе Израиля сектор идеологии был слит с сектором по изучению Израиля, и впредь это подразделение ста-

ло именоваться Лабораторией по изучению Израиля. (Заведующим Лабораторией был назначен к.и.н. В.И. Носенко)⁶. Преобразование Отдела в Лабораторию привело к расширению главных направлений исследований. Добавились внешнеполитические и международные аспекты, ближневосточное урегулирование и палестинская проблема. Новые тенденции в советской внешней политике и внутривосточное развитие способствовали активизации научных исследований Лаборатории. За один лишь 1987 г. было подготовлено 6 работ и 12 аналитических записок и разработок. Были защищены 3 кандидатские диссертации⁷.

В 1990 г. «в целях дальнейшего расширения исследований, непосредственно касающихся экономических, политических и социальных проблем Израиля» Лаборатория по изучению Израиля вновь была переименована в Сектор по изучению Израиля. Заведовать Сектором была назначена к.и.н. Карасова Т.А.⁸.

В системе Академии наук, да и в масштабах страны в целом только Институт востоковедения имел отдельное подразделение, которое занималось изучением Израиля, поэтому создавалось впечатление, что вся антиизраильская, антиссионистская и соответственно антисемитская продукция выходила из этого Института. Известный советский кинорежиссер Б. Шейнин пишет в своих воспоминаниях: «Местом научных изысков доктора наук (Евсеева – *Н.С.*) был академический «Институт народов Азии и Востока» (название ИВ АН до 1958 г. – *Н.С.*). Там собралась «теплая» компания. В их представлении на географической карте ближневосточного региона всё могло сложиться прекрасно, если бы не затесался туда какой-то Израиль»⁹. Однако это ни в коей мере не соответствовало действительности. Основная часть «разоблачительных публикаций» создавалась не в стенах Института востоковедения. Их авторы были сотрудниками других институтов и учреждений. Единственный автор, который входил в группу наиболее одиозных разоблачителей Израиля и сионизма, Л. Корнилов, действительно, недолгое время работал в Секторе по изучению Израиля, но после очередной аттестации был уволен по статье о несоответствии занимаемой должности.

На протяжении всего советского периода подразделение по изучению Израиля работало в сложной обстановке. Идеологическое давление, нехватка подготовленных исследователей по данной тематике, отсутствие возможностей посещать изучаемую страну, сложный доступ к зарубежным научным публикациям не могли не сказываться

ваться на работе научных сотрудников. Тем не менее, многие из них стали высококвалифицированными специалистами-израиловедом и ближневосточниками. Несколько человек работали в российских посольствах в Израиле и в арабских странах. Заведовавший подразделением в 1980-е годы В. Носенко был советником-посланником в посольстве РФ в Израиле в 1990-х гг., а затем послом в одной из арабских стран. В первом составе советского посольства после восстановления дипломатических отношений с Израилем работала Т.А. Карасова. Один из ведущих российских специалистов по Ближнему Востоку А.В.Федорченко прошел путь от аспиранта Отдела Израиля до заведующего этим Отделом, а в 2004 г. возглавил Центр ближневосточных исследований МГИМО (У).

- ¹ Ук. соч. *Морозов Б.* Документ № 21. С. 90.
- ² Архив Института востоковедения, приказ 213 от 12 мая 1971 г.
- ³ Архив ИВ АН, приказ № 632 от 15 ноября 1974 г.
- ⁴ Архив ИВ АН, приказ 145 от 29 марта 1979 г.
- ⁵ Государство Израиль. Справочник. М.: Наука, 1986. С. 271.
- ⁶ Архив Института востоковедения. Приказ 253-к1 от 02.07.86.
- ⁷ Архив ИВ АН, приказ 59 от 07.09.1988.
- ⁸ Архив Института востоковедения АН, приказ 117к от 16.04.90.
- ⁹ Ук. соч. *Шейнин Б.* С. 20.

Приложение IV

Радиовещание на Израиль как орудие идеологической борьбы

После шестидневной войны 1967 г. и разрыва дипотношений с Израилем в ЦК КПСС было принято решение в соответствии с установкой на осуждение «израильской агрессии против арабских стран и борьбу с империализмом», в рамках иновещания на зарубежные страны, задействовать еще одно «идеологическое оружие»: радиовещание на Израиль.

Советский Союз, как и многие другие государства мира, вел активную информационную и пропагандистскую деятельность на международной арене. Советское иновещание являлось мощным орудием пропаганды коммунистической идеологии, средством оперативного информирования зарубежных слушателей о жизни советского народа, о политике Советского государства. Одновременно оно служило «орудием борьбы против империализма и неокolonизма». В период «холодной войны» международное радиовещание носило ярко выраженный контрпропагандистский характер. Таким образом, радиовещание на Израиль стало естественным элементом советского иновещания, хотя имело свою специфику.

Вещание на Израиль было поручено радиостанции «Мир и прогресс». Эта радиостанция была учреждена в ноябре 1964 г. как «Голос советского общественного мнения». Ее учредителями были: Агентство печати «Новости» (АПН), Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД), Советский комитет защиты мира, Комитет солидарности стран Азии и Африки, Комитет советских женщин, Всесоюзное общество «Знание», Союз писателей СССР, Союз журналистов СССР, Союз композиторов СССР, Комитет молодежных организаций СССР¹. Несмотря на то, что она считалась общественной независимой радиостанцией, она действовала в рамках союзного иновещания. Более того, как отмечает бывший редактор радиостанции С. Мальцев, «мы не имели каких-то особых интересов во внешнеполитическом вещании, отличных от государственных. Мы согласовывали свои планы вещания как с ЦК, так и с руководством Гостелерадио»².

О концепции радиовещания на радиостанции «Мир и прогресс» можно судить по документу, подготовленному в коллективе радиостанции для ознакомления главного куратора – Отдела пропаганды

и международного отдела ЦК КПСС, где в отношении Ближнего Востока говорилось: «В вещании на страны Арабского Востока особое место уделяется пропаганде советской позиции по вопросу ближневосточного урегулирования и решения палестинской проблемы, разоблачению двуличия США по отношению к арабам, разъяснению жизненной необходимости единства действий арабских стран в противодействии сионистско-империалистической экспансии на Ближнем Востоке.

В вещании на Израиль, монопольно осуществляемом радиостанцией «Мир и прогресс» в системе советской внешнеполитической радиопропаганды, ставится целью:

– показывать, что советская общественность в своем восприятии Израйля делает различие между преступным и авантюристическим курсом сионистских властей и израильским народом – первой жертвой этого курса;

– разоблачать своекорыстные мотивы заокеанских и израильских поборников «стратегического союза» США и Израйля;

– убеждать, что политика аннексии и милитаризма не может укрепить израильскую безопасность, ведет к международной изоляции еврейского государства, противоречит жизненным интересам его народа, лишает страну исторической перспективы;

– пропагандировать идею необходимости создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия; разъяснять пагубность для израильского народа осуществляемой властями политики «ядерного варианта»³.

По словам Е.Н. Мовы, который работал на радиостанции 15 лет, «Мир и прогресс» формально не подчинялась Комитету Гостелерадио СССР, хотя структурно входила в его иновещание. Фактически же её курировал Комитет государственной безопасности. Сотрудники «Мира и прогресса» занимались контрпропагандой и спецпропагандой в чистом виде⁴.

Ежедневное вещание на Израиль началось через три месяца после разрыва дипломатических отношений. Вещание велось сначала на идиш, а спустя несколько месяцев и на иврите. Затем открылось вещание на Ближний Радиостанция вещала также на главных европейских языках. С Парагваем, Гаити и Израилем у СССР не было дипотношений, поэтому вещание на языках гуарани, креольском и иврите велось исключительно на радиостанции «Мир и прогресс». Общение с аудиторией этих стран требовало особого подхода, инто-

наций и аргументации, а иногда возникала необходимость в жесткой отповеди «врагам социализма», которая не укладывалась в рамки политкорректности московского радио. Именно поэтому «Мир и прогресс» осуществлял языковую экспансию⁵.

Дикторы-переводчики радиостанции подбирались из политэмигрантов, граждан Советского Союза и иностранцев – носителей языков. Небольшое число дикторов-переводчиков было из бывших студентов языковых вузов, которые проходили за рубежом языковую практику. Так, например, передачи на арабском вели: Хишам – сирийский эмигрант, человек который пользовался большой симпатией в коллективе, Хаму Сливцов – выпускник ИСАА и Елена Васильевна Стефанова – известная переводчица с арабского.

Хотя «Мир и прогресс» представлялась как общественная радиостанция, материалы, которые готовила Главная редакция пропаганды иновещания, были обязательными для использования всеми вещательными отделами. Региональные и страноведческие пропагандистские материалы на все страны должны были трактовать государственную официальную точку зрения. В отношении Израиля ситуация была непростая.

Официальная линия в отношении Израиля, которая существовала с 1950-х годов, и установка на предание забвению поддержки, которую оказывал СССР Израилю на этапе создания государства, открыли широкое поле для всевозможных фальсификаций. Авторы многочисленных публикаций воспользовались официальными установками для того, чтобы «разоблачать идеологию и практику сионистского движения и клеймить израильскую политику»⁶. Нередко в пропагандистской и популярной литературе использовались наскооро сочиненные мифы и самые абсурдные вымыслы.

Как отмечает бывший зам. главного редактора радиостанции «Мир и прогресс» А. Кушнир, «подобрать нештатных авторов для вещания на Израиль было очень сложно. Все они стремились разоблачить, осудить Израиль, а не убедить его встать на путь мирного урегулирования»⁷. При этом они получали неплохие гонорары. Тем не менее, круг авторов по субъективным и объективным причинам был достаточно узок. Материалы на Израиль не отличались глубиной содержания, контрпропаганда занимала практически главное место и иногда она перехлестывала через край. Бывало, что из-за дефицита материалов, пригодных для вещания на Израиль, заместителю глав-

ного редактора приходилось самому выступать в качестве автора материалов, которые передавались на эту страну.

Как и все передачи на радиостанции «Мир и прогресс» на других языках, передача на иврите была получасовая. Около 10–12 минут новости, а затем 3–4 тематических материала, новые или повторы из предыдущих передач. Красной нитью в этих материалах проходило «осуждение агрессивных действий Израиля». Использовались также материалы о событиях в Советском Союзе, и, прежде всего, о заявлениях партии и правительства по Ближнему Востоку, в которых осуждалась агрессивная политика Израиля.

Поскольку радиостанция считалась независимой и якобы отражала советское общественное мнение, руководство станции приветствовало включение в передачи выступлений известных общественных деятелей или взятых у них интервью.

Но в отношении передач на Израиль дело обстояло таким образом, что при царившей в стране атмосфере, во-первых, мало кто из общественных деятелей готов был выступать, не поддерживая активно «генеральную линию партии и правительства», а если кто и рискнул бы, главный редактор не пропустил бы подобные материалы, дабы не подвергать себя неприятностям. Вместе с тем, некоторым авторам удавалось найти выход. Так, например, член Антисионистского комитета советской общественности (АКСО), киносценарист Б. Шейнин в начале восьмидесятых годов периодически выступал перед микрофоном и рассказывал что-то об успехах советского кино безотносительно Израиля, а начальство отчитывалось перед «инстанцией», что вот, дескать, «антисионисты» у нас активно выступают»⁸.

Перед тем, как передача передавалась в эфир, она полностью прослушивалась, т. е. проходила контроль, цензуру. Это положение было не только на радиостанции «Мир и прогресс», но и на иновещании в целом. Поэтому пленку с записанной передачей надо было сдать заблаговременно до начала эфира. После контроля вносить изменения можно было только в блоке новостей, если поступали срочные сообщения. Бывали случаи, когда приходилось читать новости непосредственно в эфир. Это была весьма ответственная задача.

Такой порядок был для всех программ. Однако с передачами на Израиль дело обстояло несколько иначе. На Израиль были две передачи на идиш и на иврите. Относительно передач на идиш не было проблем. Там работали два опытных диктора-переводчика – Ф.Г. Лазарева и Б.А. Гершман. Выпускающим редактором являлся И. Левин.

С передачей на иврит дело обстояло немного иначе. Прослушивал запись передачи тот же редактор-выпускающий, что и на идиш – немолодой сотрудник, бывший работник еврейского театра, который хорошо знал идиш. Иврит он изучал в детстве в хедере и немного понимал. Главный и незаменимый диктор-переводчик на иврит была Дица Сильвер – коренная израильтянка, которая по семейным причинам переехала в СССР. Она окончила Еврейский университет в Иерусалиме и являлась членом Коммунистической партии Израиля. Она была хорошо знакома с руководителями КПИ, которые периодически посещали Москву.

Дица хорошо знала ситуацию в Израиле и понимала, что материалы с резким, не всегда оправданным осуждением Израиля, с передергиванием фактов или их искажением не могли отвечать задачам радиостанции. Она вела неутомимую борьбу с авторами таких материалов, с руководством станции против таких материалов, хотя это не входило в ее обязанности.

В 1975 г. Д. Сильвер удалось опубликовать в журнале «Иностранная литература» статью «Антивоенная тема в прогрессивной культуре Израиля», в которой была предпринята столь редкая для тогдашней советской публицистики попытка показать борьбу отдельных групп израильской интеллигенции против политики правительства. Эта статья познакомила советского читателя с ведущими современными израильскими писателями. Автор статьи привела практически обзор основных произведений самых популярных в то время израильских писателей и поэтов, выступавших против аннексии захваченных Израилем арабских территорий (С. Изхар, И. Орпаз, А. Колек, Дан Бен-Амоц, Амос Кинаан, Ханох Левин и др.)⁹.

Какими бы ни были материалы программы на Израиль, их надо было переводить и отдавать на контроль. Прекрасное владение языком и его нюансами позволяло Д. Сильвер, не меняя сути и содержания материала, сделать перевод более приемлемым для израильского слушателя. Если со стороны цензора возникали замечания, то всегда можно было объяснить ему, что иврит язык развивающийся, а современный иврит позволяет употреблять новые выражения и обороты. Кстати говоря, передачи на Израиль использовались в качестве своего рода учебного пособия в вузах, где изучали иврит, в том числе в школе переводчиков КГБ.

После кончины Д. Сильвер в 1982 г. главным диктором-переводчиком на иврит стал Д. Прокофьев, молодой выпускник ИСАА при

МГУ, прекрасно владеющий языком иврит. Его знанием языка восхищалась вся израильская интеллигенция. Вскоре он стал и комментатором и автором материалов передач на Израиль. Д. Прокофьев признает, что вначале он переводил материалы и новости слово в слово, как было написано, но со временем научился «с ухмылкой переделывать оригинал во что-то более нейтральное и менее гнусное»¹⁰.

Сотрудники израильского отдела радиостанции в целом понимали, что их материалы не всегда адекватны и не соответствуют происходящему в Израиле и на Ближнем Востоке, но они знали правила игры и не хотели терять свою работу. Были случаи, когда приходилось «снимать» уже утвержденный материал или переделывать его. О чрезмерно жестком тоне передач на Израиль говорили и представители КПИ своим «кураторам» в международном отделе ЦК КПСС. Кстати говоря, в интервью, которые давали израильские коммунисты радиостанции «Мир и прогресс», они не допускали такого резкого лексикона, который применяли советские авторы.

Вплоть до начала 1980-х годов вещание на Израиль велось полчаса в день на иврите и еще полчаса на идиш. Потом программу на идиш отменили – не нашлось носителей языка, которые могли бы заменить старых дикторов-переводчиков.

Эффективность работы любой радиостанции оценивалась в те времена количеством писем и откликов, которые она получала. Для иновещания такая оценка была особо важна. Радиостанция «Мир и прогресс» получала немало писем из разных стран. Когда началось вещание на иврите, радиостанция получала сотни писем от израильтян, которые помнили роль Красной Армии во Второй мировой войне и выступление А. Громыко в ООН в 1947 г. Но вскоре поток писем остановился. Количество писем из Израиля было мизерным. Радиостанция не сумела найти путь к своим потенциальным слушателям. Но это не означало, что в Израиле не слушали передачи «Мира и прогресса». Как отмечает В. Сильвер, «откликов на наши передачи было очень и очень мало, поэтому, если была какая-то реакция на наше вещание, это было очень важно. Помимо редактора службы перехвата израильского радио М. Гурдуса московские передачи слушали сотрудники некоторых служб и отдельные граждане. Изредка служба перехвата советского радиовещания получала отклики на передачи «в стране вещания», а вот это уже была победа, значит «враг нас слушает и не может смолчать, реагирует»¹¹.

Редакция передач на Израиль отличалась в определенном смысле от других редакций радиостанции. Все сотрудники редакции не просто формально выполняли свою работу, они не были безразличны к тому, что происходило в стране вещания и на ее границах. Они обладали текущей информацией и были в курсе происходящего. Это способствовало тому, что дикторы-переводчики выполняли работу не формально, а с сознанием причастности к процессу.

После прихода к власти М.С. Горбачева наметились определенные подвижки во внешней политике СССР. Это коснулось и вещания на Израиль. Радиовещание, в том числе на Израиль, изменило свой тон. Дух «холодной войны» немного смягчился, и в материалах передач наметились нотки объективности. Примером может служить случай, когда в одном из комментариев редактор передач на Израиль сослался на статью А. Бовина в газете «Известия» по поводу нападения арабских террористов на автобус, следовавший по маршруту Тель-Авив – Иерусалим, где впервые в советской прессе этот акт был назван террором. После этого редакторы передачи на Израиль стали использовать выражение «терракт».

В период перестройки по указанию со Старой площади «в связи с особой актуальностью пропаганды идеи полномочной мирной конференции по Ближнему Востоку», был увеличен объем вещания на Израиль. Одновременно в Комитете Гостелерадио сменился Генеральный директор, и на иновещании отменили цензуру! «Сначала не очень верилось, что начальство вот так позволит работать действительно без цензуры, – вспоминает Д. Прокофьев. Но ни разу никто не вмешивался – ни руководство иновещания, ни Старая площадь. Работать на радиостанции сразу стало интересно»¹².

Изменение отношений между Советским Союзом и Израилем накануне восстановления дипотношений оказало свое влияние и на работу радиостанции «Мир и прогресс». В 1989 г. на «Мир и прогресс» впервые приехала делегация с израильского радио. Ее возглавлял Й. Тавор, являвшийся тогда редактор программы культуры на израильском радио на русском языке. Ознакомившись с достижениями перестройки и гласности, он выступил с предложением, чтобы кто-то с советской стороны периодически рассказывал на втором канале израильского государственного радио на русском языке (Решет Хей) об успехах перестройки, о новом мышлении, о начавшемся сотрудничестве между СССР и Израилем и т. д. Он также предложил, чтобы руководство радиостанции «Мир и прогресс» посетило

Израиль¹³. В результате этих договоренностей Д. Прокофьев еще до восстановления дипотношений стал своего рода нештатным корреспондентом израильского радио, регулярно комментируя в эфире события в СССР.

В 1990 г. произошло событие, о котором в прежние годы нельзя было и подумать. Молодой корреспондент и редактор вещания на иврите В. Сильвер, который был участником этого события, вспоминает, что весной 1990 г. на радиостанции израильской армии «Галей ЦАХАЛ» родилась идея подготовить специальную передачу из Москвы о том, как в советской столице идет подготовка к празднику Песах. С этой целью в Москву прибыли три представителя армейской радиостанции. Центральным событием московской командировки израильских журналистов должен был стать радиомост между Тель-Авивом и Москвой. Для того чтобы организовать именно такую передачу, израильцы обратились к своим коллегам – сотрудникам радиостанции «Мир и прогресс», Надо сказать, что сами журналисты по ту и другую сторону имели весьма смутное представление о том, как именно должна быть организована радиопередача подобного рода. Все было внове, впервые. Никогда ранее коллеги по перу или микрофону не встречались и не взаимодействовали в эфире. Но все прошло гладко – радиотехники поняли друг друга буквально с нескольких слов, технически организовать прямую радиосвязь между студиями в Москве и Тель-Авиве не представляло никакого труда. А самое главное и удивительное – официальное разрешение на это мероприятие было получено практически сразу и без особых осложнений.

29 марта 1990 г. в 9 часов утра началась прямая радиосвязь. Ведущий израильской радиостанции «Галей ЦАХАЛ» Алекс Анский начал этот радиомост словами: «Мы ведем нашу передачу из самого сердца Москвы, столицы Советского Союза». Израильские журналисты получили возможность выйти в эфир из самой большой концертной студии Гостелерадио СССР. Передача велась в течение нескольких часов¹⁴.

Позже, заместитель главного редактора советской радиостанции «Мир и прогресс» А. Кушнир, благодаря которому, по сути дела, израильские журналисты получили все необходимые разрешения и поддержку советской стороны в проведении этого исторического радиомоста, посетил Израиль и был принят начальником радиостанции «Галей ЦАХАЛ» Э. Лапидом в Тель-Авиве.

Со своей стороны Израиль также вел радиовещание на Советский Союз, которое осуществлялось радиостанцией «Коль Исраэль» («Голос Израиля») на русском языке и на идиш. Основная задача радиовещания на СССР заключалась в освещении происходящих в Израиле событий, жизни и успехов Израиля. Эти передачи, нацеленные в первую очередь на граждан СССР еврейской национальности, подогревали у них национальные чувства и желание эмигрировать в Израиль. Один из бывших сотрудников израильского радио Э. Валк отмечал, что специфика работы для слушателей в СССР заключалась в том, что нельзя было ограничиться переводом сводки новостей. «То, что на иврите обозначалось одним словом и было понятно израильянам без дополнительных комментариев, для русского слушателя надо было раскрывать более подробно»¹⁵.

Большое место в израильских программах на Советский Союз, как и в программах западных радиостанций, занимали передачи, посвященные нарушению прав человека в СССР, разоблачению репрессивных действий властей против активистов еврейского движения. Радиостанция «Голос Израиля» на русском тесно сотрудничала с организацией «Лишкат ха-кешер», т. е. с «Натив», которая в том числе координировала борьбу за выезд советских евреев. Сотрудники «Натив» собирали информацию о том, что происходит с евреями в Советском Союзе, оперативно узнавали об арестах, провокациях и т. д. Радиостанция получала от них сведения об арестованных и о событиях и сразу передавала эту информацию в эфир. Так, например, сведения о действиях властей по отношению к Н. Щаранскому, И. Менделевичу, другим «узникам Сиона» и «отказникам» радиостанция «Голос Израиля» узнавала и распространяла в эфире первой. «Голос Израиля» предоставлял эту информацию и другим радиостанциям – «Голосу Америки», радио «Свобода» и т. д.

Как отмечают авторы журнала «Алеф», «в годы информационного голода «Коль Исраэль» на русском и идиш был для многих советских евреев источником не только информации, но и моральной, а порой и политической поддержки. Особенно для тех, кто был в отъезде, сидел в тюрьмах, лагерях, боролся за выезд»¹⁶.

Сотрудники радиостанции «Голос Израиля» на русском языке были в основном выходцами из Советского Союза, которые приехали сами или с родителями в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Некоторые из них уже владели ивритом и свободно переводили материалы передач. Следует отметить, что некоторые сотрудники ра-

диостанции достигли значительных успехов в своей карьере. Э. Валк стал первым послом Государства Израиль в Белоруссии, Д. Голендер, которая в 1968 г. начала работать диктором в русском отделе израильской радиостанции «Голос Израиля», в 2011 г. стала послом Государства Израиль в России.

После восстановления дипотношений между СССР и Израилем в 1991 г. дикторы, которые работали на радиостанции «Мир и прогресс» и долгие годы выступали в эфире с осуждением «агрессивной политики Израиля», были приняты в Израиле коллегами и знакомыми с пониманием и весьма благожелательно.

С 1-го июня 1991 г. приказом председателя государственной телерадиокомпания Л. Кравченко радиостанция «Мир и прогресс» прекратила свое вещание. В настоящее время вещание на зарубежные страны осуществляет радиоккомпания «Голос России». Специально на Израиль передачи не ведутся.

¹ [электронный ресурс] [tvmuseum.ru file://localhost/G:/гостелерадио/радио/Музей%20радио%20и%20телевидения%20-%20История.mht](http://tvmuseum.ru/file://localhost/G:/гостелерадио/радио/Музей%20радио%20и%20телевидения%20-%20История.mht), Режим доступа 10.04.2011.

² *Мальцев С.* «Почему замолк голос «Мира и прогресса» // [Электронный ресурс] <http://www.proza.ru/> Режим доступа 05.05.2011.

³ Там же.

⁴ *Мова Евгений Николаевич.* ПЯТЬ ВСТРЕЧ С ГЕРМАНИЕЙ http://samlib.ru/m/mowa_e_n/fivemeetingswithgermany-1.shtml • Размещен: 19/11/2007, изменен: 27/03/2009.

⁵ Ук. соч. *Мальцев С.*

⁶ *Носенко В.И.* Характер и этапы советско-израильских отношений (1948-1990) // СССР и Третий мир: Новый взгляд на внешнеполитические проблемы: сб. ст. М.: ИМЭиМО РАН, 1991. С. 69.

⁷ *Кушинир А.А.* Иновещание – моя жизнь (заметки ветерана) // Голос, который знаком всему миру. М., 2009. С. 202.

⁸ Из воспоминаний диктора-переводчика, к.и.н. Д. Прокофьева (2012).

⁹ *Д. Сильвер* // Иностранная литература. № 8. Август 1975 г. С. 226–251.

¹⁰ *Прокофьев Д.* «Кол Москва» (Голос Москвы). Тель-Авив, 1994. С. 34.

¹¹ Интервью с В. Сильвером. Тель-Авив, 06 апреля 2011 г.

¹² Из воспоминаний диктора-переводчика, к.и.н. Д. Прокофьева (2012).

¹³ Ук. соч. *Прокофьев Д.С.* С. 41.

¹⁴ Интервью с В. Сильвером. Тель-Авив, 06 апреля 2011 г.

¹⁵ «Алеф» [Электронный ресурс] www.alefpress.com 11.02.2004 Режим доступа 17.03.2011.

¹⁶ Там же.

Список источников и литературы

Сборники документов и архивные материалы

Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1–1947–1956 гг.; Т. 2 – 1957–1967 гг. / Отв. ред. Наумкин В.В. М.: Международный фонд «Демократия», 2003.

Внешняя политика Советского Союза: сб. док. 1966. М.: Международные отношения, 1967.

Морозов Б. Еврейская эмиграция в свете новых документов. Тель-Авив, 1998. Советско-израильские отношения: сб. док. 1941–1953. Т. 1–2. М.: Международные отношения, 2000.

СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.

СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1986. Документы и материалы. М.: Издательство политической литературы, 1989.

International Documents on Palestine 1974. Beirut: The Institute for Palestine Studies; Kuwait: The University of Kuwait. 1977.

The Israel-Arab Reader. A Documentary History of the Middle East conflict W. Laqueur and V. Rubin. L.: Penguin Books, 2008.

Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 087. Ф. 089. Ф. 029.

Архив внешней политики СССР.

Архив Института востоковедения РАН.

Государственный архив Израиля (Ginzah hamdina).) Фонды: Канцелярия премьер-министра, Правительствоные министерства, Министерство иностранных дел, Гендиректора МИД.

Государственный архив Российской федерации (ГАРФ) Фонд 9539.

Российский государственный архив новейшей истории. Фонд 5.

Мемуары

Ближний Восток. Командировка на войну. Советские военные в Египте. М.: ИВ РАН; ИСАА, 2009.

Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства. М., 2000.

Виноградов В. Египет: смутная пора. Записки посла СССР // Знамя. 1988. Декабрь. № 12.

Громыко А.А. Памятное. М.: Издательство политической литературы, 1990.

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996.

Панкин Б.Д. Сто оборванных дней. М.: Совершенно секретно, 1993.

Попов М.П. Тридцать семь лет на Ближнем Востоке. Записки дипломата. М.: МГИМО (У), 2002.

Чувахин Д. Израиль накануне разрыва дипломатических отношений с СССР в 1967 г. // *Международная жизнь*. 1994. № 9.

Шейнин Б. Не дай умереть ребёнку. (Из воспоминаний киносценариста). М., 2010.

Dayan M. *Story of my Life. An Autobiography.* N.Y.: Warner Books, 1976.

El-Sadat Anwar. *In Search of Identity. An Autobiography.* Glasgow: William Collins Sons & Co Ltd., 1978.

Kissinger H. *Years of Upheaval.* Boston-Toronto, 1982.

Levin A. *Envoy to Moscow. Memoirs of an Israeli Ambassador 1988–92.* L.: Frank Cass, 1996.

Meir G. *My Life.* L.: Future Publications Ltd., 1979.

Peres S. *Battling for Peace. Memoirs.* L.: Orion Books Ltd., 1995. P. 359

Vance C. *Hard Choices. Critical Years in American Foreign Policy.* N.Y.: Simon & Schuster Inc., 1983.

Кедми Я. Милхамот Авудот (Потерянные войны) (иврит). Тель-Авив: Матар, 2011.

Любич Р. Бахарти лихйот бемаавак (Я выбрала жить в борьбе) (иврит). Тель-Авив, 1985.

Прокофьев Д.С. Кол Москва (Голос Москвы) (иврит). Тель-Авив, 1994.

Монографические исследования

Бар-Зохар М. Бен-Гурион. Биография. Кн. I, II. Библиотека Алия, 1989.

Барковский Л. Арабское население Израиля. М.: Наука, 1988.

Ваксберг А. Сталин против евреев. Секреты страшной эпохи. N.Y.: Liberty Publishing House, 1995.

Васильев А. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Наука, 1993.

Говрин Й. Израильско-советские отношения 1953–1967. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994.

Горбачев М.С. Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988.

Государство Израиль. Справочник. Главная редакция восточной литературы издательства М.: Наука, 1986.

Дауров Р.Д. Долгая шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке. М.: Институт востоковедения РАН, 2009.

Е. Евсеев. Фашизм под голубой звездой. М.: Молодая гвардия, 1971.

Звягельская И. Ближневосточный клинч. Россия в конфликтах на Ближнем Востоке. М.: Аспект Пресс, 2014.

Звягельская И. История Государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012.

Звягельская И. Роль военной верхушки в партийно-политической системе Израиля. М.: Наука, 1982.

- Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В.* Государство Израиль. М.: ИВ РАН, 2005.
- Иванов К., Шейнис Н.* Государство Израиль. Его положение и политика. М.: Госполитиздат, 1958.
- Иванов Ю.* Осторожно: сионизм! М.: Изд-во политической литературы, 1970.
- Карасова Т.* Блок Маарах в партийно-политической системе Израиля. М.: Наука, 1988.
- Карасова Т.А.* Политическая история Израиля. Блок Ликуд: прошлое и настоящее. М.: Наталис; Ин-т востоковедения РАН, 2009.
- Кичко Т.К.* Иудаизм без прикрас. Киев: АН УССР, 1963.
- Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2003.
- Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006.
- Примаков Е.* Анатомия ближневосточного конфликта. М.: Мысль, 1978.
- Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века) М.: Российская газета. 2006, 2012.
- Примаков Е.М.* История одного сговора. М.: Политиздат, 1985.
- Пырлин Е.Д.* Сто лет противоборства. М.: РОССПЭН, 2001.
- Рокотов С.М.* Сионизм – орудие агрессивных империалистических кругов. М.: Международные отношения, 1983.
- Российско-израильские отношения. История и современность / Отв. ред. Карасова Т.А. М., 2012.
- Этштейн А., Кожеуров С.* Россия и Израиль: трудный путь навстречу. Гешарим Иерусалим, Мосты культуры, М., 2011.
- Bar Joseph U.* The Watchman Fell Asleep. N.Y.: State University of New York, 2005.
- Bar-Siman-Tov Y.* Israel, the Superpowers and the War in the Middle East. N.Y.: Praeger Publishers, 1987.
- Beschloss M. and Talbott S.* At the Highest Levels. L.: Warner Books, 1994.
- Cline R. & Alexander Y.* Terrorism: the Soviet Connection. Center for Strategic and International Studies Georgetown University. 1984.
- Dagan A.* Moscow and Jerusalem. Twenty Years of Relations between Israel and the Soviet Union. L.; N.Y.; Toronto: Abelard-Schuman, 1970.
- Freedman R.O.* Soviet Policy toward the Middle East since 1970. N.Y.; L.: Praeger Publishers, 1978.
- Golan G.* Soviet Policies in the Middle East. From World War II to Gorbachev. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1990.
- Harkabi Y.* Arab Attitudes to Israel. Jerusalem: Keter Publishing House, 1976.
- Heikal M. Nasser.* The Cairo Documents. L.: New English Library, 1972.
- Kipnis Y.* 1973 The Road to War. Charlottesville, Virginia: Just World Books, 2013.

Krammer A. The Forgotten Friendship: Israel and the Soviet Bloc, 1947–1953. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1974.

Mearshimer J. and Walt S. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2007.

Miller A.D. The Much too Promised Land. N.Y.: Bantam Books, 2008.

M. Oren Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. L.: Penguin Books, 2003.

Rabinovich A. The Yom Kipur War. The Epic Encounter that Transformed the Middle East. Knopf Doubleday Publishing Group, 2005.

Ro'i Y. From Encroachment to Involvement. A Documentary Study of Soviet Policy in the Middle East. 1945–1973. Toronto; N.Y.: John Wiley and Sons; Jerusalem: Israel University Press, 1974.

Safran N. From War to War. The Arab-Israeli Confrontation, 1948–1967. N.Y.: Pegasus, 1969.

Segev T. 1967. Israel, the War and the Year that Transformed the Middle East. L.: Abacus, 2007.

Slater R. Rabin of Israel. Warrior for Peace. N.Y.: Harper Paperbacks, 1996.

Tessler M. A History of the Israeli-Palestinian Conflict. Indiana University Press. Bloomington & Indianapolis, 1994.

Горвин Й. Яхасей Ираэл Брит хамоацот меэт хидушам бишнат 1953 ад нитукам бишнат 1967 (Отношения между Израилем и Советским Союзом после их возобновления в 1953г. до их разрыва в 1967 г.) (иврит). Иерусалим: Магнес, 1990.

Йеудей брит хамоацот бемаавар (Евреи СССР на перепутье) (иврит). Годичные публикации. Редактор Д. Приталь. Иерусалим, 1993, 2000, 2002.

Зак М. 40 шнот ду-сиа им Москва (Сорок лет диалога с Москвой) (иврит). Тель-Авив: Сифриат Маарив, 1988.

Крайз Ш. Хайеудим веисраэл баитонут хасоветит беткуфат Горбачев (Евреи и Израиль в советской прессе в периоде Горбачева) (иврит). Иерусалим: Магнес, 2007.

Шафран Н. Шалом леха коммунизм (Прощай, коммунизм) (иврит). Тель-Авив: Хакибуц Хамеухад, 1983.

Шиф З., Яари Э. Милхемет Шолал (Война, оказавшаяся заблуждением) (иврит). Иерусалим и Тель-Авив: Шокен, 1984.

Статъи

Костенко Ю.И. Преподавание иврит в МГИМО // Материалы XIX Ежегодной международной конференции по иудаике. Том IY. Язык иврит: исследование и преподавание. М., 2012. С. 100.

Локишин А.Е. Завеса истории // Лехаим. Октябрь 2006. № 10 (174).

Локишин А.Е. Помнить или забыть? Отношение к Холокосту советского режима и общества // Помнить о прошлом ради будущего: Еврейская идентичность и коллективная память / Отв. ред. Т.А. Карасова, Е.Э. Носенко-Штейн. М. ИВ РАН. 2014. С. 75–101.

Луцкий В.Б. Палестинская проблема. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 9 августа 1946 г. в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького в Москве. Издательство «Правда». М., 1946.

Мирский Г.И. Мы и «третий мир» в свете нового политического мышления // СССР в мировом сообществе: от старого мышления к новому. М.: Прогресс, 1990. С. 370–398.

Носенко В.И. Характер и этапы советско-израильских отношений (1948–1990 гг.) // СССР и третий мир: новый взгляд на внешнеполитические проблемы. М.: ИМЭМО АН СССР, 1991. С. 65–104.

Носенко В.И. Советский Союз и «третий мир»: политика и нравственность // СССР в мировом сообществе: от старого мышления к новому. М.: Прогресс, 1990. С. 495–510.

Носенко Т.В. Внешнеполитические интересы Советского Союза и восстановление отношений с Израилем (1985–1991) // Израиль, Россия и русскоязычное еврейство в контексте международной политики. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. III. М., 2011. С. 31–47.

Носенко Т.В. Непростая история. К 20-летию восстановления дипломатических отношений между СССР и Израилем // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 11. С. 87–96.

Носенко Т.В. Октябрьская война 1973 г. и политика СССР // Израиль. Исторический опыт и тенденции современного развития: сб. ст. / Отв. ред. Карасова Т.А. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 75–86

Носенко Т.В. Поиски альтернативы в советско-израильских отношениях (середина 1960-х годов) // Российско-израильские отношения. История и современность: сб. статей по материалам международной конференции «Россия-Израиль: 20 лет восстановления дипломатических отношений» / Отв. ред. Карасова Т.А. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 55–64.

Носенко Т.В. Принцип двух государств в урегулировании палестино-израильского конфликта: возможна ли альтернатива? // Проблемы и перспективы урегулирования на Ближнем Востоке. М.: Центр стратегических и политических исследований Института востоковедения РАН, 2010. С. 65–89.

Польнов М.Ф. М.С. Горбачев и новое политическое мышление: истоки, основные идеи и результаты // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 150.

Рогов С., Носенко В. Что сказал «А» и что сказал «Б» // Советская культура, 9 февраля 1989 г.

Рыжов И.В. Государство Израиль в системе международно-политических координат в период «холодной войны»: обзор отечественной историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2007. № 4. С. 165–169.

Рыжов И.В. СССР и Государство Израиль. Трудная история взаимоотношений. Н. Новгород: ИСИ ННГУ; Вектор ТиС, 2008.

Семенченко Н.А. Общественно-политические контакты между СССР и Израилем в период отсутствия дипломатических отношений (1967–1987) //

Израиль, Россия и русскоязычное еврейство в контексте международной политики. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. III. М.: Сэфер, 2011. С. 8–30.

Семенченко Н.А. Советское радиовещание на Израиль (1967–1991 гг.) // Российско-израильские отношения. История и современность: сб. статей по материалам международной конференции «Россия–Израиль: 20 лет восстановления дипломатических отношений» / Отв.ред. Карасова Т.А. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 65–72.

Усова Е.Ю. Советский взгляд на Израиль сквозь призму официальной идеологии и атмосферы «холодной войны» (конец 1940-х – 1950-е гг.) // Российско-израильские отношения. История и современность. М.: ИВ РАН, 2012. С. 38–54.

Agursky M. Soviet Priorities in the Arab-Israeli Conflict // The Jerusalem Journal of International Relations. 1987. Vol. 9. № 2.

Eldad S. and Merari A. The Soviet Bloc and World Terrorism. Jaffee Center for Strategic Studies, Tel Aviv University. Paper № 26. August 1984.

Primakov E.M. Soviet Policy toward the Arab-Israeli Conflict // The Middle East. Ten Years after Camp David / Ed. W.B. Quandt. Washington, 1988. P. 387.

Sella A. Soviet Policy in the Middle East under Gorbachev. The Policy towards Israel and the PLO. The Hebrew University of Jerusalem – Georgetown University. May 1988.

Shamir Y. Israel's Role in a Changing Middle East // The Israel-Arab Reader. A Documentary History of the Middle East conflict ed. by W. Laqueur and B. Rubin. L.: Penguin Books, 2008.

Ресурсы интернета

[Электронный ресурс] – <http://www.cursorinfo.co.il>

[Электронный ресурс] – <http://www.npr.org>

[Электронный ресурс]- <http://www.jewishvirtuallibrary.org>

[Электронный ресурс] – <http://www.haaretz.com/>

[Электронный ресурс] – <http://www.jpost.com/Israel-News/Politics-And-Diplomacy>

Израильская пресса на языке иврит

Аль Гамишмар

Гаарец

Едиот Ахронот

Зо Гадерех

Кол Гаам

Маарив

Турей Хасмол

Указатель имен и названий

- А**
Абрам М. 198
Абрамов А.Н. 26, 42
Авинери Ш. 166, 195, 202
Агурский М. 102
Алони Ш. 88, 155, 156, 164
Алон И. 118, 151, 156
Андропов Ю.В. 58, 78, 88, 133, 139, 180
Антисионистский комитет советской общественности (АКСО) 180, 227–229, 241
Арафаг Я. 84, 85, 110, 131, 187–189, 221, 222
Арбатов Г. 155
Аренс М. 187, 211
Армения 202, 203
Асад Х. 124, 188, 219
Атаси Нур адДин 51
- Б**
Багдадский пакт 13, 24, 27, 32
Бадран Ш. 57
Барам У. 156
Барковский Л. 181, 183, 249
Бегин М. 90, 116, 117, 127, 130, 131, 174
Бейкер Дж. 219
БенГурион Д. 22, 23, 25, 36, 38, 41, 43, 47, 67, 89, 174, 203, 249
Бессмертных А.А. 217, 219
Битон Ч. 155, 164
Бовин А.Е. 155, 161, 162, 169, 206, 222, 244, 248
Богданов Р.Г. 164
Бодров М.Ф. 42, 45, 46
Борщевский М.Ю. 163
Брежнев Л.И. 63, 64, 90, 95, 100, 101, 107, 109, 110, 114, 117, 119, 120, 132, 133, 140
Бронфман Э. 192, 198
Брюссельская программа 90, 174
Булганин Н.А. 41
- Бурштейн У. 152, 153
Бушстарший Дж. 218
- В**
Ваксберг А. 19, 67, 249
Васильев А.М. 9, 12, 29, 51, 62, 68–70, 94, 135, 137–139, 183, 249
Вейцман Э. 201, 216
Визелтер М. 150
Вильнер М. 142–144, 156, 164, 168, 170
Вильсон Г. 60
Виноградов В.М. 34, 68, 76, 94, 103, 135, 137, 138, 248
Война на истощение 73, 75, 93, 135
Воронцов Ю.М. 64, 154, 191, 212
Всемирная еврейская конференция 89, 174
Всемирная сионистская организация (ВСО) 196
Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) 158
Вышинский А.Я. 16
Вэник Ч. 87
Вэнс С. 118, 119
- Г**
Гейвандов К.Е. 163, 188
Гемлер И. 150
Генеральная Ассамблея (ГА) ООН 14, 15, 20, 21, 52, 67, 84, 105, 110, 118, 119, 151, 189, 193, 209, 215
Герцог Х. 117, 212
Гистадрут 156–157, 159
Говрин Й. 10, 12, 26, 62, 68–71, 249, 251
Гожански Й. 145, 168
Гожански Т. 150
Голан Г. 11, 58, 63, 123
«Голос Израиля» 175, 231, 238, 246, 247
Гольдман Н. 111, 118
Гонен Б. 157

Горбачев М.С. 63, 126, 157, 169, 170, 184, 187–190, 192–196, 199, 201, 206, 208, 212, 216, 218, 219, 221, 222, 225, 244, 249, 251, 253

Городецкий Г. 202

Городецкий Л. 229, 232

Гостелерадио 231, 238, 239, 244, 245

Гранот Э. 156, 157, 164

Гречко А.А. 58

Громыко А.А. 14, 15, 17, 46, 52, 60, 62–64, 67, 68, 78, 79, 84, 85, 88, 91, 95, 104–106, 108, 112, 118, 119, 135, 136, 138, 139, 151, 178, 212, 243, 248

Гросман Х. 156, 159, 164

Дарауше А.Х. 150

ДаринДрабкин Х. 140

Дауров Р.Д. 9, 12, 64, 71, 250

Даян М. 40, 41, 56, 75, 82, 86, 93, 96, 97, 101, 105, 111, 202

Движение дружбы Израиль–СССР 147, 160, 163, 203

Движение неприсоединения 32, 63

де Голль Ш. 60

Демократический фронт освобождения Палестины 125, 189

Джексон Г. 90, 91

Джонсон Л. 50, 59

Дзасохов А.С. 125

Диниц С. 112, 138

Добрынин А.Ф. 11, 12, 49, 64, 69, 71, 77, 81, 92, 99, 101, 108, 111, 112, 114, 119, 122, 127, 129, 135–139, 212, 223, 249

Драгунский Д.А. 227–229

Еврейское агентство для Палестины 16, 17, 67

Египетскоизраильский мирный договор 1979 г. 121–123

Егорин А.З. 75

Егорычев Н.Г. 58

Женевская конференция 3, 6, 103–105, 107–110, 112–116

Загладин В. 157, 169, 170

Зак М. 10, 12, 69, 82, 110, 135, 136, 138, 139, 223, 251

Замир Ц. 96

Звягельская И.Д. 10, 12, 138, 181, 183, 250

Зимянин М.В. 94, 180

Зихрони А. 152, 153

Израильское движение демократических женщин (ТАНДИ) 159

Императорское Православное Палестинское Общество 213

Инициативный комитет за улучшение отношений с Советским Союзом 147, 151

Институт востоковедения АН СССР 4, 10–12, 120, 154, 155, 164, 167, 171, 181, 221, 222, 233, 236, 237, 248, 250, 252, 253

Институт стран Азии и Африки при МГУ (ИСАА) 230, 231, 235

Исмаил Х. 98

Капелюк А. 150, 152

Карасова Т.А. 10, 12, 68, 181, 183, 223, 236, 237, 250, 252, 253

Каркаби З. 142

Каргер Дж. 113–115, 175

Кахане М. 126, 134, 139, 164

Кац З. 166, 167, 181

Кац К. 45, 51, 61

КацОз А. 201

Кедми Я. 68, 167, 222, 249

Кеннеди Дж. 49

Киселев В.И. 233

Кислов А.К. 155

Киссинджер Г. 77, 84, 91, 97–99, 103, 104, 105, 108, 111, 113

Кобзон Йосиф 161
Комиссия Аграната 96, 111
Комитет советских женщин (КСЖ)
148, 158, 159, 228
Комитет молодежных организаций
(КМО) 143, 158, 238
Комитет солидарности стран Азии и
Африки 238
Коммунистическая партия Израиля
(КПИ) 63, 67, 141–146, 152, 154, 156–
160, 163, 168, 242, 243
Коростовцев М.А. 179
Косыгин А.Н. 58–60, 63
Котов Ю.В. 112, 116
Крючков В.А. 216
Кузнецов В. В. 41, 61, 110
Кэмпдэвидские соглашения 1978 г.
103, 121–124 152, 187, 211

Левенбраун А. 150

Леви Д. 217
Левин А. 217
Левин И. 241
Левин Х. 242
Левит А. 232
Левый сионистский социалистиче-
ский союз 147, 150
Лес Красной Армии 160, 163
ЛЕХИ 147
Либаи Д. 154, 164
Лига «V» 160
Лига арабских государств 187
Лига защиты евреев 126, 139, 176
Ликуд 10, 12, 104, 116, 208, 210, 223,
250
Луи В. 81
Луцкий В.Б. 23, 183, 252
Любич Р. 147, 159, 169, 249

Маарах 116, 147, 159, 164, 183, 208,
209, 250

Мадридская конференция 7, 194, 219
МАИ 152, 154, 156, 159
Макаренко Б. 163
МАКИ 17, 67, 141
Малик Я.А. 21
Мальцев С.В. 238, 247
МАПАЙ 17, 23, 43, 67
МАПАМ 17, 67, 147, 150, 152, 154, 156,
157, 159, 164
Марван А. 96
Мартиросов Г.И. 204
МАФДАЛ 152
Меир Г. 18, 42, 75, 80, 82–84, 86, 88, 92,
96–98, 107, 111
Меламед А. 152–154
Меридор Д. 201, 222
Микунис Ш. 151, 142
Миллер А.Д. 114, 219
«Мир и прогресс» 238–241, 243–245,
247
Мирон Д. 147
Мирский Г.И. 185, 221, 252
Мова Е.Н. 239, 247
Модаи И. 201
Молотов В.М. 34, 41
Мубарак Х. 187

Намир О. 155, 156, 159, 160, 164

Народный фронт освобождения Пале-
стины 125, 189
Насер Г.А. 7, 32, 34, 36–38, 40, 42, 55–
60, 63, 64, 70, 73, 75, 76, 79, 85, 94, 115,
135, 186
Натив 26, 165, 169, 174, 176, 183, 207,
231, 246
Национальный совет Палестины
(НСП) 109, 189
Нееман Ю. 164, 201
Никсон Р. 77, 96, 98, 101, 103, 111, 137
Носенко В.И. 9, 12, 164, 167, 179, 183,
190, 221, 222, 234, 236, 237, 247, 252,
253

Оников Л.А. 91, 92
ООН 6, 14–18, 20–23, 39, 42, 50, 56,
59, 61, 67, 80, 81, 83, 84, 88, 98, 104, 110,
115–118, 124, 126, 132, 148, 174, 178,
103, 211, 215, 216, 243

Организация исламской конференции
193

Организация освобождения Палестины (ООП) 6, 85, 109, 110, 112, 113,
115, 116, 124, 125, 127, 129–131, 138,
139, 143, 144, 155, 188, 189, 194, 210,
211, 213, 222

Орен М. 56, 60, 63

Панкин Б.Д. 215, 219, 223, 249

«Память» 144, 165, 207

Перес Ш. 111, 113, 160, 170, 192, 193,
196, 197, 200, 208, 209, 210, 214, 221

План Джонстона 31

План Бернадотта 20, 67

Подгорный Н. В. 56

Пожидаев Д.П. 57, 60, 70

Пономарев Б.Н. 35, 79, 110, 135, 141,
212

Поправка Джексона-Вэника 176, 196,
198, 222

Примаков Е.М. 9, 12, 56, 58, 68, 70, 76,
82–87, 112, 113, 116, 117, 120, 122,
135–139, 147, 155, 166, 181, 183, 186,
235, 250

Прокофьев Д.В. 234, 242–245, 247, 249

Пырлин Е.Д. 80, 136, 138, 250

Рабин И. 52, 81, 84, 111, 113, 122, 149,
156, 204

Рабинович И. 202

И.Й.Рабинович 231, 232

РАКАХ 141, 142, 146, 150, 152, 154

Резолюция № 242 СБ ООН 77, 80, 81,
83, 113, 135, 189

Резолюция № 338 СБ ООН 101, 113

Рейган Р. 128, 129, 131–133, 140, 175,
193, 196

Рифтин Я. 147, 148, 151

Рогов С. 167, 179, 183, 222, 253

Роджерс У. 77, 83, 84

Розен М. 196

Розенталь Дж.Я. 147, 151

Русская Духовная Миссия 213

Садат А. 56, 64, 75, 76, 82, 94–96, 98,
108, 115, 121, 122, 187

Сарид Й. 152, 153, 164

Сасер А. 203

Сегев Т. 53, 59, 63

Сегев Ш. 168

Семенов В.С. 56, 81

Семичастный В.Е. 58

Сильвер В. 243, 245, 247

Сильвер Д. 242, 247

Сиско Дж. 78

Скляр Ю.А. 157, 169, 170

Снэ М. 141, 142

Совет Безопасности (СБ) ООН 18, 31,
32, 55, 61, 67, 77, 80, 83, 98, 101, 105,
110, 113, 144, 189, 193, 209

Советский комитет защиты мира
(СКЗМ) 146–148, 151–156, 158, 163,
168, 238

Софер О. 64, 154, 191, 212

Союз советских обществ дружбы и
культурных связей с зарубежными
странами (ССОД) 142, 158, 238

Сталин И. 15, 17, 22, 67, 230, 249

Суслов М.А.

Тавор Й. 200, 222, 244

Текоа Й. 81

Тито И. 63

Туби Т. 141–144, 146, 152–154, 157,
164, 168

Тума Э. 150

«Узники Сиона» 117, 139, 174, 183,
200, 214, 246

Уол Д. 16

Фавзи М. 79

Федер Н. 152, 153

Федоренко Н.Т. 50, 61

Федорченко А.В. 237, 250

Форд Дж. 109, 111

ХАДАШ 143, 156, 159, 164

Хаммер Э. 201

Хейг А. 131

Хрущев Н.С. 28, 31–33, 42, 43, 68, 112

Хусейн Саддам 217

Хусейн, король Иордании 54, 96, 188,
189, 193, 221

Чебриков В.М. 157, 169, 170, 221, 223

«Черные Пантеры» 155

«Черный сентябрь» 86

«Чехословацкая сделка» 40

«Чехословацкое соглашение» 33

Чистяков А.Ф. 217

Чувахин Д.С. 46–48, 55, 57, 60, 63, 69,
70, 249

Шамир И. 117–119, 125, 128, 156, 194,
198, 199, 207–211, 218

Шарет (Шерток) М. 17, 24, 34, 39, 41,
67

Шарон А. 127, 130, 134, 201

Шахам Д. 150, 152

Шеварднадзе Э.А. 157, 169, 170, 187,
193, 194, 201, 209–212, 216, 217, 221,
223

Шейнин Б.С. 183, 236, 237, 241, 249

Шелепин А.Н. 58

Шемеш К. 155

ШемТов В. 154

Шепилов Д.Т. 33, 68

Шульц Дж. 12, 131

Щиборин А.Д. 48, 61

Эбан А. 52, 55, 65, 82, 93, 104–107, 112

Эйдельберг М. 148

Эйзенхауэр Д. 27, 111

Эренбург И.Г. 19

Эшкол Л. 43, 44, 46, 47, 50, 52, 53, 57, 60

Яковлев А.Н. 171, 206, 216

ЯлинМор Н. 147

Ярив Э. 150

Ярринг Г. 80

T.Nosenko, N.Semenchenko

The Vain Enmity

Essays of the Soviet-Israeli Relations 1948–1991

Relations with Israel are a very special part of the foreign policy of the Soviet Union. They were determined not only by pure foreign policy factors, such as regional interests, the global balance of power, security considerations, geopolitical aspirations or strategic priorities. The Soviet Union had the second in its number Jewish population in the world after the United States. The Soviet regime imposed travel bans on the citizens of the country and actually impeded the realization of one of the main Zionist goals – gathering of the Jews in Israel, in the land designated as their historic home. This initial contradiction laid down the ground for the confrontation that followed. In the Soviet Union Zionism was proclaimed the worst enemy of the socialist order and communist ideology. Israel in its turn undertook persistent efforts in the international arena and through the pro-Israeli lobby in the USA with the purpose to press the Soviet regime to loosen its constraints on the Jewish population.

Besides from the early years of its existence Israel chose the pro-Western orientation and was considered by the Soviet Union an imperialist agent in the Middle East. Israel on its part held Moscow responsible for persistent tensions in the region and continued conflict because of its support to Israel's Arab enemies.

Recently published official documents, memoirs of the authors who witnessed the events of the past reveal a complex interaction of factors which led first to the break of diplomatic relations between the two countries and then to a prolonged period of hostility and alienation between them. Only to the end of the 1980-s with the rise of Soviet perestroika which opened way for the reassessment of the Soviet foreign policy, the process of normalization between the USSR and Israel was launched.

Научное издание

**Татьяна Всеволодовна Носенко,
Нина Абрамовна Семенченко**

Напрасная вражда

Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг.

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Компьютерная верстка: *О.Н. Морозова*

Подписано в печать 17.07.2015. Печать офсетная.

Бумага офсетная 80 гм². Формат 60х90^{1/16}

Усл. печ. л. 16,25.

Тираж 500 экз. Заказ № 274.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА»

Москва, ул. Озёрная, д. 46 тел.: (495) 726-31-69;

(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.

e-mail: izmba@yandex.ru

Генеральный директор С.Г. Жвирбо